

Институт истории СО РАН

**Сибирь и войны
XIX – XX веков:**

Сборник материалов
всероссийской научной конференции

Новосибирск
2014

УДК 316.485.26(571)
ББК 63.3(253)53–68я43

С 341

Сибирь и войны XIX – XX веков: Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: изд-во «Параллель»; Институт истории СО РАН, 2014. 152 с.

ISBN 978-5-98901-153-7

Ответственный редактор – д-р ист. наук, проф. М.В. Шиловский

Рецензенты:

д-р ист. наук О.Н. Шелегина,
канд. ист. наук Л.Н. Воробцова,
канд. ист. наук Е.Н. Туманик.

*Рекомендовано к печати
учёным советом Института истории СО РАН*

В сборнике публикуются статьи участников одноименной конференции, проведённой 9–10 июня 2014 г. при участии Института истории СО РАН и ряда западносибирских вузов. В центре внимания – Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война. Авторы сборника затрагивают отдельные сюжеты, связанные с геополитическими предпосылками войны и собственно с боевыми действиями, но основное внимание уделяется воздействию войны на жизнь тыла – разнообразному и нередко противоречивому. Нарушая нормальное течение хозяйственной жизни и создавая дефициты, война в то же время поощряет развитие отдельных отраслей и районов. Обострение межнациональных отношений и этнические репрессии против мирного населения сочетаются с благожелательным отношением к военнопленным. Эти и другие сюжеты обсуждаются с опорой на источники, в том числе впервые вводимые в научный оборот.

Издание адресовано историкам-исследователям, вузовским преподавателям и всем интересующимся историей дореволюционной Сибири.

ISBN 978-5-98901-153-7

© коллектив авторов, 2014
© Институт истории СО РАН, 2014

Оглавление

Геополитические сюжеты и боевые действия

Кани С.К.

Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX – начало XX в.) 5

Кириллов А.К.

«Всё-таки спрут»: Россия в Маньчжурии накануне Русско-японской войны в зеркале английской картографической карикатуры 14

Воробьева Э.А.

Камчатская миссия лейтенанта Гундзи (Япония и Камчатка в Русско-японскую войну 1904–1905 годов) 23

Дегальцева Е.А.

А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны 29

Национальный вопрос в сибирском тылу

Шумилова Э.Е.

Немцы в восприятии горожан Западной Сибири в 1914–1917 гг. 37

Бакирт Д.А.

Жандармские преследования по этно-конфессиональному признаку в Восточной Сибири (1914–1917 гг.) 43

Хоменко Д.Ю.

Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны 50

Военная экономика тыла

<i>Кальмина Л.В.</i>	
Войны начала XX в. как катализатор экономического развития Забайкалья	56
<i>Кушнарева М.Д.</i>	
Пушная торговля на северо-востоке Сибири и государственная политика в годы Первой мировой войны	65
<i>Плеханова А.М.</i>	
Влияние Первой мировой и Гражданской войн на демографические процессы в составе бурятского населения	74
<i>Комлева Е.В.</i>	
Сибирское купечество в годы военных конфликтов (XIX – начало XX в.)	80
<i>Афанасьев П.А.</i>	
Кабинет его императорского величества и Алтайский округ в годы Первой мировой войны	91
<i>Тишкина К.А.</i>	
Роль Е.Л. Зубашева в организации отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1914 г.	99
Исторические источники и документальные коллекции	
<i>Матханова Н.П.</i>	
Бюро печати Татьянинского комитета и собрание воспоминаний беженцев	105
<i>Соколовский И.Р.</i>	
Военные конфликты XIX–XX вв. и поляки в Томске: история одного фотографического альбома	113
<i>Мишина Н.А.</i>	
Первая мировая война: коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея	123
<i>Павлова Н.И., Гайер И.Н.</i>	
Сыны земли Каинской на фронтах Первой мировой	130
<i>Список сокращений</i>	138
<i>Summaries</i>	139

Геополитические сюжеты и боевые действия

УДК 625.1(571):355(091) + 94(571)

Канн Сергей Константинович,

канд. ист. наук,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск),
skann@yandex.ru

Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX – начало XX в.)

Аннотация: В статье обосновывается приоритет военно-политических задач при подготовке и начале реализации проекта Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX – начале XX в., выясняется их соотношение с социально-экономическими задачами, а также анализируется участие различных ведомств Российской империи (путей сообщения, финансов, военного) в осуществлении постройки. Первые проекты железных дорог в Сибири 1830-х гг. имели очевидную торгово-промышленную направленность. Однако по мере развития вопроса на первый план вышли общегосударственные потребности. В статье прослеживается переход от концепции смешанных водно-железнодорожных участков к планам создания непрерывной рельсовой магистрали. Резкое обострение международных отношений на Дальнем Востоке во второй половине 1880-х гг. повлекло разработку проекта отдельных рельсовых участков, а затем «сплошной» Сибирской магистрали. На этом этапе ведущую роль в проектировании Транссиба играло военное министерство. Усилившиеся трения между МПС и военными постепенно были устранены, и после выдвигания С.Ю. Витте на пост министра финансов (1892) был разработан детальный план практической реализации проекта. В статье показано, что существенные элементы этого плана (распределение постройки на три очереди, строительство больших железных мостов через Обь и Енисей и т. д.) детерминировались военно-стратегическими приоритетами. Намеченный Витте план «вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги» преследовал цель создать финансово-экономические и коммерческие условия окупаемости будущей магистрали, без достижения которой нельзя было рассчитывать и на достижение военно-политических целей. В результате, несмотря на значительный дефицит ресурсов и большую несвободу действий, часто носивших

вынужденный характер, России удалось успешно завершить проект и создать условия для своего дальнейшего развития.

Ключевые слова: Транссибирская магистраль, Транссиб, история проектирования и сооружения, военно-политические аспекты, Дальний Восток, подготовка к Русско-Японской войне, Посьет К.Н., Витте С.Ю., Куломзин А.Н., Комитет Сибирской железной дороги.

Изобретение железных дорог сразу привлекло к себе внимание военных. Возможность быстро перебрасывать войска на большие расстояния прочно связала железнодорожные проекты с геополитическими концепциями и идеологическими конструкциями. Проект Транссибирской магистрали не стал исключением. Решающее значение для его постройки имели военно-политические факторы.

В обширной историографии Транссиба сложились разные подходы к его оценке. В работах В.А. Ламина [1], И.В. Мартыненко [2], А.Н. Ременцова [3], А.В. Ремнёва [4], Б.А. Романова [5], Ю.Е. Савельева [3], К. Ушакова [6], Ю.А. Харламовой [7] рассматривается военно-оборонительное значение магистрали. Но большинство авторов констатирует преобладание торгово-промышленных и колонизационных задач проекта и отрицает военно-политическую доминанту. Большое влияние на такие взгляды оказала пропаганда, организованная, в частности, в связи со всемирными выставками в Чикаго, Париже и Глазго [8–12]. Её восприняли многие отечественные и зарубежные авторы, искренне полагающие, что главным мотивом постройки было желание правительства «разбудить» отсталые окраины.

Первые проекты железных дорог в Сибири, действительно, имели очевидные торговые цели [13, с. 141; 14, с. 59; 15, с. 58–59; 16, с. 11–15]¹. Но дореволюционная историография Транссиба совсем не случайно отсчитывала его хронологию от нереализованного проекта капитана Д.И. Романова (1857), имевшего военно-оборонительные цели. По замыслу генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва железная дорога к Де-Кастри позволяла «безо всякого стеснения торговли закрыть вход в Амур иностранным кораблям» [17, с. 76]². Царская историография не афишировала этот аспект дела, когда писала о нём как об исключительно торговом предприятии [10, с. 1–2].

Новая эпоха военного применения железных дорог началась в середине XIX в. Инженер П.Н. Лебедев увидел в них подтверждение мысли Фридриха Великого о том, что «движение есть душа войны». Правда, он допускал, что «для страны очевидно выгоднее было бы, если бы оборонительный путь служил и торговою железною дорогою» [18, с. III, 71]. Этому взгляду вторил С.П. Бутурлин, утверждавший, однако, что «когда идёт речь об обезопасении

---

¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 39.

² О стратегическом значении мер, предпринятых им для обороны р. Амура, сам Муравьёв сообщал в письме к брату 3.04.1858 г.

Государства, меркантильные уважения и расчёты должны быть отодвинуты на второй план» [19, с. 61–62].

Замысел Сибирской магистрали созрел под воздействием самых разных факторов – экономических, политических, административных. Эгоистические желания отдельных городов и губерний уступали место государственным потребностям. Весной 1882 г. министр путей сообщения К.Н. Посыет заявил в Комитете министров, что одной дорогой нельзя решить противоречивые задачи «развития прилежащих местностей» и «сибирского транзита» и предложил кратчайшее направление на Дальний Восток, проходившее через Челябинск. К тому времени железные дороги уже признавались «первостепенными орудиями государственности» [20, с. 102], и в МПС занялись разработкой проекта¹. Царь лично одобрил эти усилия, написав 22 мая на докладе Посыета: «Изыскания произвести безотлагательно и рассмотреть в Комитете министров»².

Когда дефицит казны помешал осуществлению планов, в правительстве обратились к идее «непрерывного водного пути от Тюмени до Амура». Начались работы по созданию Обь-Енисейского канала и расчистке порогов на Ангаре. Через Яблоновый хребет предполагалось построить рельсовый «волок» длиной в 18 вёрст [10, с. 39; 21, с. 16; 22, с. 18–19; 23, с. 2–3]. Однако понимая непредсказуемость природных условий, способных сорвать всю затею, военные быстро к ней охладели. Скептически воспринимались и другие предложения «смешанных» коммуникаций, вроде 160-вёрстного рельсового «волока» от села Берилюз на Чулыме до устья Ангары стоимостью в 4,5 млн р. (30 тыс. р. на версту)³. Никто не верил в обещанное четырёхкратное (до одного месяца) сокращение сроков доставки войск из Тюмени в Забайкалье.

Под давлением обстоятельств всё-таки пришлось «отказаться от прежнего выжидательного образа действий» и инициатива перешла в руки военных [10, с. 68–71; 24, с. 52–53]. Сибирские генерал-губернаторы А.П. Игнатьев и А.Н. Корф во всеподданнейших отчётах за 1885 г. сообщили об опасной активности Китая по реорганизации армии, о наплыве китайцев в восточные районы империи и пр. В качестве защитных мер предлагалось построить рельсовые участки Томск–Иркутск и Байкал–Сретенск и укрепить ими водные пути Сибири. Большой массив собранных данных доказывал окупаемость проекта, его способность преодолеть застой в торгово-промышленных делах и устранить значительные колебания цен между разными областями.

---

¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1466. Л. 48–57 (записка представителя министерства финансов в Комиссии по изысканиям Самаро-Уфимской линии Н.Н.Пирогова, февраль 1883 г.).

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 24. Д. 1165. Л. 99 об.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 1–4 об.

По расчётам барона Корфа, количество грузов из европейской России составляло 750 тыс. пудов. Порученцы губернатора собрали сведения о ценах, излишках муки и живого скота, почтовых грузах и прочих доходах, способных покрыть эксплуатационный расход проектируемых участков¹. Стоимость 2500 км дорог оценивалась в 90 млн р., расходы по эксплуатации – в 9,5 млн, доходы – в 6,5 млн и дефицит – около 3 млн р.² Подчёркивая, что промедление «не только не желательно, но даже и опасно», он предлагал Посьету решить вопрос, не дожидаясь улучшения состояния казны.

Некоторые архивные находки позволяют выяснить, каким образом Корф собирался осуществить свои планы. Среди документов мы нашли Устав акционерного «Общества Сибирских железных дорог» (дозволен цензурой 14.03.1888)³, составленный камер-юнкером Р. фон-Гартманом, действительным статским советником Ю.С. Нечаевым-Мальцевым и почётным гражданином А. Кузнецовым, а также ведомости ширококолейных дорог, справки о пошлинах на чай и пр. Барон предполагал договориться с Обществом, но «не на концессионном праве, а только как со строительным обществом», чтобы впоследствии с участием правительственной комиссии передать дорогу в казённую эксплуатацию. Наши данные не совпадают с информацией о том, что ходатаями по делу выступали московские купцы Зензинов и Диллениус, а также инженер Гронский, заявившие осенью 1887 г. о желании строить Сибирскую дорогу по узкоколейному типу с колеёй не шире 3 футов (91 см) [10, с. 76, прим. и 98].

Сильное противодействие планам МПС оказывал министр финансов И.А. Вышнеградский, считавший строительство на востоке безусловно убыточным. Корф и Игнатъев прислали новую записку⁴, в которой писали: «Политические замешательства, возникающие в настоящее время и в Западной Европе и на Востоке, приводят к тому несомненному выводу, что, быть может, недалеко то время, когда грозные события потребуют напряжения всех сил государства для того, чтобы дать России возможность занять в этой борьбе подобающее ей место. Не подлежит сомнению, что и Дальний Восток не может не вызвать при этом особой заботы... малейшее политическое недоразумение в Европе вызывает мобилизацию войск в Приамурском округе. Такой порядок вещей, стоящий правительству очень дорого и препятствующий успешному развитию края, будет неизбежен до тех пор, пока своевременное прибытие резервов в Приамурский округ не будет обеспечено».

¹ ГАЧО. Ф. I-о. Оп. 1. Д. 13530. Л. 2–2 об, 5, 6, 8.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 48 об–49.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110а. Л. 6–23 об.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 44–55 об.; РГИА. Ф. 265. Оп. 2. Д. 619. Л. 192–203; Д. 620. Л. 328–334 об. Варианты записки (копии за подлинными подписями) содержат небольшие текстологические расхождения в отношении эмоциональной оценки угроз, способов постройки и доходности линий.

Записка сыграла большую роль в дальнейших событиях. 25 мая военный министр П.С. Ванновский получил соизволение императора на проведение особого совещания¹. Оно состоялось 1 июня на квартире у Ванновского в составе А.А. Абазы, четырёх министров, госконтролёра, начальника штаба Н.Н. Обручева и двух сибирских генерал-губернаторов в ранге командующих военными округами. Встреча приняла бурный характер. Отдельно обсуждался вопрос о крайне необходимом уссурийском участке железной дороги.

Официальный исторический очерк при изложении описываемых событий грешит массой умолчаний [10, с. 76–77]. Датой совещания названо 15 июня, а по поводу обсуждения говорится, что оно касалось исключительно технических вопросов изысканий. Между тем, из документов видно, что заседания длились целую неделю, а речь, в буквальном смысле, шла о «спасательной операции». По словам Корфа, заметную роль сыграл начальник штаба Обручев, с чьей «лёгкой и дельной руки» «дело наших железных дорог пошло быстро в ход»². 7 июня журнал совещания был утверждён императором в Петергофе³.

Главные решения Посъет сообщил своему товарищу Н.Н. Селифонтову в письме, отправленном 24.06.1887 г. с борта парохода «Горнео»: «Вопрос об изысканиях, поднятый обоими генерал-губернаторами вследствие отказа Вышнеградского в средствах, – писал Посъет, – был доложен военным министром государю императору, состоялось совещание у военного министра, а затем другое у меня, и необходимая сумма (485 т. р.) нашлась, продолжаться изыскания будут два года... Не обошлось, конечно, без привычных вторжений желающих везде и во всём вмешиваться...»⁴. В последней фразе министра сквозила явная обида. Что же произошло?

4-й пункт журнала совещания гарантировал военным чинам «деятельное участие» во всех мероприятиях. Посъет отреагировал «особым мнением»⁵, в котором бурно протестовал против выражения недоверия к МПС, но его никто не услышал. Александр III подытожил «особое мнение» резолюцией на полях: «Если никто с этим мнением не согласен, то нечего тут делать»⁶. Через несколько дней Ванновский сообщил в записке Обручеву: «Сегодня видел К.Н. [Посъета] в Петергофе, дуется, не говорит и еле протягивает руку! Беда!»⁷

Подозрительное отношение к проектам МПС существовало со времён «железнодорожного грюндерства», разорившего казну [25, с. 44; 26, с. 368]. Но вопрос о доверии представлял лишь попутное следствие более глубоких

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 44, 61.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110а. Л. 67.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 108–110 об («Заключения Особого совещания»).

⁴ ОР РНБ. Ф. 682. Оп. 10. Д. 205. Л. 81 об.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 111–112 («Особое мнение министра п. с.»).

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 111.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 124.

расхождений. Посьет считал сибирские линии «частями одного из важнейших торговых путей, долженствующих произвести полный переворот в сношениях наших с азиатскими народами»¹. Магистраль он мыслил себе «сплошной» и ширококолейной. Военные, напротив, соглашались на «островные» и даже узкоколейные линии. По словам Н.А. Волошинова, эти линии столь же важны, «как необходимо содержание регулярной армии в европейской России» [27, с. 1]. Волошинов писал, что ни барон Корф, ни граф Игнатъев никогда и не ставили вопрос на почву денежных выгод², а государственное значение дорог таково, что их надо строить независимо от того, принесут ли они ежегодный доход или вызовут новые расходы.

Расхождение существовало и по способу постройки. Посьет был горячим сторонником казённого способа работ, а Корф, как уже говорилось, склонялся к частному. Уже после отставки Посьета он писал Обручеву: «Надеюсь, что Паукер [новый глава МПС. – С.К.] откажется от идеи Посьета строить непременно казённые дороги. В таком случае будет нетрудно быстро провести вопрос, но только при одном условии: чтобы Вы взяли за его проводку. На Вас вся надежда!»³.

Увы! Паукер вскоре умер, а его место занял убеждённый сторонник Посьета и бывший его товарищ А.Я. Гюббенет. Всю свою энергию он направил на проект «сплошной» Сибирской магистрали, причём исключительно на началах казённой постройки. В неравной борьбе с минфином запросы МПС удовлетворялись лишь на 7%. Главную роль в «распиливании» бюджета играли военные. «Вчера Куропаткин ездил к Вышнеградскому требовать 40 млн на военные нужды, – написала А.В. Богданович 26.11.1889 г. – Несмотря, что все говорят о мире, – готовятся к другому» [28, с. 106]. Огромные средства уходили на перевооружение армии и строительство военного порта в Либаве. Когда же речь заходила о Сибирской магистрали, Абаза сетовал на неспособность военных определиться со своими первоочередными нуждами⁴.

К лету 1890 г. положение на Дальнем Востоке стало совсем угрожающим. Ванновский писал о сообщениях печати относительно военных приготовлений в Маньчжурии. Корф в шифрованных телеграммах 3 и 5 июля предупреждал о возможной потере края, так как из-за обмеления озера Ханка нельзя подвезти резервы к Владивостоку. По сведениям, англичане спешно проектировали железную дорогу к пограничному городу Хунчуну на р. Сунгари. Министр иностранных дел Н.К. Гирс с № 62 от 31.08.1890 переслал в МПС копию доверительного письма к Вышнеградскому, где называл

---

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110. Л. 111–112.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110а. Л. 189 об.–190 (докладная записка Волошинова министру п. с., май 1889 г.).

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1110а. Л. 67–67 об. (письмо А.Н.Корфа – Н.Н.Обручеву от 6.12.1888 г.).

⁴ РГИА. Ф. 265. Оп. 2. Д. 642. Л. 14 об.

немедленное начало работ «вопросом первостепенной для нас важности». В итоге Александр III лично потребовал ускорить постройку уссурийского участка¹.

Но при отсутствии чёткого плана работ и постоянном сопротивлении минфина, ссылавшегося на «крайнюю осторожность в расходовании средств», шаги правительства сильно запаздывали. Поэтому рискованное решение поставить во главе проекта малоизвестную, но энергичную фигуру Витте выглядело вполне объяснимым. По словам Б.А. Романова, именно Витте придал всему делу «боевой» характер [5, с. IX, 3, 5; 29, с. 24]. Он свёл воедино множество материалов, накопившихся в канцеляриях, научных обществах и печати, и представил детальный план постройки магистрали с организационной и финансово-экономической стороны.

Впервые этот план излагался во всеподданнейшем докладе 6.11.1892 г. Важным итогом, по мнению Витте, стало бы обретение Россией той военно-политической мощи, о которой, «по очевидности дела», не стоило и распространяться. «Насколько дорога сокращает расстояние европейской России от азиатского востока, – подчёркивал Витте, – настолько она увеличивает нашу силу на азиатском востоке» [30, с. 171, 207]. Весь проект был разделён на три очереди. Целью такого распределения было очевидное желание прикрыть наиболее уязвимые места на окраинах и уже на первом этапе (1893–1900) наладить устойчивую связь с Владивостоком. По тем же стратегическим основаниям Витте отказался от временных паромов на больших сибирских реках и согласился строить постоянные железные мосты на Оби и Енисее уже в рамках первой очереди [30, с. 175–177].

Примечательно, что уже в 1892 г. Витте не исключал возможности проведения ветви к китайской границе («в расстоянии 4–4½ тысяч вёрст от Волги», т. е. из района Читы) [30, с. 169]. Позднее, когда военные специалисты установили большие затруднения на амурском участке, Витте с лёгкостью обратился к постройке Маньчжурской ветви и, с этой точки зрения, отказался от многих идей своих предшественников. Мирный замысел Посьета о ширококолейной «торговой» дороге на восток трансформировался в проект экономической и военно-политической экспансии, причём орудием захвата «сферы влияния» в Маньчжурии стала «5-футовая русская железнодорожная колея» [5, с. 137]. Была отброшена и главная идея подполковника Волошинова, отстаивавшего проведение дороги исключительно по русской территории.

Много лет спустя Витте объяснял, что «если бы стратегические и политические соображения не играли такую громадную роль в конфигурации нашей железнодорожной сети и в её оборудовании, если бы развитие всего железнодорожного дела в России подчинялось лишь расчётам коммерческим и экономическим, как это имеет место, например, в Америке, то, конечно, и общий вид нашей сети был бы другой, и она, вероятно, не давала бы убытки

---

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 24. Д. 1165. Л. 107–108.

и, во всяком случае, дефицит был бы умеренный и случайный» [20, с. 103]. Нельзя не видеть за этими словами признания огромной степени несвободы, в которой действовал главный инициатор и двигатель проекта.

Очевидно, что многочисленные обещания благоприятных последствий постройки, рассыпанные в докладах Витте 1892–1893 гг., преследовали цель мобилизовать максимум возможностей для решения трудной задачи. У Витте, по существу, не было выхода: связанный личным обещанием императору о скорейшем сооружении дороги [31, с. 432–433], он во что бы то ни стало хотел его выполнить. Но военно-политические задачи проекта могли быть решены только в случае успешной реализации задуманной программы вспомогательных предприятий. Витте легко отказывался от защиты интересов Сибири в пользу весьма конъюнктурных соображений именно потому, что для него «главный приоритет составляли государственные интересы, а местные потребности удовлетворялись лишь в той мере, в какой они вносили вклад в строительство и эксплуатацию железной дороги» [32, р. 142–145, 148, 150].

Литература

1. Ламин В.А. Экономико-географические условия выбора генерального направления трассы Сибирской железной дороги // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С.51–60.
2. Мартыненко И.В. Организация воинских перевозок в русско-японскую войну 1904–1905 гг. // Железнодорожный транспорт. 2007. № 6. С.73–77.
3. Ременцов А.Н., Савельев Ю.Е. К вопросу оборонительной роли Транссибирской железнодорожной магистрали // Из истории России первой половины XX в. М., 2007. С.54–78.
4. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Омск, 2004. 550 с.
5. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. 616 с.
6. Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.; Л., 1928. 194 с.
7. Харламова Ю.А. Политическая доминанта при строительстве и эксплуатации железных дорог Российской империи // Бюллетень транспортной информации. 2006. № 5. С. 26–27; № 6. С. 30–35; № 7. С. 33–36.
8. Краснов П.Н., Сафонов В.Ф. Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. 224 с.
9. Оланьон К. Сибирь и её экономическая будущность. СПб., 1903. 263 с.
10. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем. СПб., 1903. 475 с.
11. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893. 317 с.; 2-е изд.: СПб., 1896. 293 с.
12. Соболев М.Н. Экономическое значение Сибирской железной дороги. Томск, 1900. 35 с.

13. Боричевский И.П. Предположения частных лиц об устройстве железных дорог, поступившие в Главное управление путей сообщения и публичных зданий (ГУПС) до 1860 года // Журнал ГУПС. 1863. Т.39, кн.1. С. 128–162 (неофиц. отд., 2-я паг.).
14. Воронин М.И. О первом проекте Великого Сибирского пути // Транспортное строительство. 1970. № 9. С. 59.
15. Зензинов Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М., 1986. 216 с.
16. Зензинов Н.А. Транссибирской магистрали – 100 лет // Железнодорожный транспорт. 1991. № 5. С. 4–77.
17. Романов Д.И. Софийско-Александровская железная дорога. СПб., 1859. 93 с.
18. Лебедев П.Н. Применение железных дорог к защите материка. СПб., 1857. 90 с.
19. Бутурлин С.П. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России. М., 1865. 98 с.
20. Витте С.Ю. Причины убыточности русских железных дорог // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1910. Т. 2, № 16. С. 101–105.
21. Балкашин Н.Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями // Записки ЗСОРГО. 1881. Кн. 3. С. 1–32 (5-я паг.).
22. Сиденснер А.К. О железной дороге в Сибири. СПб., 1884. 44 с.
23. Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С.Ю.Витте. Пг., 1916. 360 с.
24. Зубков К.И. Геополитические детерминанты развития в XVI – начале XX века // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. Гл. 1.1. С. 21–78.
25. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960. 415 с.
26. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. М., 2006. 734 с.
27. Волошинов Н.А. Сибирская железная дорога: записка-карта. СПб., 1890. 10 с.
28. Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М.; Л., 1924. 563 с.
29. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955. 695 с.
30. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. 647 с.
31. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.1 (1849–1894). 586 с.
32. Marks S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London, 1991. 261 p.

УДК 94(47)

Кириллов Алексей Константинович,

канд. ист. наук,

Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
Новосибирский государственный университет,
alkir.nsk@gmail.com**«Всё-таки спрут»:****Россия в Маньчжурии накануне Русско-японской войны
в зеркале английской картографической карикатуры**

Аннотация: Статья вводит в научный оборот картографические карикатуры конца XIX – начала XX вв., до сих пор не применявшиеся при анализе российской внешнеполитической истории. С помощью карикатур изучается изменение отношения европейцев к России в зависимости от поворотов её внешней политики. Для подробного разбора взяты две работы классика жанра – англичанина Фредерика Роуза, автора знаменитой «Осьминожьей карты» Европы 1877 г. В 1899 и 1900 гг. он издал две картографические карикатуры, разительно несхожих изображением России: в первом случае России даруется человеческий облик, во втором – возвращается личина осьминога, выражающая критическую оценку российских действий в Маньчжурии. Даже в благожелательной к России работе 1899 г. заложено отношение автора к Маньчжурии как району, уже безвозвратно попавшему под власть России. Между тем, с точки зрения международного права Россия лишь пользовалась в Маньчжурии определёнными привилегиями, не противоречащими суверенитету Китая и не подпадающими под понятие агрессии. В российской историографии принято считать агрессивной лишь ту линию дальневосточной политики, которая связана с группировкой «безобразовцев» – противников С.Ю. Витте. Изучение европейских картографических карикатур позволяет увидеть, что задолго до отставки С.Ю. Витте (1903 г.) и даже до ввода российских войск в Маньчжурию во время Боксёрского восстания (1902 г.) российская дальневосточная политика воспринималась европейцами как опасная для их интересов экспансия. Это позволяет уточнить представления о предпосылках войны. Наряду с победой агрессивной группировки в российской внутривосточной борьбе в числе предпосылок следует учитывать обострённое восприятие любых активных российских действий зарубежными наблюдателями.

Ключевые слова: Русско-японская война, картографическая карикатура, «Осьминожья карта», Фредерик Роуз, КВЖД, Порт-Артур, Даляньвань, «Джон Буль и его друзья», «Ловля рыбы в мутной воде».

Русско-японская война 1904–1905 гг. важна тем, что это военное столкновение, выросшее из экономической борьбы. Перенос центра тяжести с политической экспансии (расширение границ) на экономическую – вот то новое, что появляется в международных отношениях в последней четверти XIX века. Прежде чем державы научились обходиться без войн в случае экономических противоречий, потребовалось много крови. Первая из таких войн – Русско-японская.

Споры о том, кто виноват в катастрофическом исходе Русско-японской войны, ведутся со времён публикации воспоминаний С.Ю. Витте, который подчёркивал, что он хотел лишь мирного проникновения России. Классикой темы долгое время оставались работы Б.А. Романова [4, 5], который доказывал, что поход в Китай за экономическими привилегиями неизбежно должен был привести к войне. Виттевскую мысль о мирном характере его политики Романов называл грубой легендой.

Споры обострила книга И.В. Лукоянова [1]. Автор пишет, что рекламируя дальневосточный проект молодому императору, Витте действительно говорил о внешнеполитической стороне дела. Однако на деле министр финансов последовательно придерживался мирной политики, и получившаяся в итоге война – дело рук противников Витте. Первое ослабление позиций С.Ю. Витте И.В. Лукоянов связывает с концом 1897 г. (оккупация Порт-Артура по воле министра иностранных дел М.Н. Муравьёва). Второе – с вторжением в Маньчжурию (лето 1900 г.), после чего влияние министра финансов в дальневосточных делах неуклонно и постоянно падало.

Нельзя сказать, что И.В. Лукоянов просто пересказывает версию С.Ю. Витте; к его воспоминаниям он тоже относится критически, доказывая, что виттевский план экономического проникновения в Китай потерпел неудачу, после чего император и дал ход партии войны.

Попутно отмечу: И.В. Лукоянов претендует на то, чтобы опровергнуть подход Б.А. Романова. На самом деле, и у Б.А. Романова, в его ранних работах, мы видим сложную, не прямолинейную оценку. Есть утверждение о причастности С.Ю. Витте к дальневосточной авантюре. Но наряду с этим, в одной из своих «маньчжурских» статей начала 1920-х годов Б.А. Романов совершенно определённо утверждает, что «внутренняя правдивость» мысли о миролюбии Витте «не подлежит спору». «Действительно, Витте так туго связал свою карьеру с мыслью о безусловной [разрядка автора – А. К.] недопустимости для России войны на Дальнем Востоке и необходимости предотвратить её во что бы то ни стало, что предпочёл лучше расстаться с властью (август 1903 г.), чем сделаться соучастником в политике, “вызвавшей” войну» [3, с. 140]. Факты, подтверждающие эту мысль, сохраняются и в позднейших работах Б.А. Романова [4, 5]. Не исключено, что перенос центра тяжести в его выводах на «виновность» Витте был маскировкой, вызванной идеологическим давлением. Как известно из биографии Романова, написанной его учеником В.М. Панеяхом, работать Романову приходилось под постоянным давлением противников [2].

Все эти споры туго завязаны на российскую внутривосточную борьбу. В конце концов, всё упирается в попытку понять Витте и его политику, не бывшую мягкой и уступчивой, но не бывшую и грубой и прямолинейной. Это – «россиецентрический» взгляд на события. Полезно сопоставить его со взглядом из-за рубежа.

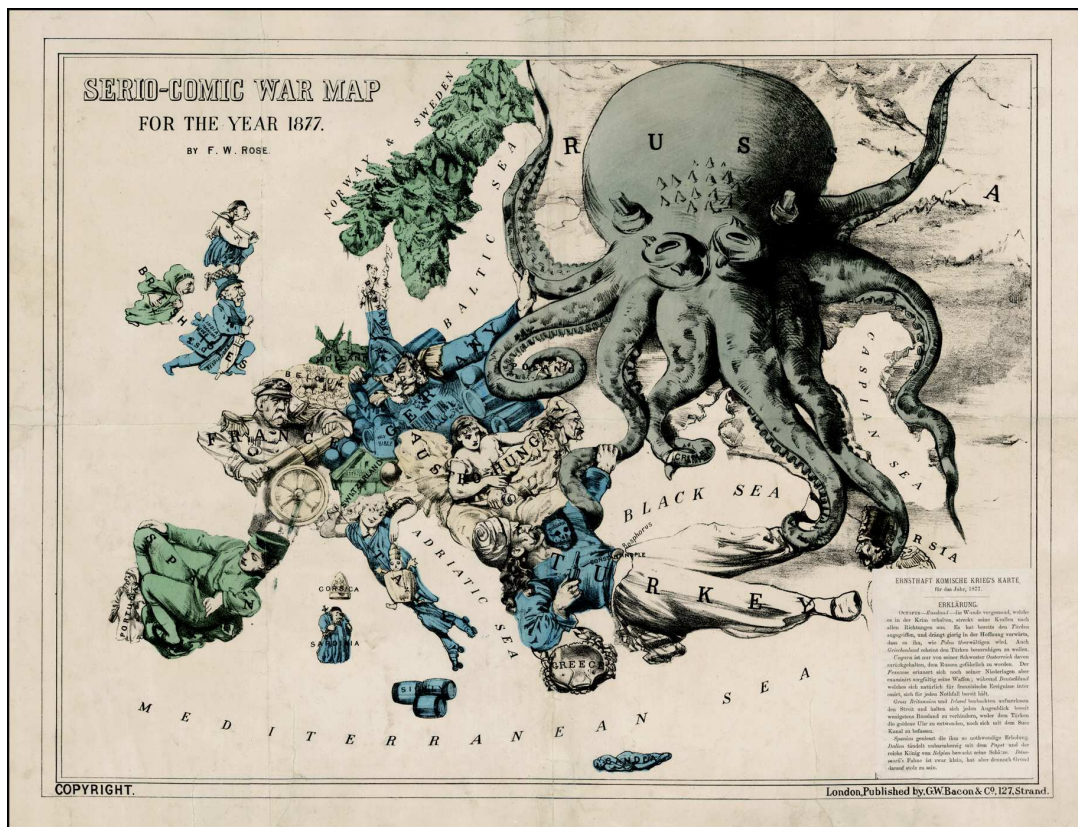
Этот взгляд обеспечат нам картографические карикатуры англичанина Фредерика Роуза. Политические карикатуры на международную злобу дня стали обычным делом ещё в XVIII в. – сначала в Великобритании, затем и в других странах. Подборка из нескольких тысяч цветных карикатур, печатавшихся английскими издательствами по ходу Наполеоновских войн, была выкуплена Александром I, затем она пополнялась из других источников; ныне коллекция на 8 тыс. листов хранится в Эрмитаже, недавно избранные иллюстрации были изданы [6]. Параллельно развитие картографии привело к появлению юмористических карт, представляющих страны или континенты в виде людей или сказочных существ. В середине XIX в. произошло слияние двух жанров. Стали появляться карты, по традиции именуемые комическими («Komische Karte», «Serio-comic map», «Carte drolatique», «Humoristische Karte»), но по сути являющие карикатуры на международную обстановку. В дальнейшем я буду их именовать картографическими карикатурами.

Карты эти хранятся в различных частных и общественных коллекциях. В XXI в., по мере распространения скоростного Интернета и планетарных сканеров, они стали всё чаще появляться в Интернете. Как правило, их выкладывают не учреждения, а частные энтузиасты, которых интересует не научная работа с документом, а лишь занимательный сюжет. Это создаёт трудность для исследователей, которым нужна точная ссылка и объективное описание, чтобы понять историю документа, оценить его достоверность, представительность и тому подобные «важные мелочи». Тем не менее, наличные публикации достаточно многочисленны (порядка полусотни для второй половины XIX – начала XX в.), чтобы можно было выделить наиболее распространённые сюжеты и понять, каким произведениям художников удалось снискать популярность. Это создаёт основу для научного изучения картографических карикатур.

Первая известная мне картографическая карикатура с участием России относится к годам Крымской войны. Россия изображена на ней в облике медведя (которому союзники подстригают когти). Русский медведь – обычное европейское клише: этот образ использовался англичанами в начале XIX в., будет он использоваться и в начале XX столетия. Однако в 1870-е годы был создан образ, надолго затмивший медведя: осьминог. Создатель этого образа – англичанин Фредерик Роуз (Fred. W. Rose).

«Полушутливая карта войны» 1877 г. была переиздана самим Роузом с поправками, переиздана американцами, переведена на голландский – и можно полагать, что этим дело не ограничилось. Как видно, карта пришлась по душе европейцам. О том же свидетельствует и надпись на одном из следующих творений того же автора. Двадцать два года спустя издатель так рекламировал

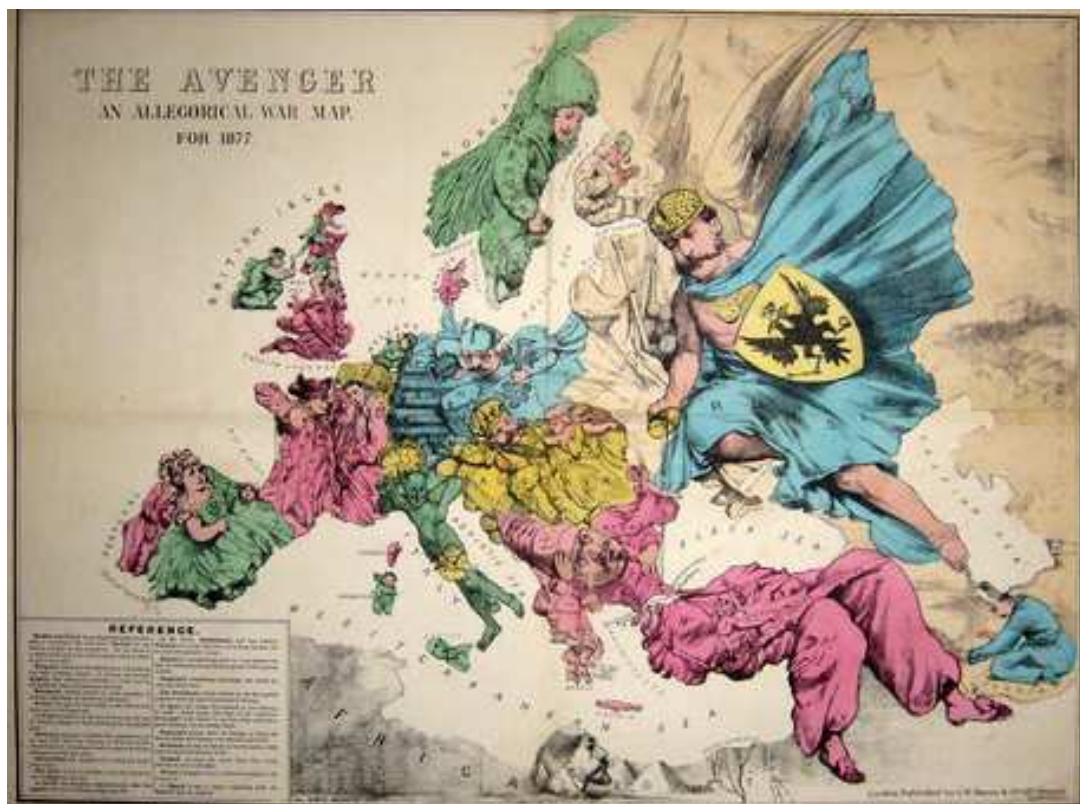

очередную «полушутливую карту»: «A serio-comic map of Europe by Fred. W. Rose, author of the "octopus" map of Europe»¹.

«Осьминожья карта» 1877 года удивительна и важна по двум причинам. Прежде всего, сугубо враждебный образ России вдохновлён событиями, в самой России при любой идеологии считавшихся бескорыстным подвигом. Десятки тысяч русских полегли на болгарских полях ради того, чтобы «братья-славяне» получили свободу. Сугубо материальные приобретения России в Русско-турецкой войне (Южная Бессарабия и Карсская область) таковы, что ради них воевать никто бы не стал. Нежелательная для России война была начата лишь под угрозой усугубления массовой резни славян турками. Скрепя сердце, русский император подписал манифест о начале войны. А европейский наблюдатель воспринимает происходящее как наглую агрессию России, жаждущей экспансии.

Что ещё более удивительно: карикатурист Роуз работал независимо от идеологии. В 1877 году он создал не одну, а две карты. Вторая называется «Мститель». Архангел, имеющий на щите российский герб, а в лице – явное

¹ «Полушутливая карта Европы от Фред. Роуза, автора "осьминожьей" карты Европы».

сходство с Александром II, пронзает на этом рисунке испуганного турка клинком к надписью «защита угнетённых».

Тим Брайарс – опытный лондонский торговец коллекционными картами и автор недавней книги по картам XX в. [8], написанной в соавторстве с куратором отдела редких карт Британской библиотеки, с восторгом писал о случайной покупке им этой прежде неизвестной «половинки» знаменитой «осьминожьей» карты. [7] «Мститель» явно показывает: Ф. Роуз и его издатель не были уверены в том, чью сторону примет общественное мнение, и приготовились к любому повороту. Но «Мститель» оказался невостребованным, а «осьминожья карта» разошлась на всех языках Европы. Сам по себе этот факт полезен для осмысления событий, связанных с Русско-турецкой войной; для нас же сейчас он важен как штрих к портрету Ф. Роуза. На конец XIX в. это был опытный карикатурист, познавший европейскую славу.

Прошло 22 года после «осьминожьего» успеха, и Роуз изменяет облик России на вполне благоприятный. В 1899 г. он создал рисунок «Angling in troubled waters» («Ловля рыбы в мутной воде»).

Николай II – с оливковой ветвью: ещё в 1898 году он выдвинул идею конференции об ограничении вооружений, которая и состоялась в Гааге в мае–июне 1899 г.

Но уже год спустя Ф. Роуз возвращает России зловещее обличье («John Bull and his friends» – «Джон Булль и его друзья», 1900).

Подпись к карикатуре 1900 года довольно ожидаема: «Russia, in spite of the czar's noble effort to impress her with his own peaceful image, is but an Octopus still. Far and wide her tentacles are reaching. Poland and Finland already know the painful process of absorption. China feels the power of her suckers, and two of her tentacles are invidiously creeping towards Persia and Afghanistan, while another is seeking for any point of vantage where Turkey may be once more attacked»¹.

Маньчжурская внешность головы, обвитой щупальцем наверху, не оставляет сомнений в том, что озлобление карикатуриста вызвала операция в Маньчжурии. Основные сражения русской армии против ихэтуаней развернулись с июля по сентябрь. Ещё в августе Россия обещала вывести войска, как только Маньчжурия будет очищена от повстанцев, но этого не произошло.

¹ «Несмотря на благородную попытку царя впечатлить подданных своим миротворческим обликом, Россия по-прежнему не более чем осьминог. Широко раскинулись его щупальца. Польша и Финляндия уже познали болезненный процесс поглощения. Русские щупальца уже присосались к Китаю, два других нагло тянутся к Персии и Афганистану, а ещё одно ищет удобную точку, чтобы вновь наброситься на Турцию».

Таким образом, пара карикатур 1899 и 1900 гг. подчёркивает раздражение, произведённое русской операцией в Маньчжурии. Это лежит на поверхности. Более интересно подробнее присмотреться к карте 1899 года. Рисунок оправдывает название («Ловля рыбы в мутной воде»). Великобритания в мутной воде рубежа тысячелетий выловила Египет (ставший её колонией), Германия – Киао-Чау, Франция – Фашоду... Автор саркастически изобразил раздел мира великими державами. Россия тоже участвовала в этом соревновании.

На полях карты автор поясняет свои аллегии, каждой стране посвящая несколько строк. Вот как описывается положение России: «Russia is offering the olive branch to the world. All honour to him, but if he could discard those toys in his belt, and the store under his right arm, and if we knew exactly what fish he is playing in his line, the world might be more ready to accept his offer»¹.

Стоит обратить внимание на выражение «what fish he is playing in his line». Line – это отсылка к гольфу – в данном случае образ политически нагруженный; fish – это и рыба (отсылка к рыболовной сетке Николая II), и

¹ «Россия предлагает миру оливковую ветвь. Это делает ей честь, но мир мог бы проявить больше готовности принять её предложение, если бы она могла убрать эти игрушки, что висят у неё на поясе, и арсенал из-под правой руки, и если бы мы более точно знали, какую игру она играет».

(применительно к карточной игре) новичок, который делает простые ошибки и проигрывает. Получается довольно замысловатая игра слов, которую, по-видимому, надо понимать так: Россия с нами хитрит (не признаётся, чего она хочет), но это дилетантская игра, которую мировое сообщество видит насквозь, и оно не допустит успеха России. Как бы то ни было, надпись привлекает наше внимание к улову России.

В рыболовной сетке Николая II – четыре рыбы: Мерв, Хива, Даляньвань, Порт-Артур. Это неполный перечень: отсутствует как минимум Бухара, хивинский «брат-близнец». Ясно, следовательно, что художник лишь показал направления. Порт-Артур и Дальний – крайние точки маньчжурского направления российской экспансии.

Бросается в глаза, что юридическое положение российского «улова» весьма разное. Мерв включён в состав России и является частью Закаспийской области. Хива формально сохраняет самостоятельность (договор 1873 года лишь подчиняет России её внешнюю политику), сохраняется местный хан и система управления. Но на деле и Хива, Бухара, во-первых территориально урезаны (из бывшего буфера между Россией и Афганистаном они превращаются почти в анклав), во-вторых политически полностью подчиняются России (как показывает нам судьба Кокандского ханства, превращённого в Ферганскую область после антирусского восстания там). Так что самостоятельность иллюзорна, но основания у А.Ф. Маркса (атлас 1905 г.) красить Хиву и Бухару в особый цвет – есть. Наконец, Порт-Артур и Дальний – это всего лишь аренда, которая истекает через 25 лет и выглядит с русской стороны относительно честной сделкой.

Почему англичанин ставит эти столь разные явления на одну доску? Можно предположить, что автор ставит под сомнение окончательность присоединения Мерва. Это маловероятно, поскольку граница между Россией и Афганистаном проводилась при участии англичан – наиболее влиятельного внешнеполитического игрока 2-й половины XIX в.

Остаётся противоположное объяснение: Ф. Роуз уже почитает Маньчжурию попавшей на сковородку к России. Каков бы ни был метод, будь то аренда или прямой захват, но если русские куда-то пришли, то это экспансия Российской империи – так можно сформулировать восприятие карикатуриста.

И это важно для понимания того, почему противостояние в Маньчжурии скатилось в войну. Противостояние между С.Ю. Витте и «безобразовцами» разрешилось победой воинственной группировки только летом 1903 г. Однако война была предопределена раньше – и не исходом подковёрной борьбы при российском дворе, а настроением умов в европейских и азиатских министерствах иностранных дел.

С российской точки зрения начальный этап проникновения России в Маньчжурию, оформленный законными договорами 1896–1898 гг. с Китаем (о строительстве КВЖД, ЮМЖД, аренде незамерзающих портов) выглядел довольно безобидным. Из этих действий не обязательно вытекала агрессия,

противоречащая международным нормам. В глазах же иностранцев уже эти действия были явной экспансией, чрезмерным усилением России в Китае. И именно отношение европейцев к дальневосточной политике России сыграло ключевую роль: только заручившись союзом с Великобританией (1902 г.), Япония повела дело к войне с Россией. То, что в глазах российских руководителей было законным обеспечением собственных экономических интересов и безопасности, в глазах Европы выглядело как домогательство, которое должно быть остановлено вооружённой рукой.

Литература

1. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
2. Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
3. Романов Б. А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Исторический сборник. Вып. 1. Пб., 1923. С. 120–150.
4. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928.
5. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М., 1955.
6. Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталёв Д.Г. Медведи, Казаки и Русский мороз: Россия в английской карикатуре до и после 1812 года. СПб.: Издательство «Арка», 2014. 252 с.
7. Bryars Tim. The Avenger, not the octopus: Fred Rose's other map of 1877 [Электронный ресурс:] <http://timbryars.tumblr.com/post/66884446221/the-avenger-not-the-octopus-fred-roses-other-map-of> [Дата публикации: 13.11.2013; дата последнего обращения: 01.10.2014]
8. Bryars Tim, Harper Tom. A History of the 20th Century in 100 Maps. L.: The British Library Publishing Division, 2014.

94(47).083.4

Воробьева Эвелина Александровна,

канд. ист. наук, доц.,

Новосибирский государственный технический университет,

tinva@yandex.ru

Камчатская миссия лейтенанта Гундзи (Япония и Камчатка в Русско-японскую войну 1904–1905 годов)

Аннотация: Статья посвящена событиям на Камчатке в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов. Подробно раскрывается один из эпизодов этой войны – экспедиция лейтенанта японского флота Сечу Гундзи в село Явино, воспринятая русской стороной как попытка захвата Японией Камчатки. Поскольку Сечу Гундзи установил в селе Явино столб с надписью о том, что Камчатка отныне принадлежит Японии, и распространил прокламации соответствующего содержания, это дало повод российским властям обвинить Японию в попытке оккупации Камчатки и, в целом, в широких захватнических планах, касающихся русского Дальнего Востока. Однако малочисленность отряда Гундзи, отсутствие какой-либо официальной поддержки (например, японского флота) и ряд других моментов дают повод усомниться в этом.

В статье приводятся уникальные биографические сведения о Сечу Гундзи, переданные автору правнучкой Гундзи (г-жой Харухи Фунакава) и позволяющие по-новому взглянуть на «экспедицию» Сечу Гундзи. Харухи Фунакава считает, что, будучи потомственным самураем, Гундзи не мог действовать иначе, чем в соответствии с духом Бусидо. Переговоры о признании Камчатки частью Японии Гундзи рассматривал как часть своего долга перед отечеством, но при этом проявил и истинную человечность, и уважение к жителям Камчатки.

Ключевые слова. История России, история Дальнего Востока, история Камчатки, Камчатское торгово-промышленное общество, русско-японские отношения, Русско-японская война 1904–1905 годов, оборона Камчатки, общественное сознание, события в Явино, Сечу Гундзи.

Среди событий Русско-японской войны есть один «частный», но весьма примечательный эпизод. Речь идет об экспедиции лейтенанта японского флота Сигэтада Гундзи (в русских источниках его пишут как Сечу Гундзи или Гунджи) и его попытке «захватить» Камчатку. Впрочем, чем на самом деле являлась данная экспедиция – спорили как современники событий, так и последующие поколения историков. Для нас же этот эпизод может послужить иллюстрацией к тому, как существующие в общественном сознании стереотипы и страхи влияют на восприятие конкретных событий и приводят, в итоге, к весьма печальным последствиям.

Но сначала – несколько предварительных замечаний. В конце XIX – начале XX века Япония начала испытывать острую нужду в продукции рыболовства (поскольку собственной стало не хватать), отсюда проистек и интерес к русскому Дальнему Востоку и, в частности, Камчатке, богатой рыбными ресурсами. Русское правительство также обратило внимание на свою далекую окраину и ее богатства. В 1895 году Петропавловский окружной начальник П.А. Ошурков рекомендовал Русскому Товариществу котиковых промыслов (компания, занимавшаяся добычей шкур) начать рыбную ловлю в устье реки Камчатка. Первый год работы оказался провальным, но в 1897 году компания наняла 48 рыбаков-японцев для ловли и обработки улова, успешно реализовав готовый продукт на японском рынке.

В этом же году общество было реорганизовано в Камчатское торгово-промышленное общество, занимавшееся морским и речным промыслом в «Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками». Примечательно, что Камчатское общество было образовано с участием японского капитала, а в самой Японии был принят закон о поощрительных премиях за рыболовство в отдаленных морях (в том числе Беринговом и Охотском).

В 1898 году Камчатское торгово-промышленное общество заготовило и продало в Японию свыше 30 тысяч пудов соленой рыбы. Кроме того, ловом рыбы на Камчатке (в официальном и неофициальном порядке) занимались десятки японских шхун. К 1900 г. браконьерский лов рыбы японцами на Камчатке составлял порядка 100 тысяч центнеров [1].

По сведениям из русских источников, приблизительно в 1900 году приказчиком КТПО стал японец Сечу Гундзи, а на рыбалках общества работали сотни японских рыбаков. Однако в 1903 году русское правительство запретило иностранный промысел в русских дальневосточных водах, а также запретило использование иностранных рабочих на промыслах. Соответственно, Гундзи перестал быть приказчиком и возвратился в Японию (по некоторым данным, предварительно объехав побережье Камчатки и составив карты полуострова).

Между тем, дело шло к войне между Россией и Японией. О том, что российская сторона подозревала японцев в намерениях захватить Командорские острова и Камчатку, свидетельствует путевой журнал начальника Командорских островов Н.А. Гребницкого, в котором Н.А. Гребницкий, в частности, писал: «Консул сообщил, не называя имени японца, находящегося с ним в сношениях, что в гавани Ханасаки, провинции Немуро, острова Хоккайдо, отставным лейтенантом флота Гунджи снаряжаются несколько коммерческих пароходов, команда которых будет состоять из резервистов флота, вооруженных ружьями армии; суда будут вооружены легкою артиллерией. Цель – занятие Командорских островов и удержание их за Японией по окончании войны, при содействии какой-то державы (читай Англия), может быть, и части Камчатки. Предполагено

отправление месяца через два. Правительство негласно дает на эту экспедицию 1 миллион иен, частные лица – до полумиллиона»¹.

21 апреля 1904 г. на Камчатку пришло известие о начале войны с Японией. По инициативе Петропавловского уездного начальника А.П. Сильницкого были предприняты меры по организации обороны Камчатки от японцев: организована дружина (которой придали форму регулярного воинского подразделения) и ополчение, установлена сигнализация створа в Авачинскую губу, выставлены дозоры в бухты Жупановскую, Кроноцкую и на мыс Лопатка, произведена раздача населению оружия, установлена застава на реке Большой. А.П.Сильницкий был настроен на жесткий отпор врага, в его приказах населению предписывалось решительно расправляться с японцами.

Между тем, в навигацию 1904 года на Камчатке высаживались, преимущественно, японские рыбаки, занимавшиеся браконьерским ловом рыбы (всего за навигацию 1904 года – порядка 50 шхун). Наконец, происходит событие, которое русская сторона расценила как попытку захвата Камчатки Японией. 3 июня 1904 года отряд под командованием Сечу Гундзи занял село Явино. Согласно донесению явинского старосты Игнатьева: «3 июня утром рано японцы подступили к селению и заняли три дома, а видели только 12 человек, в домах нам неизвестно было, японский народ был военный, а шхуна зашла в Озерную реку 30 мая»².

Явинцы бежали в сопки, несколько человек дошли до соседнего села Гольгино и «доложили о ситуации» дружинникам. Командир отряда Михаил Сотников отправил на разведку дружинника Алексея Селиванова. Выяснилось, что большая часть японцев стоит на реке Озерной, в селе Явино – 12 человек, и еще 20 японцев в устье реки Опалы.

Камчатские дружинники 28 июня расправились с японцами, стоявшими в устье реки Опалы. Судя по тому, что никакого оружия, кроме обычных рыбацких ножей, у японцев не было, отряд Сотникова имел дело с простыми японскими рыбаками.

После действий на реке Опале, М. Сотников, А. Селиванов, явинский староста Игнатьев и еще три человека отправились на разведку к селу Явино. Возле села они увидели столб с надписью по-японски и по-русски о том, что эта земля уже принадлежит Японии и кто тронет столб, тот будет убит. Само селение было разграблено – скот угнан в Озерную, внутри домов развалены печи и разбиты окна, в часовне разрушен Святой Престол. Сотников и Селиванов также произвели разведку по направлению к Озерной, обнаружив там две японские шхуны, шесть палаток и батарейные окопы³.

М. Сотников собрал в Гольгино отряд, численностью 77 человек, с целью противодействовать японцам. 15 июля он обманом взял в плен Сечу Гундзи и доктора Ода Наотаро. Операция была разыграна как по нотам. 13 июля к

---

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 4–5.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 118.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

Гундзи в Озерную направился явинский староста Игнатъев, якобы с намерением сдаться. Гундзи приказал последнему собрать всех жителей, потом доложить Гундзи, после чего он придет и заключит с сельчанами мир. 14 июля Гундзи было передано очередное письмо, в котором говорилось, что жители селения собраны (и готовы сдаться). 15 июля Гундзи с доктором Ода Наотаро и 2 японцами пришел в селение, где и был захвачен дружинниками в плен¹.

После захвата Сечу Гундзи, М. Сотников со всем отрядом направился к Озерной и в ночь с 16 на 17 июля атаковал стоявших там табором японцев. В ходе сражения было убито 17 японцев, а со стороны русского отряда ранено 5 человек (один смертельно). Рано утром русский отряд отошел «не имея при себе и в Явиной для довольствия провизию, а равно не имея даже фельдшера для малейшей помощи в несчастном случае», а все оставшиеся в живых японцы погрузились на шхуны и уплыли. На этом столкновение, собственно, закончилось, столб с надписью о принадлежности Камчатки Японии срубили, японский флаг сняли².

Характерно, что по поводу численности и наличия вооружения отряда Сечу Гундзи сразу начались разночтения. Сам Сечу Гундзи определял численность своего отряда в 88 человек, вооружение – берданы и две сигнальные пушки для китов³. А вот в докладах русских должностных лиц картина совершенно иная. В рапорте А.П. Сильницкого военному губернатору Приморской области указывается, что в Явино и на Озерной действовал отряд японских морских резервистов численностью в 250 человек, с хорошим вооружением (в том числе пушками), «под начальством лейтенанта японской службы Сечу Гундзи», причем само нападение на Явино и Голыгино произошло «непосредственно с японского форта, что во втором Курильском проливе, на южной оконечности острова Шумшу». «Этот отряд выгнал жителей сказанных селений в леса и горы, выкинул японский флаг, объявил Камчатку владением Японской империи и распространил в селении прокламации на русском языке, требовавшие признания Японской империи, с угрозой, в противном случае, избивать непокорных»⁴.

Таким образом, «экспедицию» Сечу Гундзи Петропавловский уездный начальник А.П. Сильницкий охарактеризовал как попытку прямого захвата Японией Камчатки, о чем им были составлены соответствующие рапорты «вверх по начальству». В этих рапортах также фигурировала информация о «военном японском форте» на острове Шумшу, который, по мнению А.П. Сильницкого и был создан для подготовки нападения японцев на Камчатку.

---

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 120 об – 121.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 5.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4 об.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Ч. 2. Л. 507 об. – 508.

Однако сведения, предоставленные правнучкой Сечу Гундзи, г-жой Харухи Фунакава, позволяют усомниться в ряде «очевидных» (для русской стороны) вещей и, в частности, в «коварных планах» по захвату Камчатки. Итак, Сигэтада Гундзи родился в 1859 году в Токио и происходил из знатного самурайского рода. Его отец, Кода Сигенобу, после совершения революции Мэйдзи получил место в правительстве Мэйдзи, в министерстве финансов.

Сам Сечу Гундзи в 1872 году, в возрасте 13 лет, сдал на «отлично» экзамены, поступил в военно-морскую школу, для чего ему пришлось «приписать» себе лишние 2 года (так как зачисление в школу проводилось только с 15 лет). Окончив школу, Сечу Гундзи стал офицером (лейтенантом) военно-морского флота Японии. В 1878 году на японском военном судне Сечу Гундзи посетил Владивосток, где заинтересовался русским опытом освоения Дальнего Востока и, в частности, действиями русских казаков. Позже, Гундзи попытался применить «русский опыт» при создании поселения на острове Шумшу. Для защиты и освоения Северных Курил Сечу Гундзи создал организацию под названием «Хокогикай» (общество разработки Курильских островов). С 1896 года он жил на о-ве Шумшу с 57 единомышленниками.

Поскольку для успешного освоения островов требовалось также обеспечение их продовольствием, Сечу Гундзи обратил внимание на Камчатку, богатую рыбой. Есть сведения, что Гундзи официально пытался арендовать на Камчатке рыбопромышленные участки, но получил отказ. Он был убежден в важности Курильских островов, и особенно Шумшу, для Японии (и в стратегическом, и в экономическом плане), а также в ценности Камчатки. При этом он считал, что нет необходимости завоевывать Камчатку силой оружия, но для Японии важно получить доступ к ее рыбным ресурсам.

В своей статье в журнале «Eurasian Studies» Харухи Фунакава приводит сведения из японских источников о том, что Сечу Гундзи имел с жителями села Явино давние связи и его первый приход в село Явино во время «экспедиции 1904 года» выглядел с точностью «до наоборот»: не жители села, увидев японцев, спешно бежали в сопки, а японцы, придя в село Явино, обнаружили его пустым, и, прождав несколько дней жителей, ушли к Озерной, где и занялись ловом рыбы. Есть вероятность, что жители села Явино ушли потому, что им приказал так сделать капитан отряда дружинников Михаил Сотников, и приказал именно потому, что знал о дружеских связях между явинцами и Гундзи.

Но как быть тогда со столбом с надписью о принадлежности Камчатки Японии и с прокламациями? Харухи Фунакава считает, что в душе Сечу Гундзи боролись два чувства. С одной стороны, он дружески относился к жителям Явино и не хотел им зла. С другой – как патриот Японии желал ее процветания и благоденствия, а контроль над Камчаткой мог послужить одновременно и делу безопасности Японии, и увеличению источников прибыли [2].

Возможно, именно конфликт между дружеским чувством к жителям Камчатки с одной стороны, и беспокойством о судьбе родной страны с другой

и привел Сечу Гундзи к мысли об оккупации Камчатки путем переговоров. Как бы то ни было, неоспоримым является тот факт, что Сечу Гундзи высадился на Камчатке с небольшим отрядом, со слабым вооружением и полным отсутствием поддержки со стороны японского флота. На Камчатке он занимался, в основном, ловлей рыбы, и только столб с надписью свидетельствует о планах оккупации Камчатки. Примечательно также и то, что, лишившись командира, отряд Сечу Гундзи уплыл от берегов Камчатки (хотя у Сотникова было всего 77 человек). То есть никакой поддержки со стороны японского правительства Сечу Гундзи не имел.

Более того, попытка захватить Камчатку не была сделана и японским флотом в 1905 году. Известно, что в навигацию 1905 года (31 июля – 7 августа) японские военные крейсера «Сума» и «Идзуми» подходили к берегам Камчатки. Ими был обстрелян Петропавловск (и нанесены незначительные разрушения) и конфискован пароход «Австралия». Также японским десантом были разграблены склады и уездное правление, взяты документы, товары и деньги; однако никаких попыток занять Камчатку японцы не предприняли.

Для полноты картины, можно было бы сравнить действия японцев на Камчатке и на Сахалине (где так же были организованы из населения добровольные дружины, что не помешало японцам Сахалин занять).

Описывая действия Сечу Гундзи, г-жа Харухи Фунакава обращает внимание на то, что переговоры о признании Камчатки частью Японии Гундзи рассматривал как часть своего долга перед отечеством, но при этом к явинцам, которые согласились на переговоры, он отправился безоружным и всего с тремя людьми, проявив истинную человечность и следование духу Бусидо.

Таким образом, «экспедицию» Сечу Гундзи на Камчатку нельзя рассматривать как попытку ее оккупации Японией. А между тем, идея о «коварных японских планах» по захвату всего русского Дальнего Востока была «общим местом» как в докладах русских официальных лиц начала XX века, так и в исследованиях российских историков и краеведов. На обыденном уровне культивирование этой идеи приводило к росту ксенофобии и восприятию японцев исключительно как потенциальных врагов, что приводило к соответствующим последствиям.

Литература:

1. Рыбацкая летопись полуострова Камчатка
<http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/solnce/ss2.htm>
2. Haruhi Funakawa. Lieutenant Gunjis Mission: an Episode in the History of Russo-Japanese War // Eurasian Studies. – Tokyo, Institute of Eurasian Studies. – 2014. – May. – № 50. – p. 48–54.

УДК 929

Дегальцева Екатерина Александровна,
д-р ист. наук, проф.
Бийский технологический институт АлтГТУ,
katerina3310@yandex.ru

А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны

Аннотация: В статье рассматривается становление биографии генерала А.Н. Пепеляева в период Первой мировой войны в русле военно-исторической антропологии. С привлечением разноплановых источников прослеживается формирование офицерской психологии А.Н. Пепеляева на разных этапах: обучения в кадетском корпусе, военном училище, фронтах Первой мировой войны. Идеологическая позиция и участие в гражданской войне были опосредованы именно этими биографическими скрепами. Таким образом, у А.Н. Пепеляева к концу Первой мировой войны сформировался особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения, особый тип личности, сформированный войной. А.Н. Пепеляев не стал успешным и проницательным политиком, но сделал блестящую военную карьеру, которая претерпела неожиданный поворот в связи с драматическими событиями нашей истории. Выделены важные для достижения этих целей качества: жёсткое соблюдение внутренней дисциплины, групповая сплоченность, эмоциональная устойчивость в боевых операциях и экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: А.Н. Пепеляев, Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, военно-историческая антропология, военная психология.

Военно-историческая антропология является новой отраслью научного знания. В течение последних 15–20 лет ведущие исследователи Е.С. Сенявская, В.И. Бажуков, В.Л. Кожевин и др. рассмотрели личностные, биографические, когнитивные аспекты в истории войн и революций [1, 2, 3, 4]. С другой стороны, сам феномен войны стал в ней своего рода призмой, через которую можно рассматривать дальнейшую жизненную стратегию и идейные принципы, т.е. мы рассматриваем войну через призму личности, а личность через призму войны.

Военный нарратив в биографическом исследовании об Анатолии Пепеляеве (15.08.1891 – 14.01.1938) занимает ведущее место. Он стал ведущим в понимании роли и идеологических установок А.Н. Пепеляева в Гражданской войне. С этих позиций мы можем изучать человеческое измерение Первой мировой и гражданской войн.

Как пишет В.Л. Кожевин, «тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал

качества, отличавшие его от штатского человека» [4, с. 10]. Так же и у героя нашего исследования мы видим особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения, особый тип личности, сформированный войной.

Судьбы братьев Виктора и Анатолия Пепеляевых не раз являлись предметом специального исследования в историографии [5, 6, 7, 8, 9]. В.И. Шишкиным был проведен анализ дневников и личных документов Виктора Николаевича Пепеляева [9]. А.А. Петрушин, используя материалы архивов УФСБ по Новосибирской области и Хабаровскому краю подробно рассмотрел причины, предпосылки и детали якутского похода А.Н. Пепеляева 1922–1923 гг. [5] Однако вообще относительно Анатолия Николаевича нужно отметить, что посвященные ему публикации касались в основном только периода Гражданской войны.

Можно предположить, что его военная биография была predetermined. Отец, дяди, братья и племянники Анатолия Николаевича были военными.

Отец Николай Михайлович был генералом, его братья и сыновья выбрали военную карьеру. Всего в семье Николая Михайловича было 12 детей, четверо умерло в младенчестве. Единственным из шести сыновей, не выбравшим военную карьеру, был Виктор, более популярный, известный как видный деятель кадетской партии, член IV Государственной Думы и последний премьер-министр колчаковского правительства [6, с. 17, 23].

Не случайно Э. Радзинский, получив письмо от внучатого племянника А.Н. Пепеляева Юрия Николаевича Пепеляева о судьбах своих родственников-мужчин, погибших на полях разных сражений, назвал историю рода Пепеляевых краткой историей России XX в. [10, с. 180].

Сложившийся в семье Пепеляевых образ мужчины-защитника, дух верности воинскому долгу и служению родине, а также успешная учёба в кадетском корпусе сформировала мировоззрение будущего офицера. Патриотическая и духовно-нравственная подготовка базировалась там на воинских традициях, образцах воинского поведения выдающихся личностей. Изучал всеобщую, отечественную и политическую историю кадет Анатолий Пепеляев по учебникам И.К. Кайданова и С.Н. Смарагдова. В своё время автор учебника И.К. Кайданов преподавал историю А.С. Пушкину. Его историко-педагогическая концепция была консервативной и православно-патриотической. А учебник С.Н. Смарагдова ещё В.Г. Белинский критиковал за то, что в нём «лишь слегка обозначены причины войн», а всё своё основное внимание автор обращал на сами войны, перечни и подробный ход сражений [11].

Три раза в неделю кадет Пепеляев должен был посещать кабинет для чтения в библиотеке, чтобы приобщиться к русской и зарубежной классике. В 1908 г. он закончил Омский кадетский корпус, а в 1910 г. – Павловское пехотное военное училище в Санкт-Петербурге. Оно считалось элитным, большинство юнкеров его выпуска направились служить офицерами Генштаба. В этом училище Анатолий считался одним из лучших выпускников, получил звание отличного стрелка [11].

Сформированное мировоззрение офицерской корпорации у А. Пепеляева, как и у многих других выпускников, базировалось на уважении власти в лице государя и Отечества. У каждого военного училища был собственный девиз, у Павловского, например, - «Сам погибай, а товарища выручай» [12]. В куплете Марша Павловского училища звучит как бы наказ:

Мы смело на врага,
За русского царя,
На смерть пойдём вперёд,
Своей жизни не щадя!!!

Религиозные ценности составляли венец этих духовных ориентиров. Накануне Февраля 1917 г. они не претерпели изменений, как, впрочем, и впоследствии. В своем дневнике уже после Первой мировой войны, в тяжелый дни Гражданской войны, Анатолий Пепеляев напишет: «Господи, научи меня делать побольше добра», а в конце её из Владивостока напишет жене: «Молись побольше Богу и чаще ходи в церковь»¹. Для того сурового периода это было абсолютно непрактичным восприятием времени.

Психология военного в структуре личности Пепеляева сформировалась уже тогда. С юных лет Анатолий соблюдал строгую дисциплину, всегда очень рано вставал, с военного училища совершенно не пил, чем и выделялся в офицерской среде. Хотя очень много курил и всегда только элитные сорта табака. Он был строг и согласно офицерским традициям жестоко подавлял злоупотребления алкоголем среди солдат, но Пепеляев всегда отличался терпимостью и гуманностью к пленным, как и в последствии к врагам на фронтах Гражданской войны.

После училища он направился служить в Томск подпоручиком, а затем поручиком в 42-й Сибирский стрелковый полк. В возрасте 23 лет, в самом начале Первой мировой войны Пепеляев призывается на фронт командиром конной разведки своего полка. В этой должности он отличился в операциях под Праснышем и Сольдау в Польше, за что был отмечен телеграммой императора. Летом 1915 г., командуя разведчиками 11-й армии и сотней казаков во время отступления русской армии из Польши, разбил 2 батальона противника и вернул потерянные позиции, за что был награжден Георгиевским крестом.

Летом 1916 г. временно командовал 3-м батальоном под Барановичами. Всего во время войны получил следующие награды: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», затем такие же ордена 3-й и 2-й степени с мечами, ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, орден Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. Незадолго до Февральской революции 1917 г., Анатолий Николаевич был произведен в капитаны [7].

Всего на фронтах первой мировой войны А.Н. Пепеляев провел более трех лет, не считая двух краткосрочных отпусков. В боевых операциях он проявил героизм, доблесть и отвагу защитника Отечества.

---

¹ ГАНО. Ф. Д. 158. Оп.1. Д. 4. Л. 5.

Февральская революция застала Пепеляева на фронте. Несмотря на постепенное разложение армии, он держал свой отряд в постоянной боевой готовности, не теряя при этом авторитета у солдат, как это было во многих других частях. При Керенском он был произведён в подполковники. После Октябрьской революции совет солдатских депутатов батальона, которым к тому времени командовал Пепеляев, избрал его командиром батальона, что также говорит об уважении и авторитете в своём воинском коллективе.

В дальнейшем разложении своих воинских частей Пепеляев винил Брест-Литовский мир, закончивший военные действия. Осознавая бесцельность своего дальнейшего пребывания на фронте, Анатолий Николаевич сразу же после его заключения уехал в Томск.

Позднее, на читинском судебном процессе в январе 1924 г. он давал следующие показания: «Из старой армии я был демобилизован после Брест-Литовского мира. Хотя до этого у меня и были разногласия, но я оставался в рядах армии, т.к. считал защиту страны необходимой. Брест-Литовский же мир был для меня неприемлем, как и для большинства командного состава»¹.

Виновниками начавшегося разложения армии Пепеляев считал командиров, «которые введением в армию выборного начала совершенно её деморализовали. Они отдавали страну на разгром империалистической Германии. В это же время было насильственно распущено Учредительное собрание. Я отрицаю посягательство на свободу и..»². Закончить эту либеральную речь председательствующий судебным процессом Беркутов ему не дал.

С такими тяжёлыми чувствами Пепеляев в марте 1918 г. демобилизовался и приехал в родной Томск. По разным свидетельствам и признанию самого Пепеляева он не вполне разобрался в сложных политических перипетиях того времени. Ему было проще получать приказы и выполнять их. И уже позже, под Пермью, когда узнал, что власть перешла в руки Колчака, он напишет, что «в душе не сочувствовал этому, но подчинился и примирился как с фактом»³.

Отрицательно относился Пепеляев и к Семенову, больше частью по причине сотрудничества с японцами: «Моя дружина под Сретенском участвовала в одном бою, подошли японские части и мне стыдно стало вместе с японцами бороться против русского народа»⁴. Узнав в Харбине, что Амурский ревком представляет собой власть не демократическую (как позиционировал), а коммунистическую, Пепеляев всё же принял решение о сотрудничестве с ними, так как считал «первой задачей борьбу с японцами, то

---

¹ Дело бывшего генерала Пепеляева (Советская Сибирь. 1924. 30 января) // ГАНО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

находил, что ссоры и счеты должны быть забыты»¹. Подобная тактика была продиктована сложившимися патриотическими принципами и присягой служить Родине. Хотя образ Родины был расколот в сознании Пепеляева, о чём неоднократно говорят его противоречивое поведение, дневники, воспоминания очевидцев.

Во время завершения боевых действий в Забайкалье А. Пепеляев имел серьёзный разговор с советским уполномоченным Э.К. Озорниным. Это происходило в тот момент, когда меркуловские части были разбиты и укрылись в расположение японцев. Сам Пепеляев принимал активное участие в их охране. Озорнин предложил ему высказаться, где тот будет в случае войны между Японией и Россией. Пепеляев ответил: «На стороне русских, на стороне Советской России». «Я сам стану большевиком, если понадобится», – говорил он в 1922 г.² Жизнь, однако, была не такой простой и понятной, как армейская честь: «В это время японцы ушли, а борьбу с белыми считал для себя этически невозможной, хотя идеологически порвал с ними»³.

В 32-х летнем возрасте А.Н. Пепеляев написал: «Я – старый солдат, не раз смотревший в лицо смерти в бесчисленных боях гражданской и германской войны»⁴. Отступления с поля боя он не признавал, хотя иногда считал тактически необходимым, например, когда спасал бойцов. В апреле 1923 г., после поражения Пепеляев писал остаткам управления Якутской области, что его дружина не сложила оружия⁵. Среди белогвардейских генералов, которые получили свои звания уже после 1917 г. и которых прозвали «высочками», А.Н. Пепеляев заметно отличался по своим тщательно продуманным боевым операциям.

Однако в военной карьере молодого генерала случались и отступления. Так, летом 1919 г. он был противником отступления в районе Вятки, выступал за продвижение вперед, к Вологде, а затем Архангельску. Однако Пепеляеву пришлось подчиниться омскому приказу об отступлении. «Начатый нами отход привёл нас в конце концов к катастрофе» [13, с. 32]. Через месяц, 25 июля 1919 г. брат Виктор запишет в своем дневнике: «Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, "которую нужно создавать снова", не услышит от самого "народа" призыва к борьбе» [14, с. 75]. Уже тогда Анатолий высказывал брату идею о Земском Соборе, который нужно созвать немедленно. Именно этот орган он считал главным фактором формирования армии, говорил брату, что «хочет уйти» [14, с. 75].

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Так же.

⁵ Речь прокурора тов. Дебрева (Советская Сибирь. 1924. № 31) // ГАНУ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

Солидарности с братом Виктором у них не было, хотя именно с ним он впервые обсуждал идею созыва Земского собора, но не нашел поддержки.

Далее, в декабре 1919 г., во время отступления армии Колчака, под Красноярском, он был вывезен белочехами в бессознательном состоянии. Тогда, в конце 1919 г., во время агонии колчаковской армии А.Н. Пепеляев сделал свой первый политический шаг в духе державного патриотизма – выдвинул уже ультиматум Колчаку о созыве Земского Собора. Н.С. Ларьков назвал эти стремления А.Н. Пепеляева «безуспешными попытками либерализации колчаковского режима» [15, с. 55].

Когда данное предложение было отклонено противниками советской власти, он, будучи в Забайкалье, как сам говорил впоследствии, «решил уйти от политики, т.к. идеологически разошелся с ком.составом белых армий»¹.

В Харбине, куда Пепеляев попал в апреле 1920 г., его стали усиленно обрабатывать большевики, которые старались перетянуть популярного генерала на свою сторону, обещая высокий военный пост на Дальнем Востоке. В результате нескольких встреч, Пепеляев, «не очень искушенный в то время в вопросах политики», как пишет о нём Серебренников, отказался от заманчивых предложений [13, с. 33]. Несмотря на то, что в этот период материальное положение было тяжелым, генерал стал извозчиком, но не поменял ориентацию. Поверхностный взгляд привёл оппонентов к мнению о политической беспринципности А. Пепеляева. На суде прокурор Дебрев даже назвал его квазидемократом, потому что тот «из многочисленных оттенков так называемых демократических течений... официально и формально не связывает себя ни с одной», а сочувствует то эсерам, то областникам, то монархистам². А защитник пепеляевцев Трупп в своей речи выносит вердикт о причинах злодеяний – политическое невежество и «происходящее из него заблуждение». Он установил также, что «Пепеляев – личность идейная, привлекающая к себе окружающих, личность, на которой эти окружающие стараются по возможности строить всякую грязь и жестокость»³.

Сам Пепеляев в своем дневнике писал: «Мои политические убеждения – не знаю. Я непартийный, даже не знаю – правый или левый. Я хочу добра и счастья народу; хочу, чтобы русский народ был добрый, мирный, но сильный и могучий народ. Я ненавижу бюрократизм, крепостничество, людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкоматы и проч.»⁴.

Идейный надлом генерала можно датировать серединой 1919 г. В этот период происходят изменения в ценностных ориентациях Пепеляева: изменив

---

¹ Дело бывшего генерала Пепеляева (Советская Сибирь. 1924. 30 января) // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Речь прокурора тов. Дебрева (Советская Сибирь. 1924. № 31) // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³ Речь защитника т. Трупп // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁴ Там же.

своё отношение к монарху и монархии, он всё же не может предать армию, которой служил, даже идейно и порвав с ней. Критикуя и порывая с ней, он всё же не переходит на сторону врага. В своём воззвании к белогвардейцам от 18 июля 1923 г., будучи уже в плену, Анатолий Пепеляев писал: «всякая борьба с советской властью – теперь будет борьбой с Россией. Россия теперь спасена»¹. Вновь говорил о чувстве бесконечной любви к народу². А во время следствия подписал поданное в Военный трибунал коллективное обращение «пепеляевцев» ко всем оставшимся за границей офицерам и солдатам русской армии. Оно заканчивалось на высокой ноте: «Преступниками будут те, кто на радость врагов русского народа поднимет свою руку на Советскую власть, так как он поднимает эту руку на новую свободную Россию»³. Разумеется, этот источник необходимо трактовать как вынужденный и продиктованный инстинктом самосохранения.

Итак, мы видим, что А.Н. Пепеляев не был успешным и проницательным политиком, но сделал блестящую военную карьеру, которая претерпела неожиданный поворот в связи с драматическими событиями нашей истории. Военные психологи выделяют важные для достижения этих целей качества, которые в полной мере были присущи и А.Н. Пепеляеву: жёсткое соблюдение внутренней дисциплины, групповая сплоченность, эмоциональная устойчивость в боевых операциях и экстремальных ситуациях, но, как оказалось, не на полях политических баталий. За всё время тюремного срока, Анатолий Николаевич политическими событиями в стране не интересовался, ничего, кроме Библии, не читал [5, с. 117]. Имея, как и многие русские офицеры, одну цель – спасение родины, он не сумел найти выход из ментального тупика, воспринимая свою судьбу, как задание и приказ.

Литература

1. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
2. Сенявская Е.С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 1. С. 5–17.
3. Бажуков В.И. Культурный поворот в исследовании войны в России // Управленческое консультирование. 2013. № 9. С. 159–166.
4. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. 260 с.
5. Петрушин А.А. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. № 1. С. 106–118.
6. Привалихин В. И. Из рода Пепеляевых, Томск, 2004. 112 с.

---

¹ ГАНО. Ф. Д. 158. Оп.1. Д.4. Л.2.

² ГАНО. Ф.158. Оп.1. Д.4. Л.2.

³ Обращение пепеляевцев // Советская Сибирь. - 1924. - № 31.

7. Конкин П. Драма генерала. [Электронный ресурс:] URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm> (дата обращения 06.06.2014).
8. Кобелев А. Голгофа братьев Пепеляевых. Серия Имена и судьбы. Барнаул, 2009. 52 с.
9. Шишкин В.И. «Один из возмутительных эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 4. С. 70–110.
10. Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 2003.
11. Белинский В.Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. СПб., 1844. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_smaragdov.html (дата обращения 04.06.2014).
12. Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917. История военных училищ. [Электронный ресурс:] URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1000763/Vorobeva_Alla_-_Rossiyskie_yunkera_1864-1917._Istoriya_voennyh_uchilisch.html (дата обращения 05.06.2014).
13. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь, 1940.
14. Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 75–100.
15. Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник ТГУ. Сер. История. 2011. № 3. С. 46–56.

Национальный вопрос в сибирском тылу

УДК 94(47)

Шумилова Элина Евгеньевна,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
e-shumilova@yandex.ru

Немцы в восприятии горожан Западной Сибири в 1914–1917 гг.

Аннотация: В статье рассматривается проблема восприятия горожанами Западной Сибири немецких подданных, проживающих в Российской империи до Первой мировой войны, русских подданных немецкой национальности, а также пленных немецкой национальности. На основе анализа архивных источников и литературы автор оценивает влияние официальной пропаганды на поведение горожан. В годы войны по всем уголкам Российской империи были разосланы секретные циркуляры, запрещающие принимать в школы детей и учителей немецкой национальности. Влияние идеологии доходило дело до того, что не рекомендовали назначать учителей немецкого языка на должность классных руководителей. Однако сильного враждебного отношения к немцам – русским подданным в целом в Сибири не проявлялось. Об этом свидетельствуют, например, фельетоны городских сибирских газет, в которых высмеивалось запрещение преподавать немецкий язык в школах или слушать немецкую музыку. Отношение местных чиновников к австрийцам и немцам было адекватным, некоторые из них даже заступались за жителей, у которых по распоряжению центральных властей конфисковали имущество. Делается вывод о том, что отношение к немцам в городах Западной Сибири было в целом лояльным. Массовое сознание выводило из-под обвинения в развязывании войны немецкий народ, что выступало препятствием для создания образа кровожадного врага. Городские слои были склонны воспринимать немцев как жертв, вынужденных по приказу начальства участвовать в войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, города Западной Сибири, восприятие, военнопленные, немцы.

История повседневности является сравнительно новым направлением в отечественной исторической науке, активная разработка этой темы началась только в 90-е годы XX века, что во многом накладывает отпечаток на его восприятие среди отечественных историков [1, с. 279]. При этом достаточно мало внимания уделяется одной из составных частей направления – сознанию

обычного человека [2; 3; 4; 5]. В этом отношении большой исследовательский интерес представляет рассмотрение данной проблемы в таких крупных сибирских городах как Томск, Омск, Барнаул и Новониколаевск. Именно здесь в годы Первой мировой войны военнопленные порой насчитывали почти 1/10 часть населения, именно здесь до войны проживало большое количество представителей немецкой национальности¹.

К августу 1914 года по указу центральных властей в качестве гражданских пленных в этих сибирских городах были арестованы почти все подданные вражеских государств от 18 до 45 лет находящиеся в запасе своей армии, работавшие или учившиеся, а также желающие присоединиться к ним члены их семей. Их несколько месяцев перевозили из одного места в другое и в итоге расселили в Нарымском крае².

Однако зимой 1915–1916 годов немцев и австрийцев в крупных городах Западной Сибири за счёт пленных. Военнопленные были распределены по городам Омского военного округа в это время следующим образом: Омск – 14 тыс. чел., Новониколаевск – 12 тыс. чел., Барнаул – 2,5 тыс. чел., Томск – 5,2 тыс. чел. [6, с. 155]

Одними из первых объектов антинемецкой пропаганды стали неспособные носить оружие немецкие подданные, и русские подданные немецкой национальности. Утверждалось, что немец, где бы он ни жил, служит интересам Германии. Официальные власти пытались не только настроить население против таких немцев, обвинив их в подрывной деятельности, но и снять всю ответственность с правительства за недостаточную готовность правительства к войне.

С этой целью среди населения распространялись слухи о таинственных аэропланах, которые якобы скрываются в немецких колониях, где получают бензин, а также о том, что немцы ведут особую почту, имеют тайную политическую организацию. Некоторые жители в эти слухи охотно верили и даже утверждали, что сами видели эти аэропланы [7, с. 63].

В годы войны по всем уголкам империи были разосланы секретные циркуляры, запрещающие принимать в школы детей и учителей немецкой национальности. Доходило дело до того, что не рекомендовали даже назначать учителей немецкого языка на должность классных руководителей³. Министерство просвещения объясняло такой шаг нежелательным идеологическим влиянием данной категории на несформировавшиеся умы молодёжи. Отметим, что в Западной Сибири в отличие от центральных городов старались «обойти» запрет на преподавание немцев в школах⁴.

---

¹ Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917. С. 23; Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928. С. 4.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 165. Л. 28.

³ ГААК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 22. Л. 18

⁴ ИАОО.Ф. 46. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

В разъяснении, отправленном в апреле 1916 года попечительством Западно-Сибирского учебного округа директорам мужских гимназий, реальных училищ и председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, утверждалось, что это указание не исключает возможности под свою ответственность назначать таких лиц классными начальниками. При этом в каждом отдельном случае необходимо было ориентироваться с учетом местных условий и имеющихся сведений о том преподавателе, о котором возник вопрос. Причем вопрос о подданстве не имел значения, речь шла о национальности¹.

Однако сильного враждебного отношения к немцам – русским подданным в целом в Сибири не проявлялось. Это видно например из фельетонов городских сибирских газет, в которых высмеивалось запрещение преподавать немецкий язык в школах или слушать немецкую музыку². Для большинства населения Российской империи, в том числе сибиряков, ни немец, ни австриец не являлись носителями зла. Он был «колбасником», «торговцем», «бюргером», чуждым русскому духу, непонятным, но не врагом, тем более не кровожадным убийцей и милитаристом. Он был культурен, учён и кичился своей учёностью, но его можно легко обвести вокруг пальца. Он считался скупым, но одновременно рачительным, аккуратным хозяином, умелым и трудолюбивым [8, с. 114].

Борьба с «немецким засильем» в Западной Сибири для большинства населения обычно лишь ограничивалась формальным переименованием городских улиц, которым вместо немецкого присваивали другое название. Примером может служить случай, когда в 1915 г. жители Барнаула подали прошение в городскую Управу о переименовании улицы Немецкой в улицу Бельгийскую, которое вскоре было удовлетворено³.

Лишь изредка некоторые горожане высказывали своё негативное отношение к немцам. Подобной позиции в основном придерживались в Западной Сибири, как и в целом в Российской империи, некоторые представители русской интеллигенции. [9, с. 179] Так, редактор «Томского вестника» Булдаков в марте 1915 года выступал в Новониколаевском торговом корпусе с докладом «Германия и славянство», где стремился убедить слушателей, что «германцы – культурные варвары и исконные враги всех славянских народов» [10, с. 181].

Хотя сказать, что эта позиция была характерна для большинства представителей сибирской интеллигенции, нельзя. В то же время редакция крупной губернской газеты «Жизнь Алтая», издававшаяся в Барнауле, хранила молчание относительно немецкой тематики, а «Омский телеграф» занимался публикацией фельетонов, высмеивающих запрет всего немецкого [11, с.50].

---

¹ ИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

² Омский телеграф. 1915. 19 декабря

³ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.

Под предлогом борьбы с «немецким засильем» некоторые жители Западной Сибири явно стремились свести счёты с конкретными лицами немецкой национальности. В такую ситуацию попал, например, западносибирский военный губернатор О.Е. Шмитт. Последнего «коммерсант, патриот и добрый христианин» из г. Новониколаевска обвинил в «несвоевременной и чрезвычайной симпатии к немцам», и покровительстве тем, кто выражает удовольствие при отступлении российских войск [9, с. 187–188].

Адекватное отношение местных чиновников к австрийцам и немцам демонстрирует и тот факт, что некоторые из них даже заступались за жителей, у которых по распоряжению центральных властей конфисковали имущество. Так, по просьбе Новониколаевского уездного воинского начальника, австрийским подданным Ф. Иирковскому и А. Суходольскому возвратили лошадей, упряжь и прочие предметы как лояльным¹.

Другим явлением сибирской повседневности были военнопленные. Имперские власти старались укоренить у населения более доброжелательное отношение к австрийским военнопленным славянам – чехам, словакам, полякам и более сдержанное и даже агрессивное – к немцам. [12, с. 261]. По началу местные жители воспринимали всех пленных как «диких зверей», и кормили их чуть ли не с рук, меняли им деньги на рубли, старались с ними заговорить. После они стали восприниматься как обычное явление сибирской жизни [13, с. 6].

Чаще всего сибиряки не относились к военнопленным, которых на этой территории было несколько десятков тысяч, как к побежденным врагам. Многим они просто представлялись убогими, нуждающимися в помощи. Массовое сознание выводило из-под обвинения в развязывании войны немецкий народ, что выступало препятствием для создания образа кровожадного врага. Более того, низшие городские слои были склонны воспринимать немцев как жертв, вынужденных по приказу начальства драться против русских². В газетах не раз сообщалось о посещениях военнопленными немецкими офицерами кинотеатров и о их романах с сибирячками³.

По мнению военных властей, лояльность населения переходила границы допустимого. Впервые об этом со всей определённою сказано в приказе командующего войсками ОмВО генерала Е.О. Шмита от 21 декабря 1914 г. В нём осуждались некоторые офицеры и «чины, состоящие на военной государственной службе», которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах «на виду у всей публики», вступали «в дружескую интимную переписку», высылали на добрую память фотографические карточки с надписями, сердечными пожеланиями и воспоминаниями о счастливо проведённых днях» [12, с. 257].

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 314. Л. 156–156 об.

² Русское слово. 1914. 17 августа.

³ Омский телеграф. 1914. 16 сентября; Сибирь. 1914. 26 сентября; Сибирский листок. 1916. 1 января.

Однако были некоторые горожане, которые считали военнопленных офицеров саботажниками и заявляли в письмах на имя руководителя правительства, что такое лояльное отношение в западной Сибири к бывшим воинам вражеской армии недопустимо. Именно так поступил в июле 1916 г. заместитель председателя Новониколаевского отдела Союза русского народа К. Поляков. Он направил на имя главы правительства России письмо, в котором фактически называл военнопленных офицеров саботажниками, виновными в организации пожара в с. Камень Томской губернии весной 1916 г. Персональная ответственность за попустительство лежала, на его взгляд, на крестьянском начальнике Барнаульского уезда Гофмане и его однофамильце – кучере¹.

Однако отсутствие за весь период войны антинемецких погромов, как это было, например, в Москве, а также шовинистских организаций, направленных против российских немцев и военнопленных, активное включение военнопленных в культурную жизнь региона, в целом свидетельствует о взвешенном отношении горожан к немцам в Западной Сибири.

За исключением небольшого количества случаев, у населения Западной Сибири в целом не выработалось ненависти к врагу, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, отсутствовала хорошо разработанная пропаганды образа врага, которая бы могла примирить населения с трудностями военного времени ради победы. Во-вторых, давнее соседство сибиряков с немецкими подданными, многие из семей которых проживали здесь ещё с екатерининских времён. В-третьих, демократические традиции местных жителей, которые были связаны с удалённостью региона от центра, а также составом самого населения, часть которого являлась потомками ссыльных.

События Первой мировой войны оказали влияние на изменение общественной психологии, морали и ценностей населения Западной Сибири. При отсутствии чёткого образа внешнего врага под воздействием большевистской пропаганды начинает формироваться образ врага внутреннего.

Литература

1. Ильясова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 159–169.
2. Баскина А.Л. Повседневная жизнь американской семьи. М., 2003. - 281 с.
3. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30–40-е годы). М.: Молодая гвардия, 2003. – 463 с.
4. Марочкин В.В. Повседневная жизнь российского рок-музыканта. М., 2003. – 406 с.
5. Аникович М. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М., 2004. - 349 с.

---

¹ ИАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 76–76 об.

6. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.
7. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. – 427 с.
8. Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX.: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102–116.
9. Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» в России и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М.: Наука, 2001. С. 175–197.
10. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. – 296 с.
11. Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев//Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 48–62.
12. Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) Барнаул, 2005. – 276 с.
13. Кушнир Е.Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны.[Электронный ресурс]// Новая локальная история. [официальный сайт]. URL: <http://newlocalhistory.com/content/kushnir-en-omsk-izmeneniya-povsednevnoy-zhizni-gorodskogo-naseleniya-zapadnoy-sibiri-v-gody>(дата обращения: 19.08.2014)

УДК 940.3

Бакшт Дмитрий Алексеевич,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
baksht@mail.ru

Жандармские преследования по этно-конфессиональному признаку в Восточной Сибири (1914–1917 гг.)¹

Аннотация: В статье рассматриваются основные сюжеты репрессий «нелояльных групп» населения органами жандармерии на территории Иркутского генерал-губернаторства. Показано значительное влияние войны и армии на функционирование системы тылового гражданского управления.

В работе показано отличия в отношении жандармерии к различным этно-конфессиональным группам. Из-за мизерного количества переселенцев из этнических немцев в общей доли населения Иркутского генерал-губернаторства, не зафиксировано ни одного возбужденного дела о «шпионаже» среди них. Однако выявлены преследования фирм со значительным германским капиталом и немецким персоналом: дела против «Зингер» и «Сибирского торгового банка». Установлено, что репрессивные действия в отношении них были инициированы из центральных органов фронтового управления.

В Восточной Сибири не зафиксировано официальных преследований мусульманских организаций или объединений, кроме инспирированного контрразведкой дела об иркутских панисламистах среди татарского населения (1916 г.). Однако наиболее продолжительным было расследование о красноярских и забайкальских баптистах (1915–1917 гг.). В работе показана направляющая роль Департамента полиции МВД в данных делах, возбужденных одновременно. Изучены различные подходы в осуществлении репрессивных требований: формализм и стремление передачи дела прокуратуре в Красноярске и попытка добиться жестких приговоров в Чите.

Процесс преследования еврейского населения тесно переплетался с официальным и бытовым антисемитизмом. Главным образом, данной группе приписывалась «революционность» и «нелояльность». Сложность вопроса об отношении к сионизму проявилось в деле о красноярской организации (1914–1916 гг.), закончившемся полным оправданием. Показана слабая информированность органов политической полиции в «китайском вопросе».

Исследованы факторы, которые снижали уровень государственного насилия над этно-конфессиональным меньшинствами в регионе:

---

¹ Работа выполнена при поддержке Германского исторического института в Москве и Фонда М. Прохорова

институциональные противостояния органов управления, субъективные позиции генерал-губернатора и офицеров жандармерии.

Ключевые слова: жандармерия, Первая мировая война, Восточная Сибирь, национализм, полиция.

Первая мировая война интересна не только анализом боевых операций, но и изучением состояния тыла. Распространенная точка зрения о том, что данный конфликт стал отправной точкой «короткого» XX века, во многом верна. После 1918 г. во многих странах взаимоотношения государства и общества резко изменились. Однако эти модификации произошли на основе и старых социальных институтов, и новых, выработанных управленческими практиками мировой войны. Кроме того, распад старых династических и кризис колониальных империй вызвал новую волну национальных и националистических движений. Государственные образования на руинах Российской империи не стали исключением. Поэтому предметом исследования мы избрали действия императорских полицейских органов в отношении этно-конфессиональных групп Восточной Сибири.

Замечено, что империя как вариант «плюралистичных социальных сетей» (М. Манн) старалась избегать лишнего кровопролития (цит. по: [1, с. 42]). Мировая война полностью изменила не только риторику, но и акцент внимания государственных органов: этническое происхождение стало одним из маркеров политической лояльности. Интересно взглянуть на эту проблему на примере Восточной Сибири.

Не смотря на этно-конфессиональную пестроту региона, местные власти не нуждались в особых санкциях относительно отдельных категорий населения. Все внимание шло на борьбу с политическим экстремизмом и бандитизмом. Коренные народы не вызывали беспокойств полиции, среди «политических» подследственных «инородцы» практически не встречаются. Более того, если на других окраинах империи в штате органов департамента полиции состояли переводчики, то в Сибири каких бы то ни было предписаний на этот счет не фиксируется. В 1911–1913 гг. полиция Иркутского генерал-губернаторства столкнулась с массовой и достаточно мощной «этнической преступностью» (1913–1914): большая часть банд состояла из выходцев с Кавказа. Потребовались большие усилия ликвидации преступных сообществ, которым, фактически, руководило районное охранное отделение [2].

Немецкие крестьянские переселения в регион были незначительны: например, в Иркутской губернии на 1916 г. им принадлежало чуть более 4 тыс. дес. земли [3, с. 61]. Жандармские мероприятия во время войны ограничивались их регистрацией и реагированием на доносы местных жителей. Военнопленные их числа регулярных войск Четвертного союза попадали в поле зрения жандармерии лишь при попытках заключенных к бегству из концлагерей. В остальном, они находились под юрисдикцией начальников военных гарнизонов. Секретная агентура в этой среде была минимальной и появлялась эпизодически.

Чрезвычайные обстоятельства требовали упрощения судебной-полицейских процедур. С помощью «Положения об охране» (объявленного по всей тыловой части империи) и военного положения (на Транссибирской магистрали), правовая среда для репрессий была наилучшей за всю отечественную историю. Дела, которые решались в административном порядке или через военную юрисдикцию, проходили через утверждение иркутского генерал-губернатора, прежде чем поступали на окончательное решение Особого совещания МВД или военно-окружного суда (приговоры которого в Восточной Сибири подписывал тот же генерал-губернатор).

Л.М. Князев, бывший на этом посту до 1916 г., регулярно выступал против жандармерии и решения «политических дел» крутыми мерами. Все утвержденные им приговоры военных судов округа (1914–1915) были вынесены по делам уголовного характера и только тяжелой степени: групповые убийства, ограбления¹. Эта ситуация могла быть скорректирована в 1916 г. назначением генерал-губернатором С.П. Белецкого (директор Департамента полиции при министре внутренних дел А.Н. Хвостове) после неудачной интриги против Г.Е. Распутина, фаворита императорской семьи. Однако это решение было отменено через месяц, после назначения Белецкого. Последний генерал-губернатор А.И. Пильц (1916–1917) руководил регионом всего несколько месяцев и не успел проявить себя в данной области. Таким образом, масштаб репрессивной политики во многом зависел от субъективного фактора, – личности чиновника, поставленного во главе генерал-губернаторства.

В годы войны важнейшим субъектом политики в России стала армия. Практика Петербургского военного округа проверки благонадежности через губернаторов вольноопределяющихся была распространена на империю в феврале 1914 г.². Одновременно с этим, военная прокуратура откладывала разбирательства над солдатами по мелким происшествиям (даже по заочному оскорблению императора) до окончания войны. Полиция не могла ничего с этим поделать, ведь общественный настрой первых месяцев войны не располагал к какой-либо фильтрации «защитников отечества».

Секретная агентура в армии была ликвидирована по распоряжению командира жандармов В.Ф. Джунковского за год до начала войны [4, с. 293–294]. Решение этой проблемы не было решено из-за принципиальной позиции арамейского командования. Ко всему прочему, тыловые гарнизоны пополнились бывшими ссыльными (с мобилизации 1916 г.). МВД потеряло контроль над «неблагонадежными» массами, оказавшимися в вооруженных силах под некомпетентным надзором офицеров, чаще всего неавторитетных выпускников школы прапорщиков.

Жандармерию привлекали к делам, спровоцированным из центра. Дело «Сибирского торгового банка» было инициировано заявлениями видных

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3, ч. 17. Л. 41–47

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 180. Л. 4–4об.

деятелей Красноярска после публикации речи депутата Хвостова, широко тиражированной в печати (1915, сентябрь)¹. Дело о компании «Singer» в Сибири – составная часть централизованной крупномасштабной операции масштаба страны [5, с. 96]. В Енисейской губернии оно формально началось с доноса в Ачинске (июнь, 1915). В Западной Сибири, сходным заявлениям не давал хода прокурор Омской судебной палаты [6, с. 151]². Поэтому аресты в Томской губернии начались только 2 августа 1915 г. с санкции военно-окружного командования. К этому расследованию и подключилась жандармерия Енисейской губернии. В итоге, доказательств шпионажа служащих компании представлено не было, и деятельность «Singer» была восстановлена под государственным контролем в конце 1915 г. [5, с. 98]³.

Армия в годы войны стала центром антисемитизма: фронтовое командование поощряло погромы и пропаганду против евреев, издавала секретные распоряжения против них. Измена в тылу удобно объясняла любые неудачи генералитета на театре боевых действий (подробнее об этом: [7, с. 306]). Назначенный во главе МВД А.Н. Хвостов был одним из сторонников изъятия капитала у евреев и немцев [5, с. 82]. Одной из функций императорской жандармерии была выдача справок о политической благонадежности. Однако потеря некоторой части канцелярского архива в регионах и отсутствие централизованных реестров в МВД не позволяют нам судить о каких-либо изменениях в этой области.

В отчетности о проступках нижних чинов штабы округов (в том числе и иркутский) отдельно выделяли еврейских военнослужащих, хотя в Сибири данная категория не занимало высоких позиций в этом негативном рейтинге.

Позиция военного командования в отношении национально-религиозных организаций евреев была четкой: «не должна допускаться деятельность «еврейского национального фонда» и всякие организации сионистов». МВД запрещало это движение, ссылаясь на указ Сената от 1907 г. [8, с. 21]⁴. Дело группы красноярских сионистов (1914–1916) закончилось оправданием обвиняемых. При обнаружении группы начальник жандармского управления затруднялся квалифицировать преступление и обращался за указаниями в МВД и Иркутск по аналогичным расследованиям [9, с. 205].

Бытовой антисемитизм не был развит в довоенной Сибири. Однако, возвращающиеся солдаты, армейская пропаганда и отдельные происшествия влияли на усиление юдофобии. Часто приводится пример, когда в Красноярске бытовой спор на рынке вылился в погром (7 мая 1916 г.): 200 чел. при поддержке солдат громили мясные ряды, смяв незначительное сопротивление полиции (подробнее об этом происшествии см.: [10, с. 52–53]). Однако значительно преобладающее количество пострадавших торговцев-

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1399. Л. 13–70

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 250. Л. 26–27

³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 250. Л. 84; Д. 69 а. Л. 122–123

⁴ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 114

христиан, и зеркальное сходство погрома с аналогичными инцидентами в Сибири указывает все же на его экономический характер.

Наступление на свободу вероисповедания подданных с началом боевых действий усилилось. Штаб Корпуса жандармов предписывал устанавливать наблюдение за протестантскими пасторами (октябрь, 1914 г.)¹. В Одессе военные впервые закрыли 4 баптистские, евангелистическую и адвентистскую общины по подозрению в нелояльности (декабрь, 1914 г.) [8, с. 21]. С мая 1915 г. МВД предписывало железнодорожным жандармам регистрировать рабочих баптистов и адвентистов, занятых трудом на линии дороги и проживающих в зоне отчуждения².

Поводом преследований протестантов в Иркутском генерал-губернаторстве послужила провокационная статья в прогрессистской газете «Утро России» (2 сентября 1915 г.). Статья была оформлена ответом министру МВД, возбудившему в Думе вопрос о лояльности протестантов. От имени забайкальских баптистов высказывались пожелания быстрой победы Германии. Интересно, что административная переписка была возбуждена за день до выхода из печати издания. Учитывая то, какими ресурсами обладало императорское правительство в сфере надзора за периодикой, становится очевидным, что статью не только написали лица, близкие к имперской бюрократии. Газете дали выйти в срок, когда органы жандармерии получили предписание начать аресты. Нелепость истории с сибирскими баптистами добавляет и то, что обвиняемые по делу «исключительного государственного значения» – это 5 рабочих забайкальской станции Слюдянка, имевших «домашнее образование». Подозрительными являются и свидетельские показания: были опрошены одни и те же лица по каждому из пяти обвиняемых, а тексты протоколов зеркально похожи друг на друга³.

В Красноярске основанием для возбуждения дела стал анонимный донос, который, возможно, также был написан по заказу. Документально отмеченная дата возбуждения переписки та же, что и в забайкальском деле – 1 сентября 1915 г. Однако в отличие от своего коллеги, начальник красноярской жандармерии М.С. Байков поспешил избавиться от этого дела. Он нашел признаки нарушений по статьям с обвинением в «богохулении» (наказывался арестом не более полугода). А поскольку данный круг вопросов формально выходил за пределы жандармской юрисдикции, то дело было отдано в прокуратуру (октябрь, 1915)⁴.

Забайкальское дело о баптистах продолжалось больше года, и было прекращено иркутским генерал-губернатором. Он посчитал улики стороны обвинения неубедительными, а использование чрезвычайного законодательства – неадекватным. Дело не попало в Особое совещание МВД,

---

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 25. Л. 16об.

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 72

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3383. Л. 7–15 об., 17

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 2964. Л. 3–4; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 833. Л. 70об.–71

не помогло даже давление местного православного духовенства. Трое обвиняемых были оправданы, переписку о других передали командующему военным округом, найдя повод к продолжению расследования, но уже не на основании газетной статьи (октябрь, 1916)¹.

Панисламизм был известен сибирской жандармерии в теории, главным образом, через информирующие циркуляры и обзоры Особого отдела Департамента полиции МВД. Однако реальная «борьба с панисламизмом» была эпизодичной, если не мизерной. Поводом единственному прецеденту стала телеграмма начальника одесской жандармерии в январе 1916 г. о якобы существующей в Иркутске организации. Были арестованы 17 человек (12 из которых – местные татары), большей частью мелкие торговцы [11, с. 168]. Эта «ликвидация» – единственное дело против мусульманских организаций на всей территории Восточной Сибири.

Китайцев тоже подозревали в симпатиях к Германии. МВД предписывало установить за ними «тщательное наблюдение» (июль, 1914), но была попытка выделить пророссийские категории как военными, так и органами жандармерии. Начальник Амурского жандармского железнодорожного управления отмечал, что прогерманскими являются «реакционеры» северных провинций. В докладе военной окружной контрразведки местным властям, указывалось, что представители «Китайского общества» в Чите, хотя и левых политических взглядов, все же менее враждебны России, чем маньчжуры (в большинстве – выходцы юга Китая)². Такой гибкий подход, на наш взгляд, было следствием значительного привлечения китайцев к труду на оборону на российских предприятиях.

В целом, период характеризуется усилением роли армии, подчинением ее интересам органов МВД при потере правительственного контроля над ней. Шпиономания и национализм были нацеленной политикой сверху ни без экономических причин. Единственным препятствием чрезмерного проявления репрессивных тенденций был генерал-губернатор и отчасти органы юстиции либо вследствие личностных характеристик отдельных агентов власти, либо – ведомственной конфронтации. Все это расшатывало выстроенную систему даже на отдаленных окраинах, одновременно проявляя те негативные тенденции, которые будут усилены дальнейшими социальными катаклизмами XX в.

Литература

1. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.
2. Сысоев А.А. Криминальные сообщества Восточной Сибири в начале XX столетия: особенности профессионализации и становления организованных структур // Сибирская заимка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/sysoev-crime/>

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3383. Л. 31об.

² РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 196. Л. 77об., Л. 94–97 об.

3. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) Томск, 2009.
4. Агентурная работа политической полиции Российской империи / сост. Е.И. Щербакова. М.–СПб., 2006.
5. Лор Э. Русский национализм и Российская империя. М., 2012.
6. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
7. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
8. Жаров С.Н. Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи. Монография. Челябинск, 2007.
9. Кальмина Л.В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005.
10. Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // Еврейские общины в Сибири и Дальнего Востока. Вып. 6. Красноярск, 2001.
11. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

УДК 94 (47)

Хоменко Денис Юрьевич,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
khomenko_denis@mail.ru.

Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает изменения в отношении к еврейскому населению в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Констатируется, что для Сибири в целом в XIX – начале XX в. было характерно терпимое отношение к евреям. Преступления, которые совершались против евреев представителями других национальностей (грабежи, разбои и др.), не носили антисемитского характера. Отмечается, что весной 1916 г. в губернии существовала сложная социально-экономическая обстановка, связанная с резким подорожанием продуктов питания. Приводятся примеры открытого выражения недовольства существующим положением, многие из которых носили антиеврейский характер (самое крупное – погром в Красноярске 7 мая 1916 г.). Делается вывод о том, что причины этих выступлений были социально-экономическими, а не этническими. Вместе с тем указываются факты подготовленности этих выступлений и делается вывод о существовании в губернии группы людей, которые стремились направить народное недовольство в антисемитское русло. Однако имеющиеся в распоряжении исследователя материалы на настоящий момент не позволяют сделать вывод о том, какие именно силы стояли за этими людьми и какие цели они преследовали. Работа основана на материалах центральных и местных архивов.

Ключевые слова: антисемитизм, Енисейская губерния, Первая мировая война, еврейский погром, социально-экономическая ситуация, преступность, вымогательство.

Для населения Сибири XIX – начала XX вв. было характерно терпимое отношение к евреям. Взаимоотношения евреев с сибирскими властями были более сложными, и подчас зависело от личных взглядов отдельных чиновников. В годы Первой мировой войны отмечается рост антисемитских настроений как в обществе, так и во властных структурах Енисейской губернии. Наиболее ярким примером стал еврейский погром в Красноярске 1916 г., который получил освещение в работах Н.А. Ореховой [1, 2]. В данном сообщении делается попытка проследить зарождение и развитие антиеврейских настроений в Енисейской губернии и выявить их причины.

В годы Первой мировой войны прослеживается рост антисемитских настроений в официальной переписке. Так, жандармский обзор Енисейской губернии осени 1915 г. указывает на пораженческие настроения в среде

местного еврейства, которое «ждет от побед немцев полного уничтожения ограничений»¹.

Нельзя отрицать, что часть еврейского населения действительно желала поражения России в войне. Например, в августе 1915 г. в полицию поступило заявление о семье евреев Дворкиных из с. Балахты, которые в частном разговоре высказывались за победу Германии: «нас сейчас в России притесняют – Германия же даст свободу»². Другим примером может служить жительница г. Канска Софья Ломоносова. Она в частных беседах порицала русскую армию и высказывала пораженческие настроения³.

Однако на основании подобных свидетельств вряд ли можно говорить об общей позиции еврейства как о пораженческой. Кроме того, известно, что еврейская община в Енисейской губернии никогда не была единой [3].

В жандармском отчёте от апреля 1916 г. автор безапелляционно заявляет о существовании тайной еврейской организации, причастной к побегам военнопленных из концентрационных лагерей⁴. Следует полагать, что речь идёт об ачинском мещанине Шае Шмулевиче Шварце, дело которого было рассмотрено 27 апреля 1916 г. в Красноярском окружном суде. Он обвинялся в пособничестве побегу австрийских военнопленных, однако в ходе заседания был оправдан⁵. Думается, что в данном случае жандармский офицер стремился выдать желаемое за действительное, и никакой организованной группы евреев-пособников не существовало.

Таким образом, налицо усиление негативного отношения власти к евреям в годы Первой мировой войны. Это могло быть связано с влиянием общественного мнения, личными антисемитскими взглядами отдельных служащих, необходимостью найти внутреннего врага в условиях затягивающейся войны.

Весной 1916 г. в Енисейской губернии сложилось достаточно напряжённое социально-экономическое положение. Его причины были связаны с тяготами военного времени (повышением цен на продукты питания), а также появлением в губернии в большом количестве социально-незащищённых слоёв населения (беженцев, солдаток). В губернии было зафиксировано несколько случаев открытого выражения недовольства сложившимся положением, самым крупным из которых стал еврейский погром в Красноярске 7 мая.

Первым подобным примером стали события в Минусинске 11 марта 1916 года. В этот день солдатки из города и окрестных селений ходили организованными группами по городу, заходили в лавки и требовали бесплатной выдачи товаров. Торговцы, опасаясь за сохранность товаров и

---

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Л. 2.

² Там же. Д. 1475. Л. 255.

³ Там же. Д. 233. Л. 35 об.

⁴ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 251. Л. 36.

помещения, шли на поводу у толпы¹. От действий солдаток пострадали как еврейские, так и русские торговые заведения.

Следствие выяснило, что данное мероприятие было заранее подготовлено неким Павлом Петровичем Широковым, мещанином г. Минусинска. Он распространял слухи среди жительниц города и окрестных селений о том, что 11 марта в Минусинске в лавках солдаткам будет организована бесплатная раздача товара². Остаётся неизвестным, каких целей добивался Широков и по чьему приказанию он действовал.

Позже на станции Кемчуг было организовано нападение на лавку купца Гинзбурга. Его спровоцировали двое приезжих из Красноярска, объявивших себя представителями «Красноярской партии борьбы с дороговизной». В отличие от Широкова, эти неустановленные следствием лица агитировали за погром еврейских лавок³.

Конечно, и до Первой мировой войны в губернии периодически случались преступления, совершённые против евреев. За один 1907 г. насчитывается три таких случая. В феврале братья Тонконозовы, купцы из г. Енисейска, получили анонимные послания с требованием «положить 1500 руб. в известное место»⁴, а после того, как требование не было ими выполнено, в окно их дома неизвестный бросил снаряд. В апреле под Канском был убит еврей с целью ограбления⁵. В мае жертвами аналогичного преступления в том же Канском уезде стали уже четверо евреев⁶. Однако эти и подобные преступления не носили ярко выраженного антисемитского характера – жертвами подобных преступлений становились и представители других национальностей.

Рассматривая роста антиеврейских настроений в губернии, следует согласиться с выводами Енисейского губернатора Я.Г. Гололобова. В разосланном уже после красноярского погрома предписании он указывал, что в народе существовало «сильное озлобление» по отношению к торговцам, которым приписывалось искусственное создание необоснованной дороговизны. Губернатор предполагал повторные «погромные выступления, которые, при условии нахождения в торговой среде значительного контингента евреев, в конечном результате могут вылиться также и в еврейские погромы»⁷. Таким образом, рост антисемитских настроений среди населения Енисейской губернии был связан прежде всего с социально-экономическими причинами.

---

¹ Там же. Д. 1478. Л. 76.

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Л. 80 об.

³ Там же. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1757. Л. 99 об.

⁴ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1442. Л. 29 об.

⁵ Там же. Л. 44.

⁶ Там же. Л. 77.

⁷ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Л. 356.

7 мая 1916 года произошёл еврейский погром в Красноярске. Поводом к началу погрома послужил конфликт еврейки Ф.Я. Синец, торговавшей мясом на Новобазарной площади, с одной из «покупательниц на почве недоброкачества и дорогой цены отпускаемого мяса»¹. В конфликте тут же приняли участие и другие покупатели, в основном женщины и подростки. В десятом часу утра толпа разделилась на группы и принялась громить еврейские лавки на Новобазарной площади. Погромщики, «проникнув в лавку, ограничивались уничтожением товаров, а затем многие из толпы начали расхищать товары и прочее имущество торговцев, причем в некоторых случаях, как например при разгроме лавки Гринберга, наносились побои евреям – владельцам лавок»².

Интересны показания свидетеля погрома, И.С. Климентова, ревизора Акцизного управления. Он показал, что «в разных местах и в разное время со стороны погромщиков слышались возгласы, дававшие возможность заключить о наличии некоторого рода предварительного уговора между ними. К таковым отношу возгласы, следовавшие в ответ на предложение разгромить одну лавку: "стой, нельзя, это татарская лавка, помни уговор: только евреев и немцев"»³.

В ходе погрома пострадали 70 семейств, из них 60 – еврейских. Были разгромлены 51 еврейская лавка и 11 русских лавок [1. С. 53]. На следующий день были задержаны 82 женщины и 50 мужчин⁴.

Следствием было установлено, что имел место сговор «относительно небольшой группы лиц, почти исключительно женщин, в большинстве солдаток, явившихся на базар, по-видимому, с заранее приготовленными камнями»⁵. Однако следствию не удалось выяснить ни личности главных зачинщиков, идеологов погрома, ни даже каких-либо указаний на принадлежности их к какой-либо организации.

Оценивая еврейский погром 7 мая, жандармы не увидели в нём революционной подоплёки. Вероятно, в данном случае их оценку следует признать справедливой – их сложно заподозрить в симпатиях к революционерам⁶.

Погром 7 мая и последовавший за ним 14 мая разгром магазина Смирновых в с. Рыбинском Канского уезда вызвали общественный резонанс. 9 июня 1916 года группа депутатов Государственной Думы в количестве 58 человек подала запрос в Министерство внутренних дел по данному поводу. В запросе была высказана уверенность о подготовленности погрома, о якобы

---

¹ Там же. Ф.516. Оп.1. Д.1757. Л.24;

² Там же. 24 об;

³ Там же. Л.118;

⁴ Там же. Л.25;

⁵ ГАКК. Ф.516. Оп.1. Д.1757Л.99 об.;

⁶ Там же. Ф.827. Оп.1. Д.282.Л.22 об.;

прибывших в Красноярск «громилых-организаторах»¹. Однако никакого внятного ответа депутаты не получили, а следствие по делу о погроме было закончено указом Временного правительства от 6 марта 1917 года [1. С. 59]. Никто из должностных лиц не понёс наказания.

В мае 1916 г. случились рецидивы красноярского погрома, но в значительно меньших масштабах: 14 мая произошёл погром в с. Рыбинском Канского уезда, а в ночь на 19 мая 1916 г. – в деревне Больше-Уринской того же уезда. В последней восемь новобранцев под угрозой разгрома лавки купца Липкина (еврея по национальности) получили от него 10 рублей. Когда через некоторое время новобранцы вернулись с требованием дать ещё денег, Липкин им отказал. Попытка разгромить лавку оказалась неудачной, т.к. у Липкина нашлось огнестрельное оружие: с помощью стрельбы толпу удалось отогнать от лавки².

Обращает на себя внимание, как изменился характер преступлений, совершавшихся против евреев. Если до Первой мировой войны евреи становились жертвами общераспространённых преступлений, то в 1916 г. появился новый, специфический вид – погромы и вымогательство под угрозой погромов. Вместе с тем, нельзя не признать, что этот вид преступлений имел социальные корни, а не этнические, и был направлен не столько против евреев, сколько против торговцев.

Антисемитские настроения распространялись даже в среде коренного населения губернии. Например, в феврале 1915 г. стало известно, что некий крестьянин Григорий Лаврентьевич Миняйлов проводит антиеврейскую агитацию, под влиянием которой хакас по фамилии Тайдынов в состоянии алкогольного опьянения устроил скандал в лавке еврея Хаима Лерера³.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в годы Первой мировой войны (особенно в 1916 г.) в Енисейской губернии наблюдался рост антиеврейских настроений. Однако причины этого явления были не политические или этнические, а социально-экономические: недовольное дороговизной население проявляло недовольство предпринимателями, многие из которых были евреями по национальности. Вместе с тем, в губернии существовали некоторые группы и отдельные личности, которые стремились направить недовольство население в нужное им русло – против евреев. Однако ни персональный состав этих лиц, ни цели, которые они перед собой ставили, на настоящий момент неизвестны исследователям. Возможно, они руководствовались политическими мотивами и были проводниками черносотенной идеологии, а возможно, таким образом русские купцы надеялись избавиться от конкурентов.

---

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1055. Л. 3 об.

² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Л. 154.

³ Там же. Д. 1475. Л. 57–57 об.

Литература

1. Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов II региональной научно-практической конференции. – Красноярск: «Кларетианум», 2001. – С. 51–60.
2. Орехова Н.А. Евреи Енисейской губернии во взаимодействии с властями и жителями других вероисповеданий. // Енисейская губернии – Красноярский край: 190 лет истории. – Красноярск: ГУНБ, 2012. – С. 55–60.
3. Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века – 1917 год)– Красноярск: «Кларетианум», 2002. – С. 51–56.

Военная экономика тыла

УДК 94 (57)

Кальмина Лилия Владимировна,

д-р ист. наук, доц.,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Улан-Удэ),
kalminal@gmail.com

Войны начала XX в. как катализатор экономического развития Забайкалья¹

Аннотация: На рубеже XIX–XX вв. самодержавное правительство уже осознавало необходимость ускоренного экономического развития восточных территорий империи для решения своих внешнеполитических задач. Но экономика Забайкалья, которое в будущем должно было стать базой военных действий против Китая, в это время еще имела типично феодальный характер, значительно отставая от других сибирских территорий. Даже Транссибирская магистраль, сооружение которой стало главной акцией модернизации экономики в регионе, первоначально существенно не изменила забайкальское экономическое пространство.

Катализатором развития промышленного развития Забайкалья стал военный фактор. Неудачно закончившаяся русско-японская война лишней раз показала слабость восточных рубежей России. Забайкальская область, ранее служившая сырьевым придатком огромной империи, начала формироваться как промышленная зона: интенсифицировалась добыча полезных ископаемых, закладывалась база развития перерабатывающей промышленности.

Синьхайская революция и объявление независимости Монголией, представлявшей большой интерес для России, сулило Забайкалью перспективы экономической базы для усиления позиций российского капитала на монгольском рынке. В правительственных кругах стали прорабатываться проекты развития транспортной инфраструктуры в регионе. Проведение Кяхтинской железнодорожной ветки по территории Монголии через Ургу до Пекина с соединением ее у Верхнеудинска с Транссибирской магистралью преследовало цель усиления российского влияния в Монголии и нейтрализации Китая как экономического и политического конкурента.

---

¹ Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 33.2.2 «Экономическая модернизация Западного Забайкалья (1880-е – 1930-е гг.)».

С началом Первой мировой войны и угрозой потери индустриальных районов в европейской России самодержавие окончательно убедилось в необходимости ориентации на азиатский рынок. Забайкалье стали предметно готовить к выполнению роли экономического плацдарма для утверждения российского экономического и политического влияния в Центральной Азии.

Ключевые слова: экономическое развитие, торгово-промышленный плацдарм, транспортное строительство, стратегическое значение, внешнеполитическая цель, Транссибирская магистраль, монгольский рынок, китайская конкуренция, военный фактор, русско-японская война, первая мировая война.

На рубеже XIX–XX вв. интересы Российской империи настоятельно требовали ускоренного экономического развития ее восточных территорий. В правительственных кругах в это время уже четко обозначилось понимание того факта, что закрепиться в Приамурье и Приморье и получить прямой выход в Азиатское пространство на одной военной силе вряд ли возможно. Политическая сила государства обнаружила жесткую зависимость от самодостаточности экономической системы, позволяющей опереться на собственные ресурсы, поэтому в модернизационной стратегии развития империи важное место отводилось восточным районам России с их высоким ресурсным потенциалом [1, с. 67].

В предстоящей задаче капитализации Сибири главную роль было призвано сыграть транспортное строительство: прокладка железных дорог создавала условия для промышленной революции в других отраслях [2, с. 217]. Сооружение Транссибирской магистрали, прочно связавшей азиатскую часть империи с европейской, стало первым значительным шагом в достижении данной цели. Однако внешнеполитическая миссия магистрали по укреплению восточных рубежей империи несколько не уступала ее экономическому значению связующего звена между основными центрами Сибири и мировым рынком. Стратегическое значение железных дорог и необходимость их финансовой поддержки государством инициаторы железнодорожного строительства в Сибири хорошо понимали задолго до Высочайшего рескрипта Александра III, повелевшего приступить к сооружению Транссибирской магистрали: А.А. Головачев в своем труде «История железнодорожного дела в России», опубликованном в 1881 г., указывал на необходимость «прямой заботы государства» о сооружении этих стратегических объектов [3, с. 122]. По мнению исследователей, сооружения Транссибирской магистрали потребовали в первую очередь военно-стратегические интересы империи на Дальнем Востоке, и главные доводы обоснования ее строительства формировались вне связи с объективными задачами экономического развития Сибири [4, с. 45; 5, с. 191].

Забайкальская экономика, в целом копируя «траекторию» экономического развития Сибири, значительно отставала от других сибирских территорий. Регион с четко обозначенной сырьевой направленностью,

законсервировавшимися феодальными традициями купеческой монополии в торговле, широким использованием штрафной колонизации в добыче полезных ископаемых и примитивным промышленным производством развивался как горнопромышленный цех России [6, с. 18]. Эволюция прочих отраслей промышленности запаздывала: местная буржуазия не спешила отказаться от быстрых денег, которые приносили торговля и золотодобыча. Обрабатывающая промышленность в общей промышленной структуре занимала незначительное место, даже в 1880 – 90 - е гг., отвлекая на себя лишь от 5 до 17 % капиталов. В среднем на одно предприятие Забайкалья приходилось 2,5 рабочих и 2146 руб. производства (в России соответственно 62 и 79 тыс. руб.) [7, с. 155]. При таком положении дел регион вряд ли мог справиться с предназначавшейся ему ролью промышленного плацдарма для утверждения России в Центральной Азии, понимание которой видно в статьях - отчетах военных агентов России, оценивавших Забайкалье как основную базу будущих военных действий против Китая¹. Но отсутствие надежных путей сообщения для беспрепятственного продвижения войск делало природу даже более грозным соперником, чем предполагаемого неприятеля. Поэтому задача формирования надежной транспортной инфраструктуры оказалась в регионе в ряду первостепенных.

Надо отдать должное местной власти в Забайкалье: она отчетливо представляла себе истинное назначение будущей железнодорожной магистрали. В сохранившихся в архивах ходатайствах Верхнеудинской городской думы перед Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом и Министерством путей сообщения еще в 1887 г., задолго до проведения трассы, приводятся аргументы городской власти в пользу предлагаемой ею траектории через город: «...При проведении железной дороги через Верхнеудинск Правительство в случае экстренной усиленной перевозки войск, фуража и других казенных транспортов может пользоваться кроме железнодорожного пути и параллельным ему от Иркутска до Верхнеудинска водяным путем [...]. При неотложности постройки Сибирских железных дорог **для стратегических целей** (выделено нами. – Л.К.) постройка Забайкальской ветви могла бы быть начата в первое время для скорейшего пользования дорогою от Г. Верхнеудинска, так как водяной путь между Иркутском и Верхнеудинском открыт в течение полугода, с конца апреля по ноябрь»².

Аргументы оказались убедительными. Вероятность столкновения с Японией, претендовавшей на роль лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе и стремительно наращивавшей военный потенциал, скорректировала траекторию, темпы и цели сооружения Транссибирской магистрали. Экономическими соображениями выбора трассы, предполагавшими

---

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб., 1891. С. 139–140.

² ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 577. Л. 3.

максимальную выгоду от ее коммерческой деятельности, пришлось пожертвовать ради внешнеполитической безопасности [8, с. 12]. В результате даже на фоне общей недостаточной провозо-пропускной мощности Транссибирской магистрали и крайне низких скоростей движения поездов Забайкальский участок, обслуживавший в основном потребности военного ведомства и свои собственные, выделялся нерентабельностью. Существовая большей частью за счет казны, он, по подсчетам его начальника Ф. Кнорринга, давал около 9 руб. убытка на каждую пудо-версту [9, с. 197–199]. Однако при обсуждении проектов строительства новых железных дорог в Сибири их возможная убыточность предусматривалась. В Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России отмечалось: «Необходимо... строго разграничивать сферу железнодорожной политики от сферы практики железнодорожного хозяйства, заранее признать возможность отнесения части расходов на содержание дорог, построенным по соображениям стратегическим и политическим» [10, с. 162].

Хотя Транссибирская железнодорожная магистраль стала той нитью, «ухватившись за которую сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню» [11, с. 44], первоначально она никак не способствовала трансформации забайкальского экономического пространства. Как и во всей Сибири, быстрый рост получили лишь отрасли, которые не создавали конкуренции европейской России и углубляли специализацию области как сырьевого придатка: по переработке сельхозсырья (мукомольная, кожевенная) и по производству строительных материалов (цементная, кирпичная и лесопильная). В тех отраслях, которые содействовали бы формированию промышленного комплекса, Забайкалье проиграло конкурентную борьбу не только европейской России, но и другим районам Сибири. С проведением железной дороги сюда хлынул поток товаров более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. Тенденция снижения производства проявилась уже в 1900 г., когда железная дорога только начала действовать: объем производства местной промышленности в области уменьшился на 615667 руб.¹

Историческим фактором, ускорившим индустриализацию Забайкалья, стал военный. Перед лицом экстремальных военно-политических обстоятельств Россия всегда искала возможности создания многовариантной системы транспортных выходов [8, с. 3]. В данном контексте роль этих обстоятельств сыграли русско-японская и первая мировая войны.

Неудачно окончившаяся русско-японская война наглядно продемонстрировала слабость экономического развития восточных рубежей империи. Поэтому усиление промышленной мощи Забайкалья, являвшегося связующим звеном между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и центральной Россией, вошло в число наиважнейших задач правительства. Регион, ранее рассматривавшийся как сырьевой придаток

---

¹ Обзор Забайкальской области за 1901 год. Чита, 1902. С. 9.

огромной империи, стал формироваться как «точка экономического роста», зона развития не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности. Начавшаяся в 1901 г. добыча каменного угля уже в 1905–1907 гг. увеличилась более чем в три раза. Только на Танхойских копях в 1907 г. было добыто более 5 млн. пудов [12, с. 31; 13, с. 136]. Новое месторождение Тарбагатайских и Холярдинских копей, где мощность угольных пластов достигала миллиарды пудов, обещало рост производительности и относительно низкую себестоимость будущего машиностроительного завода. Богатые залежами слюды, асбеста, меди, железа окрестности Верхнеудинска усиливали его перспективы промышленного центра. Забайкалье предметно готовилось к роли военно-стратегического и торгово-промышленного плацдарма, который мог быть дополнительно укреплен высокой плотностью населения (в Верхнеудинском уезде и примыкающих к нему территориях Селенгинского и Баргузинского уездов сосредоточивалась треть населения Забайкалья) и обилием прилегающих плодородных земель, которые при хорошем урожае реально превращали Верхнеудинск в региональный «склад» запасов для мясной и хлебной торговли.

В работе совещаний о развитии путей сообщения в Сибири, проводившихся у Иркутского генерал-губернатора, стал настойчиво обсуждаться вопрос о проведении Кяхтинской ветки железной дороги – от приграничной Кяхты до Транссибирской магистрали с перспективой проведения ее через Монголию до Пекина¹. Проведение ветки могло значительно усилить позиции российского капитала на монгольском рынке: предполагалась не только успешная конкуренция с другими странами в экспорте в Монголию мануфактуры, которая утратила здесь свое положение после падения ввоза чая через Кяхту, но и полное вытеснение с монгольского рынка мануфактуры нероссийского производства, последующее установление монополии на ввоз металлоизделий и домашней утвари, а также прочное обоснование там русских золотопромышленников. Авторы экономической записки о значении Кяхтинской дороги отвели ей роль соединительного звена России с монгольским рынком и средства выхода монгольских товаров на Сибирскую магистраль [14, с. 56, 68, 71, 75].

Опасения противников проведения Кяхтинской ветки, полагавших, что она станет подарком Китаю, который использует ее для колонизации Сибири мирным (а впоследствии и военным) способом [15, с. 198], отступили перед мнением специалистов, изучавших Монголию «в военно-научном и военно-стратегическом отношении» и настоятельно рекомендовавших «немедленно, не теряя времени восстановить свое экономическое влияние на монгол», для чего в первую очередь требовалось «скорейшее соединение рельсами г. Кяхты с одной из станций Забайкальской дороги» с тем, чтобы продолжить ее по Монголии до г. Урги как началу магистрали на Калган, что позволит

---

¹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2256. Л. 49–51.

«чрезвычайно улучшить наше экономическое положение в Монголии» и «убить китайскую торговлю»¹. Эти намерения имели куда более далеко идущие цели, чем нейтрализация экономического конкурента. Китай, чья неудачная попытка колонизации северо-востока Монголии, предпринятая с подачи японской дипломатии, не остановила его в стремлении ослабить влияние России в Монголии, интенсифицировал железнодорожное строительство для достижения стратегических целей, что потребовало от России «симметричного» ответа, тем более что российско-китайское соперничество не исключало широкомасштабных военных действий на территории Монголии.

Предлагалось два основных проекта траектории соединения Кяхтинской ветки с Транссибирской магистралью: Мысовая – Кяхта и Верхнеудинск – Кяхта. Главным козырем сторонников Мысовского направления была краткость предложенной траектории по сравнению с Верхнеудинской, превосходившей ее по протяженности вдвое. Однако краткостью маршрута преимущества Мысовской ветки и исчерпывались: прокладывать ее пришлось бы по территории с низкой плотностью населения и обширными пастбищами кочевников. При реализации военных целей в Монголии Верхнеудинский вариант, обнаруживший массу положительных моментов, был предпочтительней: город к этому времени реально выполнял функции центра промышленного района, в окрестностях которого работали цементные заводы и лесопильные предприятия, были обнаружены угольные месторождения и залежи сырья для развития металлургической промышленности. К тому же район отличался повышенной плотностью населения. Как указывалось в экономической записке о предполагаемой роли Кяхтинской ветки, контингент этого населения (семейские) «...служит залогом для экономического преуспевания края и является элементом, обеспечивающим железнодорожный путь от всяких неожиданностей во время войны» [14, с. 73].

Синьхайская революция и объявление Монголией независимости вызвали большой интерес в России, окончательно осознавшей важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке [16, с. 92]. Близкое соседство с Монголией сулило Забайкалью завидные перспективы не только транзитного пункта для всех идущих туда товаров, но и экономической базы для усиления влияния России на Востоке.

В дальнейшем военно-стратегические причины строительства железных дорог в Сибири уже определялись не столько межгосударственными противоречиями на Дальнем Востоке, сколько подготовкой царской России к первой мировой войне на европейских фронтах и необходимостью вывоза продуктов из Сибири для снабжения армии [2, с. 218]. Этим же определялись и проекты экономического усиления восточных регионов империи. С началом

---

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб., 1913. С. 299, 300.

войны и угрозой потери индустриальных районов в европейской России самодержавие окончательно убедилось в необходимости ориентации на азиатский рынок, и официальный Петербург начал строить дальнейшие планы экономического усиления восточных территорий, в том числе и Забайкалья. В 1914 г. Государственная Дума приняла решение о проведении Кяхтинской железнодорожной ветки, которая должна была стать решающим шагом империи в экономическом «завоевании» Монголии и в значительной степени нейтрализации здесь китайского и британского влияния.

Итак, в конце XIX в. начался восточный колониальный передел мира, и Россия не могла упустить возможности поучаствовать в этом дележе [17, с. 31]. Отчетливо понимая, что в условиях обострения внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке необходимо форсировать транспортное строительство, она приступила к сооружению Транссибирской магистрали. Неудача в русско-японской войне актуализировала задачу создания на восточных рубежах империи промышленной базы для их усиления. Стратегия нейтрализации Китая, опасность приближения которого к границам России возрастала в процессе «окитаивания» Монголии, и защиты экономических интересов российского капитала потребовали от империи создания в Забайкалье экономического плацдарма для утверждения собственного экономического и политического влияния в Центральной Азии, первым шагом к чему стала проработка варианта соединения Транссибирской железнодорожной магистрали через Кяхту с линией, идущей через Монголию на Пекин. Угроза потери европейских рынков с началом первой мировой войны потребовала более решительных действий по экономическому укреплению Забайкалья и создания здесь «точки экономического роста».

В той мере, в какой развитие экономики переплеталось со стратегическими интересами государства, оно шло рука об руку с геополитикой, которая не только вносила в процессы наращивания национальной индустриальной мощи силовое измерение, но и в ряде случаев предвляла их, определяя важнейшие пространственные векторы экспансии [18, с. 286–287].

Планы развития экономической базы в Забайкальском регионе стали прямым следствием войн начала XX в., поставивших перед самодержавием задачи усиления своего влияния на Востоке. Сформировавшийся в российском правительстве в начале XX в. взгляд на роль и назначение Забайкалья как военно-стратегического и торгово-промышленного плацдарма для укрепления России в Центральной Азии, превратившийся в политические установки, способствовал активизации его хозяйственной жизни.

Литература

1. Букин С.С. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // С.С. Букин, В.И. Исаев, А.И. Тимошенко // Экономическая история Сибири XX века: Мат -лы Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Барнаул: издательство Алтайского университета, 2006. – С. 66–73.

2. Баталова Т.И. Железнодорожное строительство на Алтае в начале XX в. / Т.И. Баталова // История Алтайского края. XVIII – XX вв. Науч. и докум. мат-лы. – Барнаул, 2005. – С. 216–225.

3. Гурьев В.И. Проблемы железнодорожного строительства в отечественной историографии (вторая половина XIX-начало XX века) / В.И. Гурьев // Проблемы отечественной истории. Вып. 13. – М.: Издательство РАГС, 2010. – С. 121–136.

4. Андреева Т.И. Военно-стратегический фактор железнодорожного строительства в Азиатской России в конце XIX – начале XX в. / Т.И. Андреева // Сибирь и войны XIX – XX веков: Тезисы Всерос. (с межд. участием) науч. конф., г. Новосибирск, 8–10 июня. 2014 г. – Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2014. – С. 43–45.

5. Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному / В.П. Зиновьев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: Сб. мат-лов конф., Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. / под ред. В.А. Ламина. – Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2003. – С. 185–193.

6. Лаженцев В.Н. Структура и экономические связи Забайкальского хозяйства в дореволюционный период / В.Н. Лаженцев., А.А. Недещев // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник. № 6. – Чита: Редакционно-издательский сектор Забайкальского филиала Географического общества СССР, 1972. – С. 3–28.

7. Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири / М. Соболев // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб.: изд. А.Ф. Девриена, 1908. – С. 141–168.

8. Ламин В.А. Императивы формирования Российской транспортной системы / В.А. Ламин // Императивы России в транспортную систему Восточной Азии: Сб. науч. статей. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – С. 3–32.

9. Кнорринг Ф. Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги / Ф. Кнорринг. – Иркутск: типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1910. – 212 с.

10. Баталова Т.И. Проблема дефицита в железнодорожной сети Азиатской России в конце XIX – начале XX в. / Т.И. Баталова // Экономическая история Сибири XX века. Мат-лы Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Барнаул: издательство Алтайского университета, 2006. – С. 153–164.

11. Зиновьев В.П. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX – начале XX вв. / В.П. Зиновьев // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. – Томск: издательство ТГУ, 2003. – С. 35–48.

12. Берсенев Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907 – февраль 1917 г.) / Л.Ф. Берсенев // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века.

Забайкальский краеведческий ежегодник. № 6. – Чита: Редакционно-издательский сектор Забайкальского филиала Географического общества СССР, 1972. – С. 29–41.

13. Раднаев Б.Э. Развитие промышленности Забайкалья в период капитализма / Б.Э Раднаев // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 132–144.

14. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении /под ред. П.П. Червинского. – СПб.: Тип. Т-ва С. Суворина «Новое время», 1913. – 212 с. с прилож.

15. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири: В 2 т. Материалы. Т. II / под ред. Виктора Попова. – Иркутск: Издание канцелярии Иркутского Генерал - Губернатора, 1908. – 479 с.

16. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.В. Старцев. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2003. – 308 с.

17. Бойко В.П. Проектирование и начало строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и ее влияние на экономику Сибири /В.П. Бойко // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Вып. 2. – Томск: Изд-во Том. гос. архит. - строит. ун-та, 2010. – С. 27–34.

18. Зубков К.И. «Континентальный» геополитический тренд в индустриальном развитии России начала XX в. / К.И. Зубков // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всерос. науч. конф., Екатеринбург, 27–28 сент. 2011 г.: В 2-х т. Т. 2. – Екатеринбург: УМЦ – УПИ, 2011. — С. 283–290.

УДК 9(С)15

Кушнарeva Маргарита Дмитриевна,
канд. ист. наук, доц.,
Иркутский государственный университет,
rita270880@mail.ru

Пушная торговля на северо-востоке Сибири и государственная политика в годы Первой мировой войны

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления формирования государственной политики в сфере пушной торговли и промысла в условиях Первой мировой войны. Ключевой проблемой, проанализированной в статье, является работа Совещания при Нижегородском ярмарочном комитете, под председательством члена Государственной Думы А. С. Салазкина, на котором были разработаны ряд вопросов относительно развития заграничной пушной торговли, промысла и организации заповедников на территории Баргузинского уезда Иркутской губернии. Научный интерес представляют сведения о экспедиции Г. Г. Доппельмаира, которая была организована Министерством Земледелия с целью определения эффективности функционирования заповедника. Результаты работы экспедиции, изложенные в рапорте Г. Г. Доппельмаира, представлены в настоящей статье, как ранее не опубликованные источники данные. По данным экспедиции коренное население, проживавшее на территории заповедника, на съезде промысловиков высказало мнение о том, что существование заповедника не достигает цели охраны соболя. По мнению промысловиков воспроизводство численности соболя могло быть достигнуто соблюдением сроков и способов охоты на него. Во второй части исследования представлены обороты крупных фирм северо-восточной Сибири от продажи пушнины на заграничные рынки. Торговые дома «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарeva», «Г. В. Никифоров», «Коковин и Басов» в условиях Первой Мировой Войны вышли на новые международные рынки Северной Америки и Великобритании для реализации крупных партий высококачественной сибирской пушнины. Кроме сделок с пушниной крупные фирмы северо-восточной Сибири в военных условиях занимались снабжением населения края продуктами питания, а так же скупкой и поставкой сырья для нужд армии. Заинтересованность государства в развитии пушной торговли крупными фирмами северо-восточной Сибири обуславливалась тем фактом, что в казну поступали регулярные «окладные» отчисления, необходимые в условиях военного дефицита государственного бюджета. В статье отмечено, что кроме коммерческой деятельности сибирское купечество принимало активное участие в благотворительной деятельности на нужды армии.

Ключевые слова: пушная торговля, государственная политика, закон, пушной промысел, крупные фирмы, северо-восточная Сибирь, военные действия, заповедник, партии пушнины, оборот капитала.

Северо-Восточная Сибирь являлась основным поставщиком пушнины на мировой рынок до начала Первой мировой войны. Прибыль, поступающая от продажи мехов за границу, составляла важную доходную статью российского бюджета. В первой части нашего исследования мы предприняли попытку рассмотреть основные направления российской политики в сфере пушной торговли и промысла ценных видов пушнины в период военных действий 1914–1918 гг.

С началом войны правительство России издало ряд нормативных актов, препятствовавших экспорту российской пушнины. Постепенно, под давлением крупнейших предпринимателей в сфере торговли пушниной, российское правительство в 1916 г. приняло нормативный акт в виде списка, содержавшего наименование мехов, разрешенных к вывозу в нейтральные страны.

В список мехов, разрешенных к вывозу в нейтральные страны были включены следующие виды пушнины: бобр морской и речной, соболь, песцы белые и голубые, шиншилла, илька, морской котик, норка, горностай, куница, шкуры медведей, рысей, колонок, нутрия, белка, выдра, выхухоль, заяц, кролик, росомаха, хорь, бурундук, хвост белки, сшитые меха из 1 шкуры¹.

Министерство Торговли и Промышленности при соглашении с Министерством Финансов установило порядок вывоза различных сортов русского мехового сырья: в нейтральные страны можно было вывозить без особых разрешений Министерства Финансов, для вывоза всех остальных мехов требовалась подача прошения, которые рассматривались по существу в Межведомственном департаменте таможенных сборов. В союзные страны допускался свободный вывоз не только дорогих мехов, но всех вообще мехов, за исключением лишь бараньих, овечьих, козьих шкур, когда они транспортировались на судах под русским или союзным флагом или в почтовых посылках. Разрешения требуются на вывоз данных мехов, если они транспортируются по железной дороге или на судах нейтральных стран².

Однако огромное количество вопросов в сфере организации пушной торговли, подлежащих законодательному регулированию, правительством разрешено не было. С целью привлечения внимания правительства к проблемам развития пушной торговли в 1916 г. в Нижнем Новгороде было созвано Собрание при ярмарочном комитете, под председательством члена Государственной Думы А. С. Салазкина [1. С. 241]. В собрании приняли участие представители Министерства Финансов, ревизор Департамента таможенных сборов В. К. Держговский, Министр Земледелия, старший специалист по охоте Г. Г. Доппельмаир и сотрудник департамента земледелия В. Я. Генерозов, чиновник особых поручений при Министерстве Торговли и Промышленности А. Л. Рафалович, члены ярмарочного комитета, представители

---

¹ РГИА. Ф. 23 (Министерство Торговли и Промышленности). Оп. 11. Д. 176. Л. 77.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 78.

Русско-Американской Торговой Палаты, Московского общества меховой промышленности и торговли и около 80 представителей мехоторговых фирм¹.

На обсуждение совещания были поставлены следующие проблемы: экспорт мехового товара, организация в России меховых аукционов, продление срока полного запрета охоты на соболя.

Анализ материалов фонда Министерства Торговли и промышленности позволил сделать вывод, что по вопросу экспорта мехового товара представители данного министерства дали подробные разъяснения участникам совещания. Представитель Министерства Торговли и Промышленности указал на описанное выше различие порядка экспорта мехов в союзные и нейтральные страны [2, С. 128]. Участники Совещания отметили, что данный порядок экспорта российской пушнины существенно препятствует развитию российской меховой торговли. Иностранцы меховщики могли свободно закупать в России пушнину и переправлять ее за границу (в большей степени в Америку), что приводило к потере зарубежных рынков сбыта пушнины российскими мехоторговцами².

Относительно импорта в Россию мехового товара представители меховой торговли заявляли, что они испытывали большие затруднения в получении необходимых им импортных мехов, так как ни через Архангельск, ни через Владивосток, ни через Швецию означенный товар к ним не поступал. Представители Министерства Торговли и Промышленности объясняли причины, препятствовавшие импорту тем, что данные направления были загружены грузами боевого и государственного назначения. Далее представители меховой торговли выразили пожелание о том, что бы были предприняты шаги к организации обмена почтовыми посылками между Россией и Америкой, так как в виду отсутствия соответствующей почтовой конвенции между названными государствами российская пушная торговля была лишена возможности пользования такими посылками. Отправление мехов в почтовых посылках являлось в рассматриваемый период эффективным способом ведения торговых операций и повышало скорость оборота капитала пушных фирм.

Государственная политика России в сфере развития пушного промысла ценных видов выразилась в виде обсуждения на Совещании вопроса о продлении трехлетнего срока запрета охоты на соболя, введенного в 1912 г. законом «Об установлении ограничительных мер по охоте на соболя». Мнения участников Совещания разделились на два направления [3, С. 54].

С целью выявления позиций участников совещания, приведем цитаты из текста Закона от 9 июня 1912 г.

«В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

---

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 77.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 77–77 об.

1. Охота на соболя в течение времени с 1 февраля 1913 г. по 16 октября 1916 г. воспрещается.

2. В течение указанного в статье срока воспрещается продавать, покупать, разносить, развозить, перевозить, вывозить за границу, хранить убитых соболей, соболиные меха и шкурки, не снабженные клеймами или пломбами, удостоверяющими, что они добыты до 1 февраля 1913 г. <...>

3. По истечении указанного в ст. 1 срока, охота на соболя воспрещается ежегодно с 1 февраля по 15 октября.

4. Воспрещается продавать, покупать, разносить, развозить, перевозить, вывозить за границу и хранить убитых в летней шерсти соболей (калтанов), а так же соболиные меха или шкурки в летней шерсти, а равно как щенков и молодых, не достигших в своей шерсти полного роста.

5. Отобранные по распоряжению властей соболиные меха и шкурки клеймятся или опломбируются и снабжаются удостоверениями с указанием происхождения, после чего обращаются в продажу»¹.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Св. Законов Т. XV, изд. 1895 г. по продолжению 1906, 1908, 1909, 1910 гг. был дополнен статьями 56/9, 56/10, содержащими административные санкции за нарушение вышеуказанных норм Закона. Размер денежного взыскания был установлен от 15 до 300 руб.².

Относительно практической реализации данного Закона на Совещании возникла дискуссия.

Представители общества Московской меховой промышленности и торговли и некоторых других крупных торговых домов настаивали на необходимости продления срока полного запрета охоты на соболя.

Представители сибирских пушных фирм, полагали, что оснований продления срока полного запрета охоты на соболя не было, так как соболь размножился в достаточном количестве, причем продление запретительного срока соболиной охоты, при несовершенстве способов для обеспечения этой меры, могло лишь создать на практике большие злоупотребления, не принеся существенной пользы охране соболиного промысла³.

Кроме реализации норм Закона «Об установлении ограничительных мер по охоте на соболя», Правительством были предприняты меры по созданию заповедников с целью охраны ценного баргузинского соболя.

Так, в 1914 г. Министерством Земледелия была снаряжена экспедиция для исследования соболиного промысла на северо-восточном побережье оз. Байкал в Баргузинском уезде Забайкальской области. На основании работ этой экспедиции, законченных осенью 1915 г., Министром Земледелия в

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII. Отд. 1. Пг, 1915. № 37230. С. 616–617.

² ГАИО. Ф. 25 (Канцелярия Иркутского Генерал-губернатора). ОЦ. Д. 625. Л. 16–16 об., 17.

³ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 78.

порядке, установленном Правилами об охотничьих заповедниках, был учрежден в Баргузинской области «Баргузинский охотничий заповедник», о чем было опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений Правительства 20 января 1917 г. за № 18, ст. 107.

Учреждение означенного заповедника имело своей основной задачей сохранение ценного баргузинского соболя, а так же выполнение научно-показательных работ в области охранения и размножения промысловых животных.

Параллельно с этим по инициативе Министерства Земледелия, на основании произведенного экспедицией обследования, Иркутским генерал-губернатором был выделен на северо-восточном побережье Байкала казенный охотничий участок, в котором крестьяне Баргузинского уезда имели возможность заниматься соболиным промыслом.

Порядок пользования соболиными промыслами был определен особыми, изданными Иркутским генерал-губернатором, правилами, ограничивавшими число охотников на определенной территории для предупреждения чрезмерного истребления соболя.

Столь серьезные мероприятия по охране баргузинского соболя были приняты в связи с общими обширными работами Министерства Земледелия по упорядочиванию соболиного промысла в Сибири и в частности, руководствуясь тем, что соболь северо-восточного побережья Байкала, являлся в настоящее время наиболее ценным пушным зверем и в значительной мере уже «истребленной расой этого зверя»¹.

Стоимость отдельной шкурки баргузинского соболя определялась в несколько сот рублей, достигая для лучших экземпляров тысячи рублей.

Правильные охранительные меры и осторожная эксплуатация наличного запаса этого ценного соболя представлялись настоятельно необходимыми мерами, так как таким путем не только обеспечивался постоянный доход от соболиного промысла местного населения, но и сохранялась в интересах государства порода баргузинского соболя, как ценный племенной материал. Соболю мог быть использован для разведения в питомниках и зоопарках, по примеру того, как это существовало в Канаде и Соединенных Штатах Америки в отношении различных других ценных пушных зверей².

В промысловый сезон 1917–1918 гг. промысел соболя разрешался с 15 октября по 1 февраля для местного населения³.

Представитель Министерства Земледелия Г. Г. Доппельмаир, стоявший во главе снаряженной данным министерством в 1914 г. специальной соболиной экспедиции, заявил, что Министерство Земледелия, в виду данных, полученных в ходе экспедиции, не является сторонником продления запретительного срока охоты на соболя. Анализ практики применения

---

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1529. Л. 1.

² Там же.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1529. Л. 2.

запретительных мер показал, что при невозможности принятия надлежащих мер к охране всех районов, в которых водился соболь, требования полного запрета охоты не выполнялись. В качестве наиболее эффективных мер по охране соболя представителем Министерства Земледелия было предложено создание обширных заповедников в наиболее благоприятных для обитания соболя районах – в Баргузинском и Минусинском уездах. В данных заповедниках предполагалось полностью запретить охоту на соболя и организовать надлежащую охрану территории. Законное осуществление соболиного промысла было предложено вести на специально образованных участках. Введение данных мер по сохранению соболя и развитию соболиного промысла Министерство Земледелия считало более эффективным, чем полный запрет охоты на соболя.

Коренное население северо-восточной Сибири, которое не имело других источников существования, кроме соболиного промысла, требовало отмены полного запрета охоты на соболя. Таким образом, Министерство Земледелия в ведении которого находились вопросы развития пушного промысла однозначно высказало свое мнение по существу данного вопроса¹.

В данной части исследования приведем рапорт Г. Г. Доппельмаира от 23 августа 1917 г. в Министерство Земледелия, в котором отражены важные вопросы организации и функционирования учрежденного Баргузинского заповедника.

Из рапорта следовало, что «среди большинства баргузинских промышленников существовало стремление уничтожить заповедник, промыслить в "Подлеморье" (на северо-восточном побережье Байкала) бесплатно и не пускать на промысел сюда других, то есть итанчан и прочих желающих»².

Доппельмаир опасался, что к началу промыслового сезона промышленники начнут реально выполнять свои «пожелания», в связи с чем, «авторитетное воздействие на промышленников, со стороны областного комиссара, по-моему, необходимо»³.

Далее Доппельмаир отмечал, что «относительно порядка промысла промышленники признали необходимость соблюдения сроков охоты и ограничения числа охотников на территории промысла»⁴.

В заключительной части совещания председатель А. С. Салазкин от имени Совещания высказал представителям министерств признательность за данные ими исчерпывающие объяснения по всем затронутым в ходе Совещания вопросам и отметил, что благодаря участию в Совещании названных представителей, удалось надлежащим образом осветить наиболее важные в настоящее время для меховой торговли вопросы, устранить различные противоречия, возникшие в среде меховщиков в отношении толкования

---

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 77 об.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1529. Л. 3.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1529. Л. 3.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1529. Л. 3.

правил, регулировавших внутреннюю и внешнюю пушную торговлю и промысел в России¹.

Во второй части нашего исследования отметим основные тенденции развития пушной торговли на территории северо-восточной Сибири в условиях Первой мировой войны.

В условиях мировой войны, когда иностранные рынки сбыта продукции пушного промысла были потеряны, только крупные фирмы смогли наладить новые связи с зарубежными потребителями. В условиях послевоенного падения спроса и, соответственно, цен на пушнину, крупные меховщики придерживали свои экспортные партии без убытков, реализовав товар в более поздний период, когда цены поднялись на довоенный уровень. Таким образом, крупный капитал в пушной торговле имел ряд преимуществ, основными из которых было наличие больших оборотных капиталов, организация сети торговых посредников, знание конъюнктуры общероссийского и зарубежного рынков, возможность установления контактов с русскими и иностранными покупателями.

Таким образом, придерживая крупные партии пушнины до наступления благоприятных экономических обстоятельств, крупные фирмы вкладывали капиталы в другие отрасли торговли. В целом период 1914–1918 гг. для развития пушной торговли на северо-востоке Сибири характеризовался активизацией фирм с крупным капиталом и стремлением к монополизации данной отрасли. В период Первой мировой войны увеличился экспорт ценных сортов пушнины в союзные страны (белка, горностай, лисица «сиводушка», лисица красная, песец, колонок). Крупные партии пушнины торговых домов «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева», «Г. В. Никифоров», «Коковин и Басов» первоначально сосредотачивались после промыслового сезона на Якутской ярмарке, отсюда почтовыми посылками или (речным) морским транспортом вывозились на иностранные рынки. Главным таким рынком в годы Первой мировой войны стали Соединенные Штаты Америки и Великобритания, взамен утраченным немецким рынкам сбыта сибирской пушнины.

Так, в 1914 г. на заграничные рынки торговый дом «Наследники А. И. Громовой» поставил партии пушнины, состоявшие в 1914 г. из 9900 шкурок белого песца, 131000 белки, 53000 шкурок горностая, а в 1916 г. партию горностая в 17400 шкурок². Торговый дом «Г. В. Никифоров» в годы войны поставлял за границу крупные партии белки и горностая: в 1914 г. 120000 шкурок белки и 6600 шкурок горностая, в 1915 г. – 32500 шкурок белки и 5260 шкурок горностая, в 1916 г. 16000 шкурок белки и 1200 шкурок

---

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176. Л. 79.

² НАРС(Я). Ф. 343 (Якутский Областной Статистический Комитет). Оп. 1. Д. 8. Л. 19, 20, 20 об., 21, 22.

горностая¹. Торговый дом «Наследники А. М. Кушнарера» продал американским скупщикам в 1914 г. партию пушнины из 85000 шкурок белки, 893 шкурок лисицы «сиводушки», 11960 шкурок горностая и 3700 шкурок белого песка, в 1916 г. партия пушнины [4, С. 95]. Сбытая иностранным скупщикам партия состояла из 110 шкурок лисицы «сиводушки», 1270 шкурок красной лисицы, 4180 шкурок белого песка, 17400 шкурок горностая².

Кроме пушной торговли, крупные фирмы в 1914–1918 гг. активно участвовали в других сферах экономической деятельности. Так, якутский купец I гильдии П. А. Кушнарев получил для торгового дома «Наследники А. М. Кушнарера» монопольное право скупки кожевенного сырья в Сибири для нужд обороны Государства. П. А. Кушнарев распоряжением Министерства Торговли и Промышленности в 1916 г. был назначен полномочным представителем Всероссийского Общества кожевенных заводчиков с исключительным правом закупки кожевенного сырья в пределах Якутской области с целью его поставки для нужд Российской армии³.

В качестве примера благотворительной деятельности представителей крупных фирм северо-восточной Сибири в период военных действий приведем следующие сведения. В 1915 г. на нужды армии Г. В. Никифоров пожертвовал 300 заячьих одеял, П. А. Кушнарев – 10000 заячьих шкур⁴.

В том же году в магазинах торговых домов Г. В. Никифорова, наследников А. И. Громовой, Ковоина и Басова, П. А. Кушнарера в г. Якутске были установлены «кружки» для сбора пожертвований от населения на строительство санаториев на южном берегу Крыма для больных и раненных военнослужащих. От населения г. Якутска за один день мероприятия было собрано 433 руб. 28 коп.⁵. Представители вышеперечисленных торговых домов кроме организации сбора пожертвований внесли свой вклад в формирование фонда помощи русской армии.

Итак, крупные меховщики принимали активное участие в постановке и разрешении вопросов развития российской пушной торговли и промысла в период Первой мировой войны. Предприниматели стремились найти оптимальные способы и пути ведения своих торговых операций, обращаясь непосредственно к российскому правительству, с целью повышения эффективности ведения пушной торговли, ускорения оборота капитала, расширения рынков сбыта продукции. Обсуждение вопросов развития пушного промысла и торговли на совещаниях позволяло наметить

---

¹ НАРС(Я). Ф. 415 (Торговый Дом «Г. В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об.

² НАРС(Я). Ф. 511 (Торговый Дом «Наследники А. М. Кушнарера»). Оп. 1. Д. 1. Л. 1–78.

³ НАРС(Я). Ф. 22 (Вилуйское окружное управление). Оп. 1. Д. 3209. Л. 1–1 об.

⁴ Якутские областные ведомости. 1915, № 35, 25 августа 1915. С. 5.

⁵ Якутские областные ведомости. 1915, № 36, 28 августа 1915. С. 4.

экономический и политический курс российского правительства в период Первой мировой войны.

Литература

1. Кушнарёва М. Д. Вопросы развития пушной торговли Азиатской России и позиция русского правительства в годы Первой Мировой войны. // Россия и Восток: взгляд из Сибири. 2004: материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции. ИГУ. Иркутск: изд-во «Отгиск». 2004. 308 с. С. 241–245.

2. Кушнарёва М. Д. Основные тенденции развития российской пушной торговли в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск: Изд-во БГУЭП. 2011. 427 с. С. 127–130.

3. Кушнарёва М. Д. Законодательная политика государства в сфере правового регулирования пушной торговли (II половина XIX – начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета: Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2.1. С. 52–57.

4. Кушнарёва М. Д. Ценообразование как фактор формирования прибыли в пушной торговле (Северо-Восточная Сибирь в начале XX в.) // Инновации и инвестиции. Москва. 2014. № 2. 2014. 234 с. С. 94–97.

5. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск. Изд-во ТГУ. 1975. 357 с.

6. Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.): Учебное пособие. Барнаул: изд-во «Аз Бука». 2007. 214 с.

УДК 94(571.54):314

Плеханова Анна Максимовна,

д-р ист. наук, доц.,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН (г. Улан-Удэ),
plehanova.am@mail.ru

Влияние Первой мировой и Гражданской войн на демографические процессы в составе бурятского населения

Аннотация: Неблагополучная демографическая ситуация в среде бурят – коренного этноса Забайкальской области и Иркутской губернии, ставшая следствием реализации землеустроительной политики царского правительства, отчетливо проявилась уже в начале XX в. В годы Первой мировой войны ситуация еще более усугубилась. Мобилизация на фронт самой работоспособной части населения в результате издания царского указа «О реквизиции инородцев...» привела к дальнейшему упадку хозяйства бурят и, как следствие, к снижению рождаемости.

На основе архивных источников и опубликованной литературы автор статьи выявляет демографические последствия Первой мировой и Гражданской войн. Наиболее ощутимыми демографическими потерями в среде бурятского населения стали замедление темпов естественного прироста населения, повышение смертности, снижение рождаемости, повышение уровня заболеваемости, нарушение соотношения полов в пользу женщин, увеличение неконтролируемого эмиграционного потока в Монголию.

После окончания Гражданской войны основным источником роста бурятского населения являлось естественное воспроизводство, которое по-прежнему отличалось высокой рождаемостью и высоким уровнем смертности, особенно детской.

В статье доказывается, что войны являются не только мощным фактором, воздействующим на механизм демографических изменений, но часто – причиной демографических кризисов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, буряты, реквизиция инородцев, демографические процессы, эмиграция, демографический кризис, численность населения, уровень рождаемости, уровень смертности, половозрастная структура населения.

Войны являются мощным фактором, воздействующим на механизм демографических изменений. Военные конфликты служат одной из главных причин неестественной убыли населения. Два из четырех демографических кризиса в истории России были связаны с войнами разного характера. Первый кризис (1914–1920 гг.) происходил в годы Первой мировой и Гражданской войн. Третий кризис (1941–1945 гг.) связан с Великой Отечественной войной, где наша страна потеряла по разным оценкам от 16 до 20 млн человек.

Влияние войн на народонаселение проявляется не только в прямых военных потерях, но и опосредованно, через экономику, социальную сферу, психологию и т.д. Длительное время отзываются «демографическим эхом» косвенные демографические потери общества (ухудшение условий воспроизводства населения, диспропорции в половозрастной структуре, уменьшение численности населения, способного к репродуктивной деятельности, снижение брачности, рождаемости, повышение уровня заболеваемости, инвалидности, рост смертности, увеличение неконтролируемых миграционных потоков и т.д.).

Неблагополучная демографическая ситуация в среде бурят – коренного этноса Забайкальской области и Иркутской губернии в царской России – проявилась еще до начала Первой мировой войны. Сокращение численности бурятского населения, по мнению, как дореволюционных этнографов, так и советских исследователей, стало следствием реализации землеустроительной политики царского правительства. По мнению Н.Н. Козьмина, следствием земельной реформы и в целом «обрушительной политики» царского правительства стали упадок бурятского скотоводческого хозяйства, уменьшение величины бурятских семей и усиление миграции бурятских скотоводов в Монголию, что явилось причиной сокращения и приостановки роста бурятского населения [1, с. 17]. По подсчетам современных исследователей, только за 1908–1914 гг. 32,5 % агинских бурят эмигрировали в Монголию [2, с. 34].

В годы Первой мировой войны ситуация еще более усугубилась. В начале войны на фронт были мобилизованы только буряты, состоящие в казачьем сословии. Было организовано «Общобурятское общество» по сбору пожертвований на нужды войны, которые формально считались добровольными, а на деле – принудительными. Это вызвало протест в среде бурятского населения, своеобразной формой которого явилось еще более усилившееся переселение бурят на территорию соседней Монголии.

На третьем году войны царское правительство решило ввести воинскую повинность для малых народов России. 25 июня 1916 г. Николай II издал указ «О реквизиции инородцев на тыловые работы по созданию укреплений в прифронтовой полосе». Призыву к мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1885 г. и 1897 г. в возрасте от 19 до 31 года. От мобилизации освобождались воспитанники учебных заведений, должностные лица волостных и сельских управлений, лица, состоявшие на государственной службе, буддийское духовенство. Общее количество мобилизованных бурят составило 20878 человек, из них по Забайкальской области – 11 817, по Иркутской губернии – 9 061 [3, с. 470–471].

Значительная часть мобилизованных бурят была отправлена в Архангельск на прокладку железнодорожной ветки по льду Белого моря, восстановление порта и лесозаготовки. Другая большая группа мобилизованных бурят занималась рытьем окопов и прокладкой грунтовых дорог в районе Северо-Западного фронта [4, с. 34]. Сырой климат, непомерно тяжелый труд,

антисанитарные условия, плохое питание пагубно отражались на здоровье бурят. По мнению Л. Ескевич, «...климат Европейской России вместе с казарменным режимом гибельно отразился на мобилизованных степняках – бурятах... Смертность среди них шла усиленно и в первые годы после возвращения» [5, с. 23].

Уход самой работоспособной части населения привел к дальнейшему упадку хозяйства бурят и, как следствие, к снижению рождаемости. Так, в Иркутской губернии рождаемость в 1917 г. сократилась по сравнению с 1912–1914 гг. на 32 % [6, с. 35].

Мобилизация бурят, которые до этого момента были освобождены от несения воинской повинности, стала еще одной причиной эмиграции в Монголию, принявшей в этот период масштабный характер. Для выяснения причин массового переселения бурят была создана специальная комиссия из представителей администрации и населения Забайкальской области во главе с вице-консулом в Маймачене надворным советником Лавдовским. Комиссия установила, что в Монголии постоянно проживало 800 бурят Харганатской, Кубдутской и Хоацайской волостей Верхнеудинского уезда, 300 – из Онгоцонской и 4500 – из Кужертаевской, Хори-Бурятской, Цугольской и Агинской волостей Читинского уезда. Кроме этого, периодически кочующих бурят насчитывалось около 4 000 человек [7, с. 128].

Во время Гражданской войны эмиграция приняла массовую стихийную форму. В Халхе образовались целые хошуны из бурят. К 1923 г. за пределами Бурят-Монгольской АССР, по подсчетам Н.Н. Козьмина, находилось не менее 60 тысяч бурят-монголов [8, с. 33].

Переписи населения 1920-х гг. и другие документальные материалы позволяют выявить демографические последствия первой мировой и Гражданской войн. К сожалению, первая перепись в советском государстве была проведена в 1920 г., когда продолжалась еще Гражданская война, вследствие чего часть населения оказалась неучтенной. Данное обследование охватило лишь западные аймаки Бурят-Монголии, входившие в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. В восточных аймаках, т.е. на территории Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики, перепись была проведена лишь в 1923 г. На основе механического сложения данных этих двух обследований, далеко не сходных по времени их производства, а потому не претендующих на абсолютную точность, Статуправление республики определяло численность населения цифрами, указанными в таблице 1.

Таким образом, с большой долей условности можно определить численность населения республики в 451 869 чел., в том числе русских – 221 324 чел. (49 %) и бурят – 220 129 чел. (48 %).

Население Бурятии по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. составляло 491 266 чел., из них 53 % – лица русской национальности (258 796 чел.), 44 % – бурятской (214 957). Таким образом, по сравнению с переписями 1920 г. и 1923 г. количество населения увеличилось на 8,7 %.

Таблица 1.

**Численность населения Бурятии на момент образования республики
(по переписям 1920 г. и 1923 г.)¹**

Название аймаков (уездов)		Буряты	Русские	Прочие	Всего
Западные аймаки / 1920 г.	Аларский	19452	18460	–	37912
	Боханский	14056	10895	–	24951
	Тункинский	14502	9101	–	23603
	Эхирит-Булагатский	26388	10699	–	37087
Восточные аймаки / 1923 г.	Агинский	29402	2868	1202	33472
	Хоринский	26889	10325	545	37759
	Баргузинский	13556	12992	1941	28489
	В том числе г. Баргузин	6	1457	740	2203
	Троицкосавский	48194	52383	688	101265
	В том числе г. Троицкосавск	219	7671	577	8467
	Верхнеудинский	27690	93601	6040	127331
	В том числе г. Верхнеудинск	28	17389	4218	21635
	В том числе пос. Нижняя Березовка	–	586	180	766
Всего по Бурят-Монгольской АССР	220129	221324	10416	451869	
В том числе по сельским местностям	219876	194221	4701	418798	
В том числе по городам	253	27103	5715	33071	

Характерно, что увеличение численности населения республики происходило в основном за счет русского населения, которое в период между переписями увеличилось на 37,5 тыс. чел. (на 17 %). Численность бурят в период между переписями сократилась более чем на 5 тыс. чел. (почти на 4%). Сокращение во многом произошло в результате изменения самоопределения некоторой части обруселых крещеных бурят, которая в дореволюционное время называлась «карымы» и относилась к группе оседлых инородцев. Эта группа при переписи населения в 1920 г. в западной части республики и в 1923 г. в восточной была условно отнесена к бурятам. Однако при переписи 1926 г., в инструкции по проведению которой принцип принадлежности к той или иной народности был сформулирован более четко, группа «карымов», несмотря на свой хозяйственный и культурно-бытовой уклад жизни близкий бурятскому населению, показала свою принадлежность к русской народности.

¹ ГАРБ. Ф. Р-196. Оп.1. Д. 228. Л. 11.

По подсчетам Госстатуправления БМАССР обруселых бурят в республике проживало 11 – 13 тыс. чел.¹.

Если же сравнивать численность бурят в период между всеобщими переписями населения 1897 г. и 1926 г., то отрицательная динамика выражена еще более явственно. Так, В.И. Убугунэ оценивал сокращение бурятского населения на 21,5 тыс. чел. [9, с. 70], Л. Ескевич – на 55,9 тыс. чел. [5, с. 22]. Исследователи отмечали различные причины неблагоприятной демографической ситуации в среде бурят, суммируя которые можно выделить следующие: последствия мировой и гражданской войн, ассимиляцию (обрусение), эмиграцию бурят в Монголию и Китай, высокую смертность, особенно среди детей (в 1925 г. на 100 родившихся детей приходилось 12,7 умерших [9, с. 60]), обусловленную неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой, широким распространением социальных болезней и несбалансированным рационом питания.

Изменилась половая структура бурятского населения. Хотя по переписи 1926 г. общее соотношение полового состава осталось неизменным – 103 женщины на 100 мужчин (по переписи 1897 г. – 102, 8 женщин на 100 мужчин [10, с. 17]), количество женщин в группе от 30 до 39 лет поднялось до 106 против 98,9 (по переписи 1897 г.), что, по всей вероятности, можно объяснить высокой смертностью молодых мужчин в годы Гражданской войны.

По сравнению с 1923 г. численность городского населения Бурятии увеличилась на 37,8 % (33 071 чел. – в 1923 г., 45 566 чел. – в 1926 г.), что было обусловлено как естественным приростом городского населения, повышением рождаемости, так и возвращением в городские поселения людей, покинувших их в годы войны и интервенции в связи с голодом, закрытием предприятий, участием в военных действиях и т. д.

Основным источником роста населения в 1920-е годы было естественное воспроизводство. Оно отличалось высокими показателями рождаемости. В 1924 г. ее уровень составил 31,6 чел. на 1 000 жителей², в 1927 г. – 34 чел., в 1929 г. – 42,8³. Однако повышение рождаемости и некоторое улучшение демографических показателей не могли полностью компенсировать людские потери начала XX в., а главное – не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов, поскольку высокой оставалась смертность, особенно детская. По переписи 1897 г. дети до 5 лет включительно составляли у бурят Забайкальской области 14,8 % ко всему населению, в 1926 г. – всего 11,9 [5, с. 31]. Материалы выборочного обследования статистического управления республики в 1926 г. показали исключительно высокий уровень смертности детей по аймакам: самый низкий уровень наблюдался в Троицкосавском и составлял на 1 000 человек 15,2; очень высокие показатели

---

¹ Статистико-экономический очерк Бурят-Монгольской АССР // Жизнь Бурятии. – 1931. – № 1–2. – С. 19.

² ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 46. Л. 19.

³ ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1093. Л. 22–55.

были зарегистрированы в Тункинском – 40,3 и Хоринском – 47,9 человека [11, с. 21]. В 1927 г. общий уровень смертности по республике составил 15,9 чел. на 1 000 жителей, в 1929 г. – 16,8 чел.¹.

Таким образом, неблагоприятная демографическая ситуация в составе бурятского населения, сложившаяся в начале XX в., еще более усугубилась в результате Первой мировой и Гражданской войн. Увеличилась эмиграционная подвижность бурят, произошло замедление темпов естественного прироста населения, снизилась рождаемость, повысилась смертность, нарушилось соотношение полов в пользу женщин. После окончания гражданской войны основным источником роста бурятского населения являлось естественное воспроизводство, которое по-прежнему отличалось высокой рождаемостью и высоким уровнем смертности, особенно детской.

Литература:

1. Козьмин Н.Н. Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. – Верхнеудинск, 1924. – 33 с.
2. Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII – XX вв.: колебания численности и их причины. – Новосибирск, 1998. – 55 с.
3. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 т. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 2. – 495 с.
4. Курас Л.В. У истоков бурятской государственности // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 2 (10). – С. 18–35.
5. Ескевич Л. Некоторые выводы о динамике бурятской народности // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 11–12. – С. 22–31.
6. Чураев А. Население Восточной Сибири. – Москва; Иркутск: ОГИЗ, 1933. – 76 с.
7. Курас Л.В. О переходе бурят в Монголию // Байкал. – 1991. – № 5. – С. 128–130.
8. Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская АССР. Географический и хозяйственный очерк. – Верхнеудинск, 1928. – 70 с.
9. Убугунэ В.И. К вопросу о естественном движении бурят-монгольского населения // Бурятияведение. – 1930. – № 3-4 (11–12). – С. 57–70.
10. Серебеников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. – Верхнеудинск, 1925. – Т. 1. – 226 с.
11. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.

---

¹ ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1649. Л. 38; Д. 1245. Л. 239.

УДК 94(47)

Комлева Евгения Владиславовна,

канд. ист. наук,

Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
feodal@history.nsc.ru

Сибирское купечество в годы военных конфликтов (XIX – начало XX в.)

Аннотация: В статье на основе справочных изданий по истории купечества Сибири и Дальнего Востока рассмотрен вклад представителей этого слоя общества в отражение угрозы безопасности страны и в преодоление трудностей, вызванных участием России в военных конфликтах и затяжных войнах на протяжении XIX – начала XX в. Характеризуются различные виды благотворительных взносов купцов на нужды армии и пострадавших от войны сограждан. Констатируется, что именно из купеческой среды делались наиболее крупные пожертвования, причем чем сильнее была военная угроза, тем больше наблюдалось случаев благотворительности и тем значительнее становились делавшиеся взносы. Отмечается роль государства в стимулировании благотворительности, выражавшаяся в организации сбора частных пожертвований и поощрении наиболее отличившихся жертвователей. Освещена роль купечества в деятельности различных благотворительных организаций, создававшихся как по инициативе властей, так и наиболее активной части населения для помощи воинам и членам их семей. Благодаря созданию таких организаций и в целом росту благотворительного движения во второй половине XIX в. возможность активно участвовать в общественной жизни получили не только мужчины, но и женщины. Рассмотрен вклад купцов в работу различных структур, созданных для координации снабжения армии в годы Первой мировой войны, а также комитетов по оказанию помощи беженцам. Выявлены случаи личного участия представителей купечества в боевых действиях. Отдельное внимание уделено влиянию войны на предпринимательство и торговлю сибирских купцов. Показано, что в военное время часть купцов несла убытки от падения потребительского спроса и обусловленной военным временем экономической политики правительства, однако многим промышленникам и торговцам удавалось удачно вписаться в новые условия и многократно увеличить прибыль на поставках в армию боеприпасов, обмундирования и продовольствия.

Ключевые слова: Сибирь, купечество, военные конфликты, благотворительность, торговля и предпринимательство.

Военные потрясения, которых немало выпало на долю России в XIX – начале XX в., не только переворачивали до основания жизнь населения на

территориях, близких к театру военных действий, но и эхом отдавались в самых отдаленных районах страны. С одной стороны, в тяжелое время с особенной силой проявлялась консолидация всех слоев общества, с другой, война неизменно сказывалась на укладе быта и хозяйства населения, в том числе тех людей, которые были заняты в производстве и перераспределении продуктов питания и промышленных товаров. В данной статье рассмотрено влияние различных военных конфликтов XIX – начала XX в. на настроения, жизнь и хозяйственную деятельность самой состоятельной части населения Сибири – местного купечества.

Сибирское купечество, будучи немногочисленным (в конце XVIII в. купцы составляли около 0,4 %, через сто лет – 1,2 % от всего населения региона) и вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. освобожденным от рекрутских наборов, при возникновении военной угрозы стране проявляло себя, прежде всего, щедрыми материальными пожертвованиями на нужды действующей армии и пострадавших от войны сограждан. Именно из купеческой среды поступали самые значительные в Сибири взносы на расходы, связанные с началом военных действий. Так, во время Отечественной войны 1812 г. отличился енисейский купец З.К. Толстых (внес 1 тыс. руб., что составляло более 1/10 части его капитала) [1, с. 321], семипалатинский Д.А. Кузнецов (700 р.) [2, с. 384], красноярский М.И. Коростелев (650 р.) [3, с. 357]. Самый же крупный в Сибири взнос – 5 тыс. р. – принадлежал тарскому богачу, кожевенному заводчику и коммерции советнику Ивану Федоровичу Нерпину [4, с. 89]. В годы Крымской войны крупное пожертвование (1 тыс. р.) в фонд помощи воинов-инвалидов сделал тарский купец И.Е. Щербаков [5, с. 439], во время Русско-турецкой войны 1878–1879 гг. – ок. 1900 р. на нужды армии пожертвовал тюменский купец П.И. Подаруев [6, с. 165]. Среди наиболее щедрых благотворителей периода Русско-японской войны можно назвать бийского купца М.С. Сычева, который выделил 2 тыс. р. на укрепление флота, 1 тыс. р. – на пособия солдатским женам, а кроме того на свои средства оборудовал вагон-склад Российского Красного Креста [7, с. 302]. В Первую мировую войну жертвования в размере 10 тыс. р. сделали иркутяне Н.Т. Зверев [8, с. 246] и братья И.Е. и С.Е. Замятины [9, с. 242].

Кроме денежных взносов сибирские купцы охотно жертвовали в пользу воинов и их семей теплую одежду, различные предметы обихода, продукты питания. Особенно это стало заметно с середины XIX в., когда многие благотворители считали необходимым оказывать не только денежное, но и вещественное содействие армии. Например, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. П.И. Подаруев, помимо крупного денежного взноса в пользу действующей армии, передал на 140 руб. чая в качестве помощи сербам [6, с. 165], иркутский купец М.В. Михеев выделил книги «в пособие раненым воинам» [10, с. 54].

Надо сказать, что государство, заинтересованное в пополнении казны за счет частных средств, стремилось содействовать росту благотворительности

на военные нужды. Прежде всего, это проявлялось в организации общегосударственных кампаний по целевому сбору пожертвований. Подобные мероприятия проводились и в XVIII в. и были связаны не только с вступлением России в войну, но и с возникновением чрезвычайных ситуаций в мирное время: пожаров, наводнений, неурожая и других бедствий, когда каждый желающий мог внести свою лепту на помощь нуждавшимся. В органах городского самоуправления составлялись списки жертвователей с указанием звания и внесенной суммы – иногда только благодаря таким перечням удается выяснить сословную принадлежность того или иного человека. Сохранившаяся документация Красноярской городской думы показывает, что наибольшее число желающих сделать пожертвования приходилось как раз на годы военных конфликтов: так, при сборе пожертвований в пользу погорельцев Бухареста в 1847–1848 гг. не удалось собрать ни рубля¹, в 1850 г. лишь один человек внес 2 р. в пользу пострадавших в войне с Венгрией сербов², и совсем по-иному дело обстояло в 1807 и 1812 г., когда на призыв властей откликнулись не только обладатели капиталов, но и большинство менее обеспеченных горожан и сельских жителей. В 1807 г. из числа красноярских купцов и их семей в акции по сбору средств приняли участие 36 человек, собравших 8930 руб., а в 1812 г. – 14 человек, внесших 3675 руб.³ Список жертвователей на военные нужды в 1812 г. в Енисейске включал 29 купцов⁴. Впрочем, знаток истории сибирского купечества В.Б. Бойко отмечает, что в Сибири патриотический подъем в годы Отечественной войны был несравненно слабее по сравнению с европейской частью страны, и большинство жертвователей были не купцами, а чиновниками [11, с. 389].

Еще одной мерой по стимулированию благотворительности можно назвать поощрения особо отличившихся жертвователей: награждения их похвальными листами и памятными медалями, что, конечно, не могло не сказаться на репутации их обладателей в глазах сограждан. Выше упоминавшиеся сибирские купцы З.К. Толстых и И.Ф. Нерпин были удостоены в 1814 г. бронзовых медалей на Аннинской ленте. Вклад И.Е. Щербакова во время Крымской кампании был отмечен благодарностью генерал-губернатора Западной Сибири в 1854 г. [5, с. 439]. За сделанные во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пожертвования иркутский купец А.К. Сибиряков получил императорское благословение [12, с. 258], томич Ф.Х. Пушников [13, с. 194] и кяхтинец М.О. Осокин [14, с. 126] – почетные знаки Красного Креста.

Со второй половины XIX в. значительный поток частных пожертвований стал проходить уже не через органы городского самоуправления, а через

---

¹ ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 936. Л. 12. Д. 975. Л. 7–8 об.; Д. 977. Л. 42–43 об.

² ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1105. Л. 9.

³ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–7 об., 24–24 об.

⁴ ИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 17–18.

различные общественные благотворительные организации, создание которых инициировалось как властями, так и наиболее активной частью населения. Если в середине XIX в. по всей Сибири насчитывалось 11 благотворительных обществ различной направленности, то в 1890-х гг. их число возросло до 155 [15, с. 28]. Широкую известность приобрел созданный с началом Первой мировой войны Сибиритет – Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, руководителями и членами которого в разные годы были такие видные сибирские купцы, как енисейский купец С.В. Востротин, томский купец В.П. Выгнов и др. В разных городах действовали также отделения Российского общества Красного Креста, созданного в 1867 г. как Общество попечения о раненых и больных воинах и переименованного в 1879 г., попечительства по призрению семейств нижних и запасных чинов, призванных на военную службу. В состав такого попечительства в Верхнеудинске вошли крупнейшие местные купцы А.К. Кобылкин, П.Т. Трутнев, К.Х. Фаткулин, М.А. Родовский [16, с. 141].

Особенной активностью отличалось действовавшее в Омске Акмолинское Степное попечительство о вдовах и сиротах погибших воинов, призванных от населения Степного края на войну на Дальнем Востоке. Попечительство регулярно организовывало сбор денежных средств по подписным книжкам, устраивало благотворительные литературно-музыкальные вечера и другие акции, в которых принимали участие не только жители Омска, но и других городов. Проводившиеся мероприятия пользовались неизменным успехом и, несмотря на то, что многие горожане зачастую жертвовали не особенно значительные суммы (от 3 до 100 р.), благодаря многочисленности желающих поучаствовать в благородных начинаниях организаторам удавалось собирать приличные средства. Одно из самых крупных пожертвований в фонд Попечительства сделала известная омская купчиха Мария Александровна Шанина: кроме взноса в 300 р., она выделила в 1904 г. 100 пакетов игл, 100 метров ниток, 50 дюжин пуговиц на устройство благотворительного литературно-музыкального вечера, в 1905 г. – материал на 14 зимних пальто для бедных солдатских детей, обучавшихся в Омском механико-техническом училище и ремесленной школе [17, с. 407].

Благодаря созданию благотворительных организаций и в целом росту благотворительного движения возможность активно участвовать в общественной жизни получили представительницы прекрасного пола, проявлявшие себя, в том числе, и в деле преодоления трудностей, вызванных условиями военного времени. Известностью пользовались инициативы Томского дамского комитета по оказанию помощи семьям мобилизованных на Русско-японскую войну, в работе которого активное участие принимали жены купцов А.Е. и И.Е. Кухтериных [18, с. 408]. В Дамский комитет Красноярска, образованный в феврале 1904 г., входили Е.П. Кузнецова, В.Н. Гадалова, Л.К. Гудкова, А.А. Кускова [19, с. 131]. Супруга омского купца Н.Н. Машинского Елена Константиновна устроила на свои средства «питательный пункт для больных и раненых нижних чинов, возвращающихся

с Дальнего Востока» и ежедневно приезжала на вокзал, «чтобы лично распорядиться раздачей пищи и необходимых предметов солдатского довольствия» [20, с. 33]. Вклад жены бийского купца Н.И. Асанова в пользу раненых воинов во время Русско-японской войны был отмечен медалью Красного Креста [21, с. 28].

В годы Первой мировой войны представители сибирского купечества входили также в структуры, созданные для координации снабжения армии: председателями городских и губернских военно-промышленных комитетов стали канский купец П.И. Гадалов, тарский К.С. Ярков, омский И.Е. Терехов, новониколаевский Н.А. Туркин. В Сибири через ВПК проходила большая часть заказов Главного интендантского управления на кожевенные изделия [22, с. 163]. Енисейский купец С.В. Востротин, неоднократно посещавший действующую армию, вошел в Центральный ВПК и Главный комитет Всероссийского союза городов [23, с. 140]. Членами Новониколаевского отдела Всероссийского Союза городов, организовывавшего снабжение армии продовольствием, одеждой и обувью, стали местные предприниматели Н.А. Туркин, И.К. Пименов, В.И. Жернаков [24, с. 182]. Во главе созданного якутским купечеством в 1915 г. комитета по снабжению теплой одеждой русской армии встал городской голова П.А. Юшманов, а его членами стали другие крупные купцы – П.А. Кушнарев и Г.В. Никифоров [25, с. 54].

Другим видом общественных учреждений, возникших в начале XX в., были комитеты по оказанию помощи беженцам, наплыв которых Сибирь испытала в годы Первой мировой войны. Как и в других случаях, купцы (например, томич А.Е. Кухтерин) становятся активными участниками этих комитетов, призванных помогать прибывшим решать насущные проблемы по обустройству на новом месте. Актуальность приобрели и организации по увековечению памяти погибших, некоторые из которых возникали по инициативе купцов, как, например, Новониколаевское общество увековечивания памяти героев Великой мировой войны, одним из учредителей которого стал местный купец Ф.Д. Маштак [26, с. 25].

К проявлениям личной инициативы отдельными купцами можно отнести решение енисейского и минусинского предпринимателя В.А. Данилова выплачивать в полном размере жалование семьям рабочих и служащих своего винокурного завода, отозванных на Русско-японскую войну [27, с. 187], а также предоставление беспроцентного кредита для закупок продовольствия для бедных горожан томским купцом А.Е. Кухтериним в годы Первой мировой войны [18, с. 408].

По материалам справочных изданий по истории купечества Сибири и Дальнего Востока удалось выявить несколько случаев, когда выходцы из сибирских купеческих семей лично участвовали в военных действиях начала XX в. Так, когда в июле 1900 г. Благовещенск оказался на осадном положении в связи с вспыхнувшим вооруженным конфликтом между Россией и Китаем, в созданное для обороны города народное ополчение

вошли, в том числе, и представители местного купечества: И.Г. и В.Е. Косицыны, А.И., И.И. и П.И. Медяньские, С.С. Шадрин, Н.В. и И.В. Алексеевы [28, с. 510; 29, с. 121]. Иркутский купец, потомственный почетный гражданин Василий Андреевич Белоголовый во время Русско-японской войны служил санитаром в действующей армии и за проявленное мужество удостоился Георгиевского креста; другой представитель этого рода – Сила Васильевич, как и В.А. Белоголовый, добровольно поступивший в годы Русско-японской войны в санитары и за храбрость награжденный медалью, во время Первой мировой служил добровольцем в разведочной команде одного из Сибирских полков, был удостоен Георгиевскими крестами 1, 2, 3 и 4 степеней и представлен к производству в прапорщики [30, с. 70–71]. Тюменский купеческий сын Виктор Иванович Колокольников, работавший помощником в семейной фирме, в 1903 г. добровольцем ушел в армию, а с началом Русско-японской войны в 1904 г. в звании унтер-офицера был отправлен на фронт в Манчжурию, ранен под Ляояном, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени [31, с. 331]. Один из сыновей киренского, верхоленского и канского купца Я.М. Костромитинова погиб в Первую мировую войну в Польше [32, с. 360]. Хабаровский купец И.М. Кабатов в 1916–1918 гг. служил штабным писарем в ополченческой бригаде [33, с. 43].

Говоря об участии сибирских купцов в общенациональном деле по отражению военной опасности, нельзя не остановиться и на такой стороне этого вопроса, как их хозяйственная деятельность – ведь военные потрясения оказывали сильное влияние на состояние купеческих торговых заведений и промышленных предприятий, а особенно тяжелые и затяжные военные конфликты требовали коренной перестройки экономики. Особенно остро это почувствовалось в годы Первой мировой войны, когда многие крупные частные предприятия обрабатывающей промышленности перешли на выпуск боеприпасов и военной техники, резко выросли обороты торговых заведений, появились новые отрасли промышленности, стало набирать силу кооперативное движение – один из главных поставщиков продовольствия для действующей армии. К 1917 г. в Сибири насчитывалось 933 предприятия, работавших на оборону (около 18 % от числа таких предприятий по всей России) [24, с. 157]. По данным специалистов, на период Первой мировой приходится также рост влияния иностранного капитала (особенно американского): в 1914–1916 гг. ввоз товаров из США на Дальний Восток и в Сибирь вырос более чем в 100 раз – с 1 050 тыс. до 124 317 тыс. р., причем в импорте преобладала уже не сельскохозяйственная техника, а мануфактура и галантерея [34, с. 102].

На этой волне многим сибирским купцам удалось нарастить обороты, резко увеличить прибыль. К успешным промышленникам относились барнаульские предприниматели Д.Я. Алейников и Н.Д. Аверин, которые в 1915 г. открыли механический и чугунолитейный завод, работавший на нужды обороны [35, с. 17]. Еще одно расположенное в Барнауле крупное предприятие – металлообрабатывающий завод – принадлежал Антроповым,

которые в 1916 г. занимались поставками на фронт снарядов [36, с. 25]. На оборону работали механические заводы нижеудинского купца П.К. Щелкунова [37, с. 437], омского предпринимателя С.Х. Рандрупа (он выполнил военных заказов на 110 тыс. р.) [38, с. 200], предприятия Кухтериных, на которых выпускались мины и гранаты [18, с. 407]. Н.А. Второв создал концерн, объединивший предприятия мануфактурной, химической, цементной, металлургической, машиностроительной, каменноугольной промышленности, он же выступил организатором акционерного общества «Поставщик», специализировавшегося на выполнении заказов военного ведомства [39, с. 142]. Крупнейшим капиталистом России времен Первой мировой войны, владевшим керосиновыми предприятиями в Западной Сибири, был основанный в Казани торговый дом елабужского купца И.Г. Стахеева [40, с. 286]. Монополистом в угольной промышленности Западной Сибири стало учрежденное в 1912 г. акционерное общество Кузнецких каменноугольных копий. Кроме поставок угля на уральские заводы и разведки железорудных месторождений «Копикуз», получив в годы войны крупные заказы на поставку бензола, толуола и рельсов, занялся строительством коксохимического и металлургического заводов в Кузбассе [41, с. 189–190].

Не бедствовали и те, кто решил заняться поставками в армию обмундирования, лошадей, товаров первой необходимости. Например, на поставках лошадей в армию во время Русско-японской войны удалось разбогатеть томскому купцу М.-К. А. Хамитову [42, с. 371]. В годы Первой мировой войны на нужды обороны работали кожевенные заводы Г.А. Минского в Ачинске, омского купца В.Д. Кузнецова, льноткацкая фабрика бийских промышленников А.Д. и Н.Д. Бородиных, кожевенные предприятия тарского и омского купца Н.Н. Машинского (на одном из них в 1916 г. ежемесячно производилось до 2 тыс. пар сапог) [20, с. 33]. На армию работал кожевенный и мыловаренный завод мариинской купчихи Б.Х. Гуревич [43, с. 180]. Тарский купец Н.В. Шанский занимался заготовкой дров для отопления войск Омского гарнизона в годы Первой мировой войны, при этом он использовал труд нескольких сотен военнопленных [44, с. 408].

Торговцы продовольствием богатели как за счет повышения цен, так и за счет заключения выгодных договоров с военным ведомством на снабжение армии. Во время Русско-японской войны в гору пошли дела канского купца К.М. Чевелева, торговавшего, в том числе, и хлебом [45, с. 387]. В 1914–1916 гг. за счет торговли увеличить состояние удалось новониколаевскому купцу Ф.Д. Маштакову [26, с. 35], тюменскому купцу В.Л. Жернакову [46, с. 228–229], омской купчихе М.А. Шаниной [17, с. 407], томским купцам Кузнецовым [47, с. 384], ялуторовским купцам Гусевым [48, с. 182]. Примером крупного военного подряда может служить полученный Курганским консервным заводом заказ от интендантства на изготовление 17 млн банок консервов, 650 тыс. бидонов топленого масла, 350 тыс. бидонов солонины [49, с. 404].

Выполнение важных военных заказов и имевших стратегическое значение работ поощрялось, как и в случае благотворительных пожертвований, различными наградами. Например, золотые часы и звание потомственного почетного гражданина получил иркутский купец 1-й гильдии Д.М. Кузнец, который в январе-феврале 1904 г., согласно договору с начальником Забайкальской железной дороги, успешно выполнил подряд по прокладке железнодорожного пути по льду Байкала от ст. Байкал до ст. Танхой [50, с. 381].

Однако далеко не всем купцам удавалось занять нужную хозяйственную нишу – для бизнеса многих из них война становилась тяжелым испытанием. Например, не выдержал падения спроса на текстиль организованный накануне Первой мировой войны торговый дом барнаульского купца А.И. Полякова, который в 1914 г. был объявлен несостоятельным должником [51, с. 173]. С 1914 по 1917 г. примерно в 2 раза сократились объемы торговли тарского купца Я.В. Орлова [52, с. 123]. Енисейской купчихе В.А. Баландиной в 1916 г. в связи с реквизициями на войну пришлось приостановить начатое в 1912 г. строительство своего, по ее выражению, «несчастливого детища» – Ачинско-Минусинской железной дороги [53, с. 47]. Политическая напряженность и, тем более, начало военных действий, не могли не сказываться и на состоянии дел иностранных компаний и совместных предприятий – свернуть свою деятельность в России пришлось австрийской фирме «Турн-и-Таксис и доктор Жаннэ», в 1913 г. получившей концессию на добычу цветных металлов в Алтайском округе [54, с. 338]. В 1914 г. резко пошатнулось положение немецкой фирмы «Кунст и Альберс», основанной во Владивостоке еще в 1864 г.: руководители ее хабаровского и николаевского отделений К. Штейнберг и Г. Кетельс были арестованы по обвинению в шпионаже и сосланы в Киренск [33, с. 27–28]. Война также ударила по крупнейшему русскому акционерному обществу в Монголии – монополисту в золотопромышленности Внутренней Монголии в начале XX в. – Монголору [55, с. 339]. Во время Русско-японской войны убытки понес образованный в 1895 г. Русско-китайский банк [56, с. 225].

Подводя итоги, можно констатировать, что сибирские купцы никогда не оставались в стороне при отражении угрожавшей стране военной опасности – их вклад в общее дело выражался, прежде всего, в денежных и вещественных пожертвованиях в пользу действующей армии и пострадавших от войны сограждан. Из купеческой среды делались наиболее крупные в Сибири пожертвования, причем чем сильнее была военная угроза, тем больше наблюдалось случаев благотворительности и тем значительнее становились делавшиеся взносы. Со второй половины XIX в. купцы уже не только вносили средства на военные нужды, но и оказывали организационную помощь при проведении благотворительных акций. Большую роль при этом играли создававшиеся по всей стране специальные благотворительные общества и общественные организации. На протяжении всего рассматриваемого периода государство стремилось поощрять частную инициативу, устраивая организованные сборы средств, а также отмечая особо отличившихся жертвователей. Наконец, влияние войны на купеческий бизнес не было

однозначным: часть купцов несла убытки от падения потребительского спроса и обусловленной военным временем экономической политики правительства, однако многим промышленникам и торговцам удавалось удачно вписаться в новые условия и многократно увеличить прибыль на поставках в армию боеприпасов, обмундирования и продовольствия. При этом власти стремились поддерживать особенно нужную в военные годы инициативу в экономической сфере.

Литература

1. Комлева Е.В., Ноздрин Г.А. Толстых Захар Константинович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 321.
2. Ноздрин Г.А. Кузнецов Дмитрий Андреевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 384.
3. Комлева Е.В. Коростелевы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 357–358.
4. Жиров А.А., Зуева Е.В., Резун Д.Я. Нерпины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 88–89.
5. Башкатова З.В., Гончаров Ю.М., Жиров А.А., Киселев А.Г., Корсакова М.И. Щербаковы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 438–439.
6. Башкатова З.В., Ноздрин Г.А. Подаруевы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 164–165.
7. Старцев А.В., Кириллов В.В., Киселев А.К. Сычевы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 301–302.
8. Гаврилова Н.И. Зверев Н.Т. – иркутский предприниматель // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 246.
9. Гаврилова Н.И., Зимица В.Ю. Замятины – иркутские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 242–243.
10. Разгон В.Н., Зуева Е.А., Гаврилова Н.И. Михеев Михаил Васильевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 54.
11. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007.
12. Гаврилова Н.И., Резун Д.Я. Сибиряковы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 257–260.
13. Дмитриенко Н.М. Пушников Федор Харлампиевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 194.
14. Жиров А.А. Осокин Михаил Онуфриевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 126–127.
15. Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.

16. Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э. Купечество – Верхнеудинск-Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2007.
17. Киселев А.Г. Шанина Мария Александровна // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 406–408.
18. Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Кухтерины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 406–409.
19. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX в.). Красноярск, 1995.
20. Жиров А.А., Киселев А.Г. Машинские // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 32–34.
21. Старцев А.В. Ассановы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 27–28.
22. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001.
23. Погребняк А.И., Зиновьев В.П. Востротины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. 138–140.
24. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. Т. I.
25. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995.
26. Гончаров Ю.М., Киселев А.Г., Ноздрин Г.А., Скубневский В.А. Маштаковы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 34–35.
27. Погребняк А.И., Комлева Е.В. Даниловы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 185–187.
28. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX в.). Благовещенск-Амуре, 2013. Т. 1.
29. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX в.). Благовещенск-Амуре, 2013. Т. 2.
30. Гаврилова Н.И., Матханова Н.П., Зуева Е.А., Зимина В.Ю., Жиров А.А. Белоголовые // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 69–71.
31. Ноздрин Г.А., Киселев А.Г., Ваганов А.С. Колокольниковы – династия тюменских купцов // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 330–331.
32. Гаврилова Н.И. Костромитинов Яков Матвеевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 360.
33. Бурилова М. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах. Хабаровск, 1999.
34. Горюшкин Л.М. Новониколаевск // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 101–103.
35. Скубневский В.А. «Алейников Д.Я. и Аверин Н.Д.» // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 17.

36. Скубневский В.А. Антроповы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 25.
37. Скубневский В.А. Щелкунов Петр Карпович // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 436–437.
38. Ваганов А.С., Киселев А.Г. Рандрупп Серен Христианович // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 200–201.
39. Зуев А.С., Андрющенко Б.К. Второвы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 141–142.
40. Разумов О.Н. «Стахеев И.Г.» // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 286.
41. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975.
42. Зиновьев В.П. Хамитов Мухамет-Карым Аминович // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 371.
43. Скубневский В.А. Гуревич Б.Х. // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 180.
44. Жиров А.А., Киселев А.Г., Меньшиков В.Н. Шанские // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 408.
45. Киселев А.Г. Чевелевы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 387–388.
46. Ваганов А.С., Киселев А.Г., Скубневский В.А. Жернаков Василий Лаврович // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 228–229.
47. Киселев А.Г., Скубневский В.А. «Кузнецов Василий Дмитриевич с братьями» // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 383–384.
48. Скубневский В.А. Гусевы – ялutorовские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 182.
49. Скубневский В.А. «Курганского консервного завода акционерное общество» // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 404.
50. Гаврилова Н.И., Зуев А.С. Кузнец Д.М. // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 381–382.
51. Гончаров Ю.М., Скубневский В.А. Поляковы – барнаульские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 172–173.
52. Жиров А.А. Орлов Яков Васильевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 123–124.
53. Погребняк А.И., Комлева Е.В. Баландины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 45–47.
54. Скубневский В.А. «Турн-и-Таксис и доктор Жаннэ» // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 337–338.
55. Зиновьев В.П. «Тушетухановского и Цэцэнхановского аймаков в Монголии акционерное общество рудного дела» (Монголор) // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 339.
56. Скубневский В.А. Русско-китайский банк // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 225.

УДК 947

Афанасьев Павел Алексеевич,
канд. ист. наук, доц.
Алтайская государственная
педагогическая академия (г. Барнаул),
pavel_afanasev@mail.ru

Кабинет его императорского величества и Алтайский округ в годы Первой мировой войны *

Аннотация: В статье характеризуется политика Кабинета его императорского величества в отношении Алтайского округа в период Первой мировой войны. Автор показывает, что к началу войны у руководителя ведомства Е.Н. Волкова сложилась восторженная оценка состояния кабинетского сегмента в регионе. В сочетании с завершившимся землеустройством к лету 1914 г. Алтайский округ подошел к давно ожидавшемуся рубежу, позволявшему сосредоточить усилия руководства на развитии исключительно кабинетского хозяйства. По мнению автора, именно сформировавшиеся к началу войны перспективы определяли политику руководства Кабинета в отношении Алтая. Трудности, вызванные военным временем, не привели к существенной корректировке перспектив развития округа. Основное положение статьи заключается в том, что в годы Первой мировой войны зарождается тенденция снижения качества управления округом. Автор отмечает, что в годы войны усиливались разногласия Е.Н. Волкова и начальника округа В.П. Михайлова. Руководитель региона не поддерживал восторженных ожиданий своего начальника, более трезво оценивая ситуацию в округе. Автор приходит к выводу, что управленческие разногласия к 1916 г. лишь укрепили расхождение реальной оценки и перспектив развития Алтайского округа. Е.Н. Волков в оценке состояния Алтайского округа исходил из представлений о поступательной динамике его развития. Подобное представление полностью воплотилось в ходе его поездки на Алтай осенью 1916 г. Однако расхождение перспективных планов и текущих задач вело лишь к внешнему благополучию. В итоге, автор полагает, что отмеченные управленческие тенденции, развивавшиеся в отношениях Кабинета и Алтайского округа, послужили одним из факторов быстрой деградации кабинетского хозяйства, произошедшей в течение первых революционных месяцев 1917 г.

Ключевые слова: Кабинет его императорского величества, Алтайский округ, Е.Н. Волков, В.П. Михайлов, управление.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края, проект № 13-11-22007а(р)

Первая мировая война затронула все сферы жизни России, не обойдя стороной и императорский двор. Как свидетельствует новейшее исследование И.В. Зимина, для его заграничных финансовых активов в 1913–1914 гг. были созданы безопасные условия [1, с. 360–362]. Однако собственные внутригосударственные источники доходов Министерства императорского двора не готовились заблаговременно к условиям военного времени. Кабинет его императорского величества (далее – Кабинет), осуществлявший хозяйственно-финансовые операции Министерства двора, вряд ли всерьез задумывался о том, что война может напрямую затронуть его наиболее важный источник доходов – Алтайский округ в Западной Сибири.

В исторической литературе, несмотря на повышенный в последнее время интерес к различным отраслям хозяйства Кабинета на Алтае в начале XX в., развитие региона в период Первой мировой войны историки обходили своим вниманием. Начиная с монографии Г.П. Жидкова, в исследованиях закрепился подход, в рамках которого большинство авторов завершают анализ ведомственного хозяйства ситуацией 1911–1912 гг., когда после административной реформы были заложены новые условия для поступательного развития лесной и земельной отраслей, а в обществе началась жесткая критика кабинетской политики на Алтае [2, с. 230–236]. Единичные публикации рассматривают развитие этих двух направлений вплоть до 1914 г., но без дальнейшего выхода на военный период. Военные годы как самостоятельный этап развития не обособляются и в одной из последних обобщающих работ о кабинетском хозяйстве на Алтае. Ее авторы, выделяя интенсификацию как главный вектор развития окружного хозяйства Кабинета в 1907–1917 гг., не останавливаются на корректировке этого курса под влиянием условий военного времени [3, с. 237–242]. Единичные публикации раскрывают лишь отдельные сюжеты взаимоотношений кабинетских и окружных властей. Из отраслей кабинетского хозяйства только в отношении его ведущей отрасли – лесного хозяйства – публикации Т.Н. Соболевой, М.О. Тяпкина и Е.А. Карпенко сформировали представление о пагубном влиянии на него военного периода [4, с. 263–264; 5, с. 104–106, 189–190; 6, с. 178–180]. Вместе с тем, независимо от исследования кабинетского сектора Алтайского округа, существует множество работ, в которых авторы в пределах Алтайского округа рассмотрели развитие в годы Первой мировой войны промышленности, железнодорожного строительства, сельского хозяйства, деятельности акционерного капитала (Л.М. Горюшкин, А.А. Лукин, О.Н. Разумов, Т.И. Андреева и др.). Состояние различных сторон жизни Алтайского округа в некабинетском секторе получило обобщение в публикации И.А. Еремина и Т.А. Кижасовой [7]. Разрозненный характер имеющихся работ не дает представлений о позиционировании Кабинетом развития Алтайского округа в условиях войны. Поэтому настоящая публикация ставит целью выделить основные тенденции, формировавшие представления кабинетского руководства о векторах развития региона в военный период вплоть до ликвидации кабинетского ведомства весной 1917 г.

Высшее руководство Кабинета в годы Первой мировой войны не претерпело изменений. Во главе ведомства по-прежнему находился Е.Н. Волков, фактически начавший руководить хозяйственной политикой Кабинета в Алтайском округе в 1907 г. В начале 1910-х гг. произошла смена ученого лесничего Кабинета. Занимавший долгое время эту должность Р.Н. Тонков в конце 1911 г. вышел в отставку, и его фактически сменил Б.В. Имшенецкий¹. Однако смена лица, курировавшего научно-практическое изучение лесного дела в Алтайском округе, не нарушила этой деятельности, поскольку Р.Н. Тонков в 1912–1913 гг. привлекался Кабинетом к анализу наиболее важных результатов исследований лесного хозяйства округа². Стабильный состав и преемственность в высшем руководстве Кабинета являлись одним из условий защиты хозяйственного курса ведомства от резких колебаний.

Позиция Е.Н. Волкова как управляющего Кабинетом к 1914 г. была очень прочной. Уже в 1913 г. он был весьма доволен результатами начатой им в 1907 г. политики развития лесной отрасли и увеличения доходов Алтайского округа. Свидетельством этого стало посещение Е.Н. Волковым Алтайского округа в августе 1913 г. Поездка пришлась на переломное для алтайского кабинетского хозяйства время, связанное с только что завершившимся противостоянием общественности земельной политике Кабинета и «умиротворением» крестьян наиболее беспокойного села Мормыши и его соседей. В отчете о своей поездке в регион управляющий Кабинетом основное внимание уделил восторженной оценке реализации своих прежних предложений. Фиксируя количественными показателями «успех проводимых мною реформ», Е.Н. Волков пришел к выводу, что «сравнение состояния хозяйства округа в 1907 и 1913 гг. дает настолько поразительные результаты, что их нет надобности комментировать»³. Скорее всего, отчет о поездке Е.Н. Волкова должен был способствовать дальнейшему укреплению авторитета управляющего Кабинетом. Вместе с тем, ведущим показателем восторженной оценки стали «небывалые в жизни Алтая финансовые результаты». Цифры официальных отчетов демонстрировали стабильный рост чистой прибыли лесных доходов Алтайского округа, достигших к 1913 г. суммы 913 тыс. руб. Кроме того, 1912 и 1913 гг. отличались небывалым ростом чистого дохода всего окружного хозяйства, который впервые за период руководства Е.Н. Волкова превысил 1 млн. руб.⁴ [8, с. 82, 87].

Финансовые показатели свидетельствовали об успехе проводимой Кабинетом политики в округе, направленной на увеличение его доходности. Поэтому уже в сентябре 1913 г. начальник округа В.П. Михайлов был командирован в Нерчинский округ с целью внедрить в Забайкалье алтайскую

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 25. Д. 335. Л. 3.

² Там же. Д. 361. Л. 161 об.

³ Там же. Оп. 28. Д. 228. Л. 4, 5 об.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 28. Д. 228. Л. 5.

систему хозяйствования, охарактеризованную Е.Н. Волковым как образцовую¹. Уже в ноябре–декабре 1913 г. В.П. Михайлов обсудил с чиновниками Нерчинского округа первичные мероприятия, необходимые для выравнивания развития двух кабинетских округов Сибири.

Приподнятому настрою управляющего Кабинетом также способствовало завершение в Алтайском округе землеустроительной реформы. В 1913 г. были в основном завершены все землеотводные работы, и летом 1914 г. было официально объявлено об окончании землеустройства в округе. Это событие позволяло кабинетской администрации и чиновникам больше не стесняться социальными последствиями проводимой хозяйственной политики, бывшими в центре критики прессы в 1912 г. Поэтому к лету 1914 г. Алтайский округ подошел к давно ожидавшемуся руководителями ведомства рубежу в хозяйственной политике, после прохождения которого региональное хозяйство Кабинета полностью становилось самостоятельным субъектом, освобождаясь от «нагрузки» в лице населения. Все эти условия, несомненно, способствовали закреплению восторженной оценки Е.Н. Волковым состояния региона. Можно утверждать, что к лету 1914 г. кабинетское хозяйство в Алтайском округе находилось на возрастающем векторе, имея хорошие перспективы в рамках его дальнейшей интенсификации.

Начавшаяся война почти сразу оказала воздействие на Алтайский округ. М.О. Тяпкин показал, что с самого начала войны дала сбой вся созданная по инициативе Е.Н. Волкова система лесоохраны. Призыв на военную службу почти всего контингента лесной стражи в 1914 и 1915 г. вызвал изменение ее социального состава, снижение ее подготовленности и ухудшение всех направлений охраны леса [5, с. 104–105]. Особое значение эти негативные явления приобретали потому, что система лесоохраны являлась краеугольным камнем предложений Е.Н. Волкова, выдвинутых в 1907 г. в числе мероприятий по подъему доходности лесного хозяйства Алтайского округа. Состояние и развитие лесоохраны регулярно отслеживалось в ходе посещений Алтая управляющим Кабинетом или его помощником, а последовательное развитие этого направления давало Е.Н. Волкову возможность по мере роста качества защиты лесов ставить новые перспективные задачи интенсификации и коммерциализации лесного хозяйства. Очередные рубежи, намеченные в 1913 г., были связаны с созданием лесокультурного и лесоинженерного направлений деятельности. Ухудшение лесоохраны в 1914 и 1915 г., выразившееся в росте ущерба от лесных пожаров, все же не изменило намерений Е.Н. Волкова развивать интенсификацию отрасли. Поэтому даже в условиях кадровой нестабильности управляющий Кабинетом продолжал настойчиво требовать от местного руководства создания лесоинженерного и лесокультурного направлений² [6, с. 179].

---

¹ Там же. Оп. 30. Д. 764. Л. 1.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 28. Д. 309. Л. 22.

Негативные тенденции в лесоохране и общие условия военного времени не замедлили сказаться на падении доходности лесного хозяйства и Алтайского округа в целом. 1914 и 1915 гг. дали сокращение чистой прибыли окружного хозяйства почти в три раза до уровня 450–470 тыс. руб. Эти цифры заставили составителей официального отчетного издания о Кабинете признать пагубное влияние войны на округ, наложившееся к тому же на неурожай 1915 г. Но у авторов книги эта отрицательная динамика рассматривалась как проявление временных трудностей военного времени [8, с. 82, 87]. Между тем, война привела в действие все просчеты, заложенные в реформе лесной стражи, пагубность ориентации продажи леса преимущественно населению. Еще до начала войны о подобных недостатках хозяйственной политики руководству Кабинета докладывал начальник округа, но его замечания оставались не услышанными. Война и вызванные ею негативные явления в окружном хозяйстве в определенной степени ставили под сомнение безусловную успешность всей предыдущей деятельности Е.Н. Волкова. Поэтому составители официального издания обошли молчанием взаимосвязь положения хозяйства Кабинета на Алтае с предшествовавшей политикой, не сомневаясь в сохранении поступательного вектора развития лесного хозяйства и округа в целом.

Приведенные факты позволяют выдвинуть тезис, что в период Первой мировой войны началось зарождение тенденции снижения качества управления Алтайским округом. Отчасти это можно проследить со стороны начальника округа. Занимавший эту должность В.П. Михайлов пришел к руководству регионом как член «команды» Е.Н. Волкова в 1910 г. С начала войны до февраля 1915 г. В.П. Михайлов находился в качестве представителя Красного креста в Вильно, поэтому в период вхождения региона в условия военного времени округ управлялся помощником начальника Л.Л. Масловым. Кроме того, ухудшение здоровья В.П. Михайлова уже осенью 1915 г. поставило перед ним перспективу отставки, отсроченной только необходимостью выслуги пенсии. Но уже с марта 1916 г. начальник округа фактически прекратил выполнение своих обязанностей [9, с. 192–194]. На этом фоне в 1915 г. наметилось расхождение во взглядах начальника округа и управляющего Кабинетом. Т.Н. Соболева убедительно показала, что В.П. Михайлов предложил на время войны проводить более гибкую политику по отношению к населению округа, обеспечивая его лесом, денежными ссудами. Однако эта позиция встретила резкое несогласие со стороны Е.Н. Волкова и выявила действительный взгляд на положение Кабинета в условиях военного времени [10, с. 79–82]. Уже в начале обмена мнениями по этому вопросу весной 1915 г. Кабинет подчеркнул, что местное управление округа перепутало порыв общества к помощи с «возможностью произвольного изменения функций учреждения, войной незатронутого»¹. Данная цитата свидетельствует, что руководство Кабинета не только

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1683. Л. 12.

сознательно противопоставляло ведомство обществу, но и в определенной степени отказывалось признать воздействие войны на кабинетское хозяйство в сибирских округах.

Кроме того, в годы Первой мировой войны руководителя Кабинета перестал устраивать стиль его отношений с В.П. Михайловым, при котором решение дел отчасти велось личной перепиской, а не формализованным делопроизводством. В итоге, в ноябре 1915 г. в письме начальнику округа Е.Н. Волков указал, что Кабинет оказался лишен «достаточных данных» о лесном хозяйстве округа вследствие предоставления информации не официальными сообщениями, а личными письмами управляющему Кабинетом¹. Поэтому осенью 1915 г. Е.Н. Волков был вынужден командировать в округ Б.В. Имшенецкого для выяснения текущих вопросов лесного хозяйства. Недовольство Е.Н. Волкова также вызывало замедление внедрения новых предложений по лесному хозяйству. Поэтому Е.Н. Волков сухо и резко вернул В.П. Михайлова в рамки его полномочий, предписав ему «непременно отвечать на все запросы отдела... и приводить в исполнение Ваши решения с ведома Кабинета, а в более крупных вопросах... следует испрашивать разрешения Кабинета»². Поэтому выход В.П. Михайлова в отставку по болезни в мае 1916 г., хотя и разрушил длительно действовавший его тандем с Е.Н. Волковым, тем не менее, также убрал возможность предоставления альтернативной точки зрения высшему руководству. Хотя преемственность управления округом после отставки В.П. Михайлова обеспечивал оставшийся в должности помощник начальника округа Л.Л. Маслов, вновь назначенный начальник округа горный инженер В.Т. Петров, переведенный из Забайкалья, вряд ли мог так же успешно продолжать деятельность, начатую В.П. Михайловым.

Срезом, характеризовавшим позиционирование руководителем Кабинета хозяйства региона, стала поездка Е.Н. Волкова на Алтай в начале сентября 1916 г. Подробно описанная в публикациях и проанализированная с точки зрения ее места в кабинетской хозяйственной политике на Алтае, эта поездка стала апофеозом предыдущих представлений Е.Н. Волкова [11]. Сформировавшееся у него представление о положительной динамике и широких перспективах региона, заложенное еще в 1913 г., одержало полную победу, несмотря даже на очевидные трудности военного периода. Речь Е.Н. Волкова, открывшая серию совещаний местных и столичных чинов, никак не отметила влияние войны на хозяйство региона, указав лишь на вынужденную задержку новых мероприятий. Главная мысль управляющего Кабинетом заключалась в раскрытии идеи несомненного и значительного прогресса развития Алтайского округа после 1907 г. и наличии у региона широких перспектив дальнейшего развития: «Ехал в округ, зная, что все прежние указания его выполнены, и что цель его настоящей поездки

---

¹ Там же. Оп. 28. Д. 309. Л. 26–26 об.

² Там же.

заключается, главным образом, в выяснении мер дальнейшего направления в ведении хозяйства округа»¹.

Последовавшие совещания, хотя и развили лейтмотив выступления Е.Н. Волкова, тем не менее, поставили чиновников округа в противоречивую ситуацию: вынужденные решать текущие проблемы региона, они должны были включиться в создание перспективных планов, поддерживаемых Е.Н. Волковым. Его стремление к определению векторов дальнейшего развития сочеталось с жесткой критикой невыполнения поставленных задач в связи с условиями военного времени. Наглядно это продемонстрировали его нелестные оценки в связи с фактическим отсутствием в округе лесокультурной деятельности, заявленной к развитию еще накануне войны. Поэтому поездка Е.Н. Волкова в Алтайский округ, хотя и способствовала созданию перспективного плана развития кабинетского хозяйства, в условиях войны она не сыграла решающей роли для анализа текущего состояния ведомственного региона.

В целом, рассмотренные факты и примеры свидетельствуют, что в годы Первой мировой войны была утрачена гибкость во взаимоотношениях Кабинета и Алтайского округа. Несмотря на очевидную внешнюю динамику хозяйственной политики ведомства в отношении региона, в реальности уже накануне войны в представлениях управляющего Кабинетом закрепился стереотип поступательного развития Алтайского округа. К тому же, считая Кабинет ведомством, не затронутым войной, Е.Н. Волков без существенных скидок на изменившуюся обстановку продолжал проводить политику интенсификации хозяйства и увеличения его доходности. Негибкая позиция высшего руководителя ведомства, вызвав даже противоречия с начальником Алтайского округа, способствовала в итоге расхождению реальной оценки и перспектив развития региона. Данная несогласованность представляла опасность еще и потому, что проявлялась не на одном уровне управления, а закладывала противопоставление местного чиновничества, знакомого с реальной обстановкой в округе, и кабинетской бюрократии, проводившей прежнюю хозяйственную политику. Негибкая позиция ведомства в годы Первой мировой войны может рассматриваться как одно из проявлений кризиса российской монархии, поскольку округ и Кабинет составляли важнейшее звено ее финансового обеспечения. В результате, отмеченные тенденции неверного позиционирования руководством Кабинета алтайского хозяйства послужили одним из факторов быстрой деградации кабинетского хозяйства, произошедшей в течение первых революционных месяцев 1917 г.

Литература

1. Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. 686 с.

---

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 454. Л. 15.

2. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.
3. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т. Н. Соболева, П. А. Афанасьев, А. Е. Кухаренко, Д. С. Бобров. Барнаул, 2012. 260 с.
4. Соболева Т.Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд. Барнаул, 2003. С. 233–268.
5. Тяпкин М.О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. 225 с.
6. Карпенко Е.А. Мероприятия по улучшению лесной инфраструктуры Алтайского округа в 1914–1916 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 176–181.
7. Еремин И.А., Кижяева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 225–237.
8. Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906–1915 годы. Пг., 1916. 111 с.
9. Афанасьев П.А. Начальник Алтайского округа Василий Прокопьевич Михайлов: служебная биография // Гуляевские чтения. Вып. 3. Барнаул, 2013. С. 187–196.
10. Соболева Т.Н. Отношение Кабинета Е.И.В. и алтайской администрации к бедственному экономическому положению местного населения в условиях военного времени (по материалам официальной переписки 1915–1916 гг.) // Пятое научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2009. С. 78–83.
11. Афанасьев П.А. Программа развития хозяйства Кабинета Его Императорского Величества в Алтайском округе накануне 1917 года // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 88–98.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)533-8 Зубашев Е.Л.
+63.3 (2)6-8 Зубашев Е.Л.

Тишкина Ксения Алексеевна,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул),
ksetishkina@mail.ru

Роль Е.Л. Зубашева в организации отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1914 г.

Аннотация: Вступление России в Первую мировую войну сопровождалось всеобщем патриотическим подъемом населения. По всей стране начали создаваться различные благотворительные учреждения, деятельность которых заключалась в оказании поддержки воинов на передовых позициях. Одним из примеров такой организации являлось Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам (1914–1918 гг.). Организация возникла в сентябре 1914 г. по инициативе сибиряков, живущих в Петрограде. В 1915 г. на территории Российской империи действовало 34 отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Цель деятельности членов общества заключалась в создании полевых госпиталей и так называемые врачебно-питательных отрядов для оказания помощи раненым воинам. В тылу сотрудники организации оказывали всестороннюю поддержку демобилизованным военным служащим. Члены Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам занимались сбором денежных и вещевых пожертвований; оформлением прошений на выдачу пенсий; содействием больным солдатам при возвращении домой; составлением списков убитых, раненых или пропавших без вести воинов-сибиряков и т.д. Плодотворную работу организации обеспечивал энтузиазм ее сотрудников.

Одним из активных членов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам стал Ефим Лукьянович Зубашев (1860–1928) – общественный и политический деятель России начала XX в. С 1899 по 1907 г. он являлся директором Томского технологического института. С 1912 г. – член Государственного совета от сибирских биржевых комитетов. В ноябре 1914 г., как уполномоченный Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, Ефим Лукьянович Зубашев был направлен в Томскую губернию для координации усилий местной общественности при создании региональных отделов организации. Благодаря трудам Е.Л. Зубашева к концу 1914 г. в Томской губернии сформировалось 7 отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам.

Ключевые слова: благотворительность, патриотизм, Первая мировая война, Томская губерния, Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам.

Ефим Лукьянович Зубашев родился 19 января 1860 г. в Славянске Харьковской губернии в купеческой семье. Окончил Харьковский университет и Санкт-Петербургский технологический институт. Получив специальность инженера-технолога химической технологии питательных веществ, уехал специализироваться за границу. По возвращении на родину Е.Л. Зубашев занимал должности вице-президента и профессора Харьковского института практической технологии [1, с. 606]. 24 января 1899 г. Ефим Лукьянович был назначен директором Томского технологического института. В это время еще шло строительство здания института. Возглавив строительный комитет, он принимал меры к скорейшему завершению стройки. Ефим Лукьянович лично занимался разработкой учебного плана, комплектованием профессорско-преподавательского состава будущего учебного заведения. Занятия в Томском технологическом институте начались 9 октября 1900 г.

Ефим Лукьянович принимал активное участие в жизни Томска. В течение нескольких лет был председателем местного музыкального общества, возглавлял комиссию по благоустройству города. В ноябре 1905 г. он вошел в состав комитета губернской кадетской организации [2, с. 161]. Ефим Лукьянович выступил одним из инициаторов открытия в Томске Сибирских высших женских курсов. В 1907 г. он сложил с себя полномочия директора Томского технологического института, но продолжил преподавательскую деятельность.

В октябре 1912 г. Ефим Лукьянович был избран от Барнаульского биржевого комитета членом Государственного Совета «в качестве представителя интересов Сибири» [3, л. 3]. Семья Зубашевых переехала в столицу. Общественная и профессиональная деятельность Ефима Лукьяновича была высоко оценена сибиряками. На одном из заседаний Томской городской думы в декабре 1912 г. обсуждался вопрос об учреждении специальной стипендии имени Е.Л. Зубашева для слушательниц Сибирских высших женских курсов. Однако данная инициатива не была поддержана губернатором.

Начало военных действий в 1914 г. застало Е.Л. Зубашева в Германии. По условиям военного времени он стал военнопленным и лишь осенью смог вернуться в Россию [4, с. 3]. Находясь в Германии, Ефим Лукьянович наблюдал подъем патриотического движения среди немцев, энтузиазм и всеобщее сплочение населения.

По возвращению на родину, Е.Л. Зубашев поддержал инициативу членов Петроградского Сибирского собрания по созданию благотворительной организации, которая смогла бы объединить всех сибиряков для помощи воинам на передовых позициях. 8 октября 1914 г. состоялось первое организационное собрание – Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Председателям организации был избран представитель Общества вспомоществования учащимся сибирякам в Петрограде, издатель

Владимир Платонович Сукачев. Товарищами председателя – Степан Васильевич Востротин и Алексей Иванович Макушин, секретарем – Иван Акимович Кирилов, казначеем – Иннокентий Семенович Шелковников [5, с. 8].

Цели деятельности благотворительной организации заключались в создании полевых госпиталей и лечебно-питательных отрядов для оказания помощи раненым воинам-сибирякам. Финансирование общества осуществлялось за счет членских взносов (единовременный взнос для действительных членов составлял 10 руб.; почетные члены вносили 100 руб. ежемесячно или 500 руб. единовременно), добровольных пожертвований частных лиц, сборов средств по подписным листам, доходов от устройства благотворительных мероприятий. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам нашла поддержку со стороны Всероссийского союза городов, который был создан в августе 1914 г. [6, с. 40]. У обеих организаций были во многом схожие цели – создание лечебно-питательных пунктов, сбор разнообразных пожертвований для фронта и т.д. Уже в середине октября 1914 г. усилиями членов организации был сформирован Первый Сибирский лечебно-питательный отряд, направленный на Варшавский фронт. Его возглавили Николай Виссарионович Некрасов и Николай Константинович Волков. Заведование хозяйственной частью осуществляла Ольга Александровна Зубашева. Деятельность Первого Сибирского лечебно-питательного отряда заключалась в оказании медицинской помощи воинам, улучшении бытовых условий, устройстве чайных, бань и прачечных. Впоследствии членами Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам было организовано 9 лечебно-питательных отрядов.

В тылу деятельность членов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам заключалась в оказании всесторонней поддержки военнослужащих: сборе денежных и вещевых пожертвований среди населения; содействии больным солдатам при возвращении домой; оформлении прошений на выдачу пайков и пенсий; составлении списков убитых, раненых или пропавших без вести воинов-сибиряков.

Опыт деятельности Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам привлек внимание патриотов за пределами Петрограда. Устав организации предусматривал создание отделений по стране. В ноябре 1914 г. сибиряки, проживающие в Москве, выразили желание присоединиться к обществу. Это инициатива была поддержана председателем Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам В.П. Сукачевым. 23 ноября 1914 г. состоялось организационное собрание Московского отдела Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам [7, с. 4]. Для объединения патриотических инициатив по созданию благотворительных учреждений на территории Российской империи, осенью 1914 г. в Западную Сибирь были командированы Члены Государственного Совета Ефим Лукьянович Зубашев и Владимир Иванович Дзюбинский, в Восточную

Сибирь – Степан Васильевич Востротин, в Забайкалье – присяжный поверенный Н.А. Преображенский.

Ефим Лукьянович Зубашев прибыл в Томск 5 ноября 1914 г. [8, с. 2]. Он организовал ряд выступлений перед горожанами, на которых сообщил об основных направлениях деятельности Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, а также встретился с корреспондентом газеты «Сибирская жизнь», рассказал о целях своей командировки и перспективах развития благотворительной организации в сибирском регионе. Он заявил о необходимости: «Выявить в общей, огромной, кипучей деятельности отечества в это тяжелую годину *имя Сибири*, объединить работы и жертвы окраин под лозунгом, так сказать «Сибирь идет» [9, с. 2].

Из Томска Е.Л. Зубашев отправился в Мариинск, Боготол и Тайгу, где встретил поддержку своей организаторской работы со стороны городских старост и местных общественных деятелей [10, с. 3]. В середине ноября в Мариинске был создан отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. На заседании его членов было решено учредить при одном из лечебных заведений Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам койки имени потребительских обществ Мариинского уезда. Для реализации этой инициативы в городе и ближайших селах прошли акции по сбору добровольных пожертвований.

16 ноября Зубашев вернулся в Томск и принял участие в учредительном собрании Томского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Ефим Лукьянович выступил с пламенной речью в поддержку новообразованного отдела, а также подвел некоторые итоги по совершенной им поездке. За период его командировки в Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам было поступило от томского мещанского общества 2000 р., от «Технико-промышленного Бюро» 1000 р., объединение томских адвокатов высказало пожелание ежемесячно отчислять в пользу общества по 75 р.

В 20-х числах ноября Е.Л. Зубашев побывал в Новониколаевске. При поддержке члена Государственной думы от Томской губернии Ивана Климентьевича Пименова он выступил на собрании членов биржевого общества с докладом о возможности открытия в городе отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам [11, с. 136]. На собрании было принято решение об учреждении в городе нового отдела организации под председательством предпринимателя Н.А. Туркина. Казначеем стал И.К. Пименов.

Привлечение сельской местности к работе Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам являлось одним из значимых пунктов командировки Ефима Лукьяновича. Жители с. Камень еще в начале ноября 1914 г. направили в Петроград ходатайство о разрешении открытия в селе отдела общества. К моменту встречи с Е.Л. Зубашевым был избран руководящий комитет Каменского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Всего в организации состояло 10 членов

[12, с. 4]. 26 ноября 1914 г. Ефима Лукьяновича выступил перед жителями села. Его речь о значимости деятельности на фронте Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам способствовала вступлению в ряды организации новых членов. Однако, разрешение от томского губернатора на функционирование Каменского отдела было получено только в начале января 1915 г.

В конце ноября 1914 г. Е.Л. Зубашев посетил Барнаул, где встретился с представителями местной общественности, пожелавшей вступить в ряды благотворительной организации. Барнаульский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам был основан 1 декабря 1914 г. [13, с. 150]. Возглавил отдел купец I гильдии Андрей Григорьевич Морозов, его товарищами стали управляющий Барнаульского отделения госбанка Всеволод Константинович Моравский и чиновник Дмитрий Иванович Зверев. Казначеем был избран управляющий отделения Русского для внешней торговли банка Андрей Ричардович Михайловский.

Из Барнаула Ефим Лукьянович отправился в Бийск. 5 декабря он выступил перед горожанами с докладом о деятельности передвижных лазаретов. Многие жители города, присутствовавшие на собрании, выразили желание сразу же внести крупные денежные суммы на учреждение в городе отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. 9 декабря состоялось собрание, на котором было принято решение о создании на передовой позиции «врачебно-питательного пункта г. Бийска и его уезда» [14, с. 3].

По пути из Алтайского округа в Томск Зубашев остановился на несколько дней в Новониколаевске, где принял участие в экстренном заседании новообразованного местного отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. И.К. Пименов доложил, что за период отсутствия Ефим Лукьянович членами организации было собрано 50000 р. на устройство лазарета для воинов. Е.Л. Зубашев рекомендовал учредить на эти средства собственный врачебно-питательный отряд на фронте по образцу Первого Сибирский врачебно-питательного отряда. Члены Новониколаевского отдела высказали предложение об объединение благотворительных действий в уездных городах Томской губернии для оказания поддержки демобилизованным раненым воинам.

26 декабря 1914 г. Е.Л. Зубашев выехал из Томска в Петроград. По пути он намеревался сделать остановки в Каинске и Татарске для встреч с местным населением. Подводя итоги своей командировки в Сибирь, Ефим Лукьянович отмечал, что «встретил самое живейшее и широкое внимание общества... Всюду созывались экстренные заседания, выносились единогласные постановления и зажиточными гражданами делались щедрые пожертвования» [15, с. 5].

Личность Е.Л. Зубашева являлась авторитетной для представителей сибирской общественности. Благодаря агитационной, подвижнической работе Ефима Лукьяновича, в Томской губернии к концу 1914 г. сформировалось 7 отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам

[16, с. 4]. Впоследствии были созданы отделы в Кузнецке и с. Морозовское. Деятельность Ефима Лукьяновича Зубашева способствовала патриотическому подъему сибиряков, координировала сплочение населения Томской губернии для общего дела – оказания помощи воинам, установления связей между бойцами на передовой и патриотами тыла с первых месяцев Первой мировой войны.

Литература

1. Шишкин В.И. Зубашев Е.Л. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1. С. 606–607.
2. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917. Хроника. Томск: Изд-тво Том. ун-та, 2013. 398 с.
3. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3706. Л. 3–3 об.
4. Приезд Зубашева // Алтай. 1914. 28 ноября. С. 3.
5. Отчет о деятельности Сибирского Общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916. 104 с.
6. Погребинский А.П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. Т. 12. С. 40–60.
7. Отчет о деятельности Московского отдела с 23 ноября 1914 г. по 1 января 1916 г. М., 1916. 47 с.
8. Приезд члена Гос. Совета проф. Е.Л. Зубашева // Сибирская жизнь. 1914. 6 ноября. С. 2.
9. М-ич В. Сибирский передовой отряд // Сибирская жизнь. 1914. 8 ноября. С. 2.
10. Приезд члена Госуд. Совета проф. Е.Л. Зубашева // Сибирская Жизнь. 1914. 16 ноября. – С. 3.
11. Гутыра Т.Н. 90 лет со дня создания Новониколаевского отдела Сибирского общества помощи раненым и больным воинам // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области 2004 год. Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2003. С.136–138.
12. Отчет о деятельности каменского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам за время с 16 ноября м.г. по 4 февраля с.г. // Жизнь Алтая. 1915. 19 февраля. С. 4.
13. Барнаул. Летопись города. Часть I. Барнаул: Демидовский Фонд, 1994. 223 с.
14. В комитете Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам// Алтай. 11 декабря 1914. С. 3.
15. М-ич В. Из беседы с членом Государственного Совета Е.Л. Зубашева // Сибирская жизнь. 1914.14 декабря. С. 5.
16. А.Ш. В томском отделе Сибирского общества помощи раненым // Сибирская жизнь. 1914. 23 декабря. С. 4.

Исторические источники и документальные коллекции

УДК 94(47):083 «1914/1918»

Матханова Наталья Петровна,
д-р ист. наук, проф.,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
istochnik_history@mail.ru

Бюро печати Татьянинского комитета и собрание воспоминаний беженцев

Аннотация: Рассматривается деятельность Бюро печати Татьянинского комитета (Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий). Используются циркуляры Комитета, отчеты его Особого отдела и стенограмма заседаний Второго съезда представителей местных отделений, а также письма П.Г. Васенко к С.Ф. Платонову. Председатель Бюро печати историк П.Г. Васенко и заведующий Бюро журналист Л.Н. Витвицкий руководили двумя основными направлениями деятельности. Ими были: 1) собрание и создание источников по истории беженского движения и 2) выявление и собрание печатных материалов о беженцах и информирование общества о деятельности Татьянинского комитета. Формально Бюро печати было создано в ноябре 1916 г., однако в отчете Васенко и в его письме Платонову содержатся сведения о фактическом начале работы Бюро уже в 1915 г. В Бюро печати и Историографическую комиссию Комитета, наряду с высокопоставленными чиновниками, входили многие известные историки. Официальной задачей этих органов было создание истории беженского движения, собрание и частично публикация источников. В «Известиях» Комитета в 1916–1917 гг. начали публиковаться рассказы беженцев. Историки, и прежде всего Васенко, разработали программу записи их воспоминаний. Эта программа с руководством по ее использованию была разослана по местным отделениям Комитета. В выступлениях на съезде в апреле 1917 г. С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко подчеркнули значение записи воспоминаний массы «малокультурных людей» как важного источника для будущих исследователей истории Первой мировой войны. Эта позиция не была случайной для историков-медиевистов, специалистов по истории Смутного времени. Подобный подход позволяет увидеть в них предшественников развившейся гораздо позже «устной истории». Изучение деятельности Бюро печати и Историографической комиссии Татьянинского комитета имеет важное значение для понимания возможностей профессиональной самореализации историков в военных условиях.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, Татьянинский комитет, Бюро печати, собрание воспоминаний, С.Ф. Платонов, П.Г. Васенко, устная история.

История беженцев периода Первой мировой войны стала одной из активно разрабатываемых тем постсоветской отечественной историографии, а в зарубежной ей и раньше уделялось довольно много внимания. Появилось немало статей, диссертаций, книг, посвященных этому вопросу. Не осталась вне поля зрения историков и деятельность Татьянинского комитета (Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий) [1; 2; 3; 4; 5; 6; и др.]. Но практически ничего до сих пор не писалось о Бюро печати Особого отдела. В статье П. Гатрелла упоминается «замечательный проект» Татьянинского комитета, предусматривавший получение материалов от самих беженцев» путем записи их рассказов. При этом он ссылаясь на «анонимного автора», призывавшего к собиранию «возможно полной информации о беженстве» [3, с. 54, 70] Этим «анонимным автором» оказался Платон Григорьевич Васенко – замечательный историк и источниковед, ученик С.Ф. Платонова.

Особый отдел Татьянинского комитета был создан для учета и регистрации беженцев в связи с тем, что «летом 1915 г. движение беженцев приняло стихийный характер великого переселения народов» [7, с. 17]. Но уже в 1916 г. при Комитете была учреждена «Историографическая комиссия по разработке и изданию материалов по истории беженского движения», а при Особом отделе – «Подготовительная комиссия по собиранию материалов о беженском движении», одной из задач которых было, в частности, создание «обобщающего труда по истории беженского движения» [1, с. 98] и «составления по окончании войны исторического очерка о деятельности Комитета» [5, с. 49]. Вообще военное ведомство с самого начала войны озаботилось сбором и сохранением документов, «имевших военно-историческое значение» [8; 9; 10; 11, с. 84]. В этой работе огромную роль сыграли военные историки и военачальники. Но беженское движение в круг деятельности Военно-исторической комиссии, насколько можно судить по публикациям, не входил, хотя фонд Татьянинского комитета оказался в РГВИА¹.

Председателем Историографической комиссии Татьянинского Комитета значился его фактический руководитель сенатор А.Б. Нейдгарт, что должно было подчеркнуть серьезность ее роли, в ее состав входили известные историки И.А. Блинов, П.Г. Васенко, П.Н. Жукович, В.С. Иконников, наконец, сам С.Ф. Платонов, – князь истории, как его порой тогда именовали. Входили в ее состав и чиновники из числа сотрудников Татьянинского комитета, в том числе помощник управляющего делами Совета министров

---

¹ РГВИА. Ф. 16115. В настоящее время в связи с ремонтом и перевозкой дел архива фонд недоступен для исследователей.

В.В. Никитин (товарищ председателя). Рабочим органом Подготовительной комиссии стало Бюро печати во главе с П.Г. Васенко (председатель Бюро) и журналистом и редактором Л.Н. Витвицким (заведующий Бюро). Привлечение Васенко к этой работе можно объяснить его близостью к Платонову, а также и тем, что, будучи преподавателем Коломенской женской гимназии, он был хорошо знаком с попечительницей гимназии Варварой Александровной Нейдгарт и самим сенатором Нейдгартом.

О деятельности Бюро печати можно судить по документам Комитета и его Особого отдела, публиковавшимся в «Известиях» и трудах Татьянинского Комитета. В частности, важными источниками являются циркуляры Комитета, отчеты его Особого отдела и стенограмма заседания Второго съезда представителей местных отделений, состоявшегося в апреле 1917 г.

Уже 24 октября 1914 г. Комитет рассмотрел и одобрил предположение «о желательности ныне же приступить к собиранию материалов, могущих в будущем оказаться полезными при составлении исторического обзора... призрения» беженцев [12, с. 71]. В особом циркуляре Комитета от 21 сентября 1916 г. (№ 19062), направленном во все его отделения, подчеркивалось историческое значение «великой войны» и важность задачи сохранить «в возможной полноте все то, что необходимо для исторического воссоздания величественной картины» этой эпохи. Явление беженства признавалось одним из характерных явлений войны, нуждающимся в запечатлении. Особый отдел Комитета считал важным «содействие составлению достаточно полного собрания сообщений очевидцев о беженском движении, временном устройстве жизни, испытаниях и дальнейшей участи беженцев, пока еще свежи в памяти все сведения и факты, обрисовывающие это явление». Уже эти формулировки заставляют предполагать, что текст был написан не без участия историков. Еще в большей степени об этом может свидетельствовать следующее разъяснение. Материал, который предлагалось собирать, мог «состоять из фотографий, рисунков, сообщений, воспоминаний, рассказов и очерков в беллетристической форме и различных цифровых данных о беженцах... Особый отдел просит не стесняться ни формой, ни слогом изложения. Отделу нужны лишь факты, а описание их на основании хотя бы и отрывочных данных составит его задачу». В дальнейшем предполагалось использовать собранное для «составления “Сборника материалов по истории беженского движения во время настоящей мировой войны”» [13, с. 93–94]. Очевидно, текст готовился в только что созданном Бюро печати Особого отдела, которое официально «вступило в жизнь лишь 15 ноября 1916 года». Как отмечал Васенко в отчете Всероссийскому съезду представителей местных отделений Комитета, фактическая его работа началась гораздо раньше: «...еще в мае 1915 года на Съезде местных представителей Комитета вопрос о собирании материалов по беженству был поставлен на очередь и разрешен в положительном смысле» [14, с. 63–64]. О своей работе в Комитете Васенко упоминал в письме к С.Ф. Платонову от 20 ноября 1915 г. [15, с. 16].

В работе Бюро печати прослеживаются два основных направления. Первое – просмотр, систематизация и фиксация материалов, прежде всего, газетных вырезок, о деятельности «Комитета и других организаций помощи беженцам» и вообще «касавшихся... всех сторон беженского дела» [16, с. 66]. К этому же направлению примыкает «ознакомление общества с деятельностью Татианинского комитета путем рассылки в главнейшие столичные и провинциальные газеты фактических сообщений о важнейших его начинаниях и предприятиях». Этой деятельностью руководил Витвицкий [16, с. 72–73]. Второе направление, которым руководил Васенко, можно назвать собиранием и созданием исторических источников.

В докладе Васенко на съезде источники были разделены на две категории: «1) материалы литературные... к которым относятся очерки, рассказы, воспоминания и вообще всякие сообщения о беженском движении его участников и очевидцев, и 2) материалы документальные или архивные». Об архивных было сказано, что они уже имеются, «они требуют только хранения, стягивания... в центры... систематизации, и описи, если не описания». О литературных – что они «большой частью существуют пока лишь в потенциальном состоянии... не записаны, хранятся лишь в памяти, а потому легко могут быть утрачены для потомства и истории» [14, с. 64].

Среди литературных материалов выделено два вида: «зафиксированные, т. е. уже имеющиеся в печатном или рукописном виде» и «такие, которые только могут быть собраны от самих участников или свидетелей беженства». Собрание печатных материалов было в основном поручено группе Витвицкого. Для получения рукописных обратились «с воззванием ко всем интеллигентным лицам», имеющим подобные рукописи, сообщить об этом «для снятия с них копий» [16, с. 66].

Наибольшее внимание Васенко привлекла идея фиксации «непосредственных рассказов самих беженцев... в их полной непосредственности – так, как они выливаются из души этих простых людей, много видевших, много испытавших и много переживших». При этом предвидели, что «собирателям рассказов придется самим направлять мысль рассказчиков». Поэтому был выработан «перечень руководящих вопросов», которые должны были «обнимать все стадии беженского движения». Поскольку предполагался сбор воспоминаний как самих беженцев, так и деятелей организаций и учреждений, оказывавших им помощь, было выработано два «опросника: первый для рассказчика беженца, второй для рассказчика очевидца движения» [14, с. 65]. Оба «опросника», с руководством по использованию, были разосланы во все отделения Комитета, а также общественные организации, занимавшиеся помощью беженцам [16, с. 66–67]. Главная мысль «руководства» заключалась в том, что «необходимо предоставлять опрашиваемым беженцам полную свободу высказываться..., не следует смотреть на “опросник” как на программу, в точности подлежащую выполнению». Рассказы должны были записываться на русском, а если беженец плохо его знал – то на его родном языке [14, с. 66]. Для записи

рассказов беженцев были привлечены добровольные работники из учащейся молодежи [17, № 17, с.10].

Второй съезд представителей местных отделений проходил в тяжелых для его руководства условиях. По воспоминаниям одного из активных организаторов Татьянинского комитета В.П. Семенова-Тян-Шанского, уже в конце 1916 г. сенатор Нейдгарт заявлял о «грозных тучах на политическом горизонте» [18, с. 24]. Хотя Временное правительство сохранило Комитет и его отделения, сняв лишь имя великой княжны из названия – он был переименован во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны – на деле положение ухудшалось. Васенко 7 июля 1917 г. сообщал Платонову о сокращении штатов Комитета и увольнении части сотрудников¹.

Тем не менее, 17 апреля 1917 г. на съезде был поставлен доклад Васенко о собирании и записывании рассказов беженцев. Доклад привлек внимание нескольких депутатов съезда и вызвал два важных выступления С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко, которые являются важными историографическими источниками. Говоря о сравнительном значении документальных и литературных материалов, Васенко объяснял делегатам: «В науке существуют разногласия относительно роли как первого, так и второго рода материалов. Одни ученые отдают решительное предпочтение документальным данным, игнорируя “литературу”. Другие на первом месте ставят литературные источники, находя, что только в них “живет дух эпохи”. По личному нашему убеждению и тот, и другой род материалов имеет важное значение; ни тем, ни другим пренебрегать не следует» [14, с. 64]. Представитель Западно-Русского общества историк и археограф А.И. Миловидов предложил дополнить круг собираемого появившимися произведениями народного творчества, что было одобрено [14, с. 69–70]. Представитель Костромского отделения С.А. Маргаритский добавил: «Мне лично знакома такая работа, о которой говорил профессор Васенко. Я учился за границей в университете, и мне приходилось писать историю русского студенчества в Германии и вот при этой работе я обращался к студентам и просил их делать особые выписки на многие вопросы». Выяснилось, что собрано много лишнего и нет необходимого. И «тогда мне пришла другая, более счастливая мысль, именно: я выработал особые опросные листы и раздавал их студентам, и туда они вносили свои данные» [14, с. 70]. Васенко возразил против этого предложения и пояснил, «что мой уважаемый оппонент предложил анкету; анкетой, конечно, можно пользоваться, но даже составляя и наш опросник, мы шли на него скрепя сердце, потому что желательно было получить рассказы беженцев, ничем не стесняемые». Анкета тоже может быть очень полезна, но это «будет источник другого порядка» [14, с. 71]. Видно, что вопрос обсуждался в Историографической комиссии.

Вслед за Васенко выступил и сам Платонов. Формально его слова адресованы делегатам съезда, но звучат они так, как будто должны их

---

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2443. Л. 17.

слушать историки. Впрочем, быть может, на это он и рассчитывал. «В том, что здесь было сказано, я вижу одну, с научной точки зрения, методологическую опасность, – сказал он. – Здесь говорилось о том, что желательно было бы предлагать для получения известного материала о беженцах анкету; анкета – это совершенно правильный прием, когда вы ищете статистический материал или когда вы вообще предполагаете изучить явления в качестве историка; когда он предлагает собирать материал о беженцах, он должен совершенно одинаково доложить, какого рода сведения попадут в их руки. Мы не можем заранее знать, что будет ценно для будущего исследователя данного явления. Всякое тщательное показание современников, в какой бы форме оно ни было сделано, может оказаться источником первостепенной важности в руках будущего поколения, которое может предложить нашему поколению такого рода запросы, о которых мы и не думаем. Вот почему я настойчиво рекомендовал бы тем, кто поинтересуется собрать сведения о беженстве, собирать все решительно, что попадется в их руки, не стесняясь решительно ничем, принимая всякую мелкую замечку, всякую субъективность, которая в них есть, без оговорок, без критики и складывая это для будущего исследователя... Нам может показаться, что ... мы слышим одно и то же, повторяемое тысячи раз, для нас неинтересное. Вот от этой точки зрения на материал, даваемый показаниями беженцев, нужно предостеречь. Всякий голос беженца непременно должен быть зарегистрирован и с благодарностью сохранен, всякий рассказ его должен быть записан и только тогда будущий историк скажет нам спасибо, как умелому собирателю этого материала» [14, с. 71]. Слова С.Ф. Платонова звучат удивительно современно.

Очевидно речь шла о тех направлениях, которые гораздо позже стали бурно развиваться под названиями «устная история» и «живая история».

Особое значение Историографическая комиссия и Бюро печати придавали собиранию свидетельств «огромной массы малокультурных людей, которая главным образом и пострадала от нашествия врагов» [17, № 17, с. 10]. Подобная мысль была естественна для историков-медиевистов, привыкших иметь дело с летописями и записями рассказов непосредственных очевидцев [19, с. 262] такого грозного события, как Смута – как известно, и Платонов, и Васенко занимались изучением этого периода русской истории.

П. Гатрелл писал, что «материал для истории беженства» собирался подкомитетом, состоявшим «из видных сановников» [3, с. 54]. Однако из вышеизложенного видно, что не просто активную, но решающую роль в этой деятельности играли профессиональные историки. В дискуссии, состоявшейся на втором съезде представителей местных отделений Комитета, Васенко, отвечая на замечание о том, что в «опроснике» не учитывается культурная деятельность беженцев, заявил: «У меня есть вопрос: что нового внесли беженцы в жизнь местности» [14, с. 70]. Слова «у меня» являются прямым указанием на автора «опросника» («Перечня руководящих вопросов»), в ряде

других случаев он указывал на обсуждение аналогичных проблем в Историографической комиссии и Бюро печати.

Хотя Особый отдел, Историографическая комиссия и Бюро печати в мае 1917 г. утратили самостоятельность [17, № 21, с. 21], объявления от их имени продолжали публиковаться в Известиях до последнего их номера, вышедшего 15 октября 1917 г. Почти в каждом номере этого издания появлялись и рассказы беженцев, но, к сожалению для историков, – как правило, в очень беллетризованном виде.

В заключение замечу, что изучение профессионального участия интеллигенции в укреплении тыла и обеспечении вооруженных сил России во время Первой мировой войны началось сравнительно недавно. Роль историков пока представлена лишь их пропагандистской деятельностью [20; 21], но как видим, круг их деятельности был гораздо шире и гораздо профессиональнее. Изучение деятельности Бюро печати и Историографической комиссии Татъянинского комитета имеет важное значение для понимания возможностей профессиональной самореализации историков в военных условиях.

Литература

1. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С.98-113.
2. Матвеева Н.Л. Деятельность Комитета великой княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000. С.139–141.
3. Гатрелл П. Беженцы в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4(122). С.46–72.
4. Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Автореф. дис... к.и.н. М., 2005.
5. Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004.
6. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий. Автореф. дис. ...к.и.н. М., 2008.
7. Комитет е.и.в. Вел. княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 – январь 1916 г. Т. 1. Пг., 1916.
8. Гаркуша И.О. Российский государственный военно-исторический архив – крупнейшее хранилище документальных источников по истории Первой мировой войны: из истории формирования // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 53–57.

9. Крылов В.В. Документальные публикации по истории Первой мировой войны: археографические и историографические аспекты // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С.145–148.

10. Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914 – 1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 27–38.

11. «...Озаботиться организацией сбора и вывоза... документов». Документы РГВИА о сохранении памяти о Первой мировой войне / вступит. статья, подготовка текста к публикации и комментарии Д.А. Юсова // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 84–102.

12. Памятная книжка Комитета е.и.в. великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Пг., 1915.

13. Сборник циркуляров Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны с сентября 1914 по 1 января 1917 годы. Вып. 1. Пг., 1917.

14. Стенографический отчет заседаний съезда 16, 17 и 19 апреля 1917 года // Труды Второго Всероссийского съезда представителей местных отделений Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татианинского) 6–19 апреля 1917 года. Пг., 1917.

15. Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / изд. подг. Н.П. Матхановой. Новосибирск, 2014.

16. Отчет о деятельности Особого отдела Татианинского комитета в 1916 г. Пг., 1917.

17. Известия Комитета е.и.в. Татианы Николаевны. 1917.

18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Татьянинский комитет. Великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // Возрождение. Париж, 1956. Т. 5. С. 7–25.

19. Тош Дж. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

20. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерки гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.

21. Тихонов В.В. Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны // История: электр. научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11).

УДК 925.5 (=162.1)(571.16) ”1863/1918”

Соколовский Иван Ростиславович,
канд. ист. наук,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
sokolowski@yandex.ru

Военные конфликты XIX–XX вв. и поляки в Томске: история одного фотографического альбома

Аннотация: Начиная с конца XVIII в. и преимущественно в XIX–XX вв. земли, населенные поляками вовлекаются в орбиту Российской империи. В 1772 г. Россия, Австрия и Пруссия проводят первый раздел Речи Посполитой. Революционные события во Франции определяют негативную реакцию восточно-европейских дворов на перемены в Польше. Неразрешимые противоречия между различными партиями, иностранное вмешательство, приводят к затяжному кризису 1790–1795 гг., который разрешается в ходе второго и третьего разделов Речи Посполитой между ее соседями. Однако утрата политического суверенитета не приводит к утрате политического сознания представителями польской нации, тем более что после побед над Австрией, французский император Наполеон Бонапарт восстанавливает в 1807 г. полуавтономное Княжество Варшавское. Оно просуществовало до 1815 г., позднее будучи включенным в состав Российской империи как Королевство Польское. Неразрешимые в рамках тогдашнего русского политического механизма противоречия между царизмом и польским населением приводили к вооруженным восстаниям 1830 и 1863 гг.

Ответом на эти восстания стали принудительные миграции социально активной части населения в восточные районы Российской империи, в Сибирь. Часть населения перемещалась в Сибирь добровольно. В XIX в. это привело к образованию в Западной Сибири значительной группы поляков, которая в настоящий момент хорошо изучена рядом сибирских ученых. Однако в наши руки попали уникальные документы: отдельная фотография и один фотографический альбом. Отдельная фотография и пять фотографий из альбома имеют на обороте надписи, которые позволяют установить имена, фамилии и судьбы ряда поляков, живших в Томске с 1863 г. Это Якуб Викилинский (1840–1882), Юзефа Викилинская (р. 1872), Валерия Викилинская, Бронислав Островский (ум. после 1905), Витольд Островский. Все это родственники и свойственники Аделаиды Витольдовны Островской, вступившей в брак с Федором Божко-Божинским в 1918 г.

Ключевые слова: поляки в Сибири, фотоальбом, Викилинские, Островские, ссыльные участники восстания 1863 г.

Тема поляков в Сибири давно занимает историков края. В 2013 г. прошла большая конференция, которая объединила работы людей, работающих над

схожей проблематикой [1]. Изучению поляков в Сибири посвящены работы таких историков, как Е.А. Дегальцева, А.А. Жиров, М.И. Ищенко, И. В. Нам, Л.К. Островский, С.Г. Пяткова, Е. Н. Туманик, В.А. Ханевич, Б.С. Шостакович и др. [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30] Этот далеко не полный список можно продолжать еще долго. В работах исследователей освящаются различные аспекты, относящиеся к попаданию поляков в Сибирь, их жизни и деятельности в этом краю, способов и причин адаптации или дезадаптации, причин отъезда их из Сибири на родину или в иные местности.

В некоторых из этих публикаций освящаются вопросы военной истории XIX в., тесно связанные судьбами поляков в Сибири. Обычно крупные военные конфликты XIX–XX веков рассматриваются историками через призму «большой политики»: в фокус внимания историков попадают геополитические сдвиги, социальные последствия, баланс сил в отдельном регионе или в целом мире, влияние военных конфликтов на развитие вооружений и так далее. Однако историки Сибири давно уже связали военную историю с историей частной, с историей повседневности. Они показывают как события, происходившие в тысячах километров от Сибири влияли на ее обитателей, прежде всего посредством добровольных и вынужденных (в том числе, принудительных) миграций.

Одной из волн принудительных миграций была волна лиц, сосланных в Сибирь после подавления польского восстания 1863 г. Это восстание было подготовлено событиями конца XVIII – XIX вв. и имело длинную предысторию.

Одной из важнейших причин восстания 1863 г. была политика соседей Польши по расчленению польского государства и установления своего непосредственного контроля на польских землях. Согласно советской исторической традиции, планы по расчленению Речи Посполитой зародились прежде всего при Берлинском дворе, однако, вовлечение в экспансионистские планы Пруссии Австрии и России дорого обошлась двум последним в отдаленной исторической перспективе, фактически став одной из причин их геополитического краха [31, с. 86]. Решение о «первом разделе» Польши было принято тремя державами 5 августа 1772 г., в Петербурге [31, с. 86; 32, с. 376]. По нашему мнению, значительную роль в разделах Речи Посполитой сыграло ослабление ее традиционного западного союзника – Франции. На наш взгляд, симптоматичным является тот факт, что Пруссия предприняла дипломатический зондаж относительно перспектив «второго раздела» Речи Посполитой уже в 1789 г., но натолкнулась на отказ Санкт-Петербурга [31, с. 88]. Большую роль в разделах Польши играла общая революционная обстановка конца XVIII в., так, например, один из будущих лидеров польского восстания, Тадеуш Костюшко (1746–1817), в 1784 г. вернулся из Северной Америки со званием генерала и только в 1789 г. сумел получить командную должность. [31, 32]. Большую роль во внешнеполитических проблемах Польши играли ее внутривнутриполитические проблемы, так в 1790 г. обострилась борьба патриотической партии Г.Коллонтая и старошляхетской

партии на четырехлетнем сейме (1788–1792 гг.), роль которого отмечали советские ученые («в попытках проведения прогрессивных реформ в Речи Посполитой конца XVIII в. большую роль сыграл Четырехлетний сейм 1788–1792 гг.») [31, с. 87]. Общий вектор развития страны был поступательным; так, 3 мая 1791 г. была принята прогрессивная конституция. Однако внешнеполитические ориентации противников этого развития привели к тому, что в 1792 г. представители старопольской партии К. Браницкий, Щ. Потоцкий, В. Жевуский выехали в Россию. Прогрессивная конституция привела к созданию 14 мая 1792 г. Тарговицкой конфедерации и началу русско-польской войны. Тарговицкая конфедерация, с ее целями ликвидации Конституции 3 мая, защиты католической религии и старых устоев, была орудием в руках Петербургского двора. Ее военная победа и занятие Варшавы были обеспечены силой русского оружия [31, с. 88–89]. Стремительное падение польской элиты компенсировалось символическими средствами, в 1792 г. последний польский король Станислав Август утверждает орден *Virtuti Militari*.

13 (23) января 1793 г. в Петербурге, Россия и Пруссия договорилась о втором разделе Польши. Последний польский сейм, заседавший в Гродно в августе–сентябре 1793 г., утвердил территориальные потери, вызванные вторым разделом. Утвержденная 23 ноября 1793 г. Конституция носила компромиссный характер, объединяя черты более реакционной конституции 1775 г. и более прогрессивной 1791 г. Конституция 1793 г. превращала Польшу в вассала России [31, с. 90].

Польша была страной, обладавшей многочисленной и высококультурной элитой, например, один из лидеров восстания 1794 г. так характеризовался в работе советских ученых: «с 1770-х годов и до восстания 1794 г. едва ли не самую заметную роль в краковских научных кругах играл известный ученый и общественный деятель Г. Коллонтай» [31, с. 149]. Сложившаяся политическая ситуация эту элиту не устраивала, что привело к восстанию под руководством Т. Костюшко, которое разгорелось 12 марта 1794 г. Восстание началось 12 марта 1794 г. в Остроленке, продолжилось занятием Кракова 24 марта силами Т. Костюшко, а закончилось, когда в октябре 1794 г. Т. Костюшко тяжело раненным был взят в плен, а 6 ноября 1794 г. русские войска под командованием А.В. Суворова штурмом овладели Варшавой. Поражение этого восстания повлекло за собой «третий раздел» Польши в 1795 г. Третий раздел Польши был оформлен двусторонними соглашениями между Россией и Австрией от 3 января 1795 г., а соглашение между Россией и Пруссией только 24 октября 1795 г. [31, с. 88–90].

После поражения восстания, многие из его участников покинули страну, отправившись в эмиграцию. В 1797 г. создаются польские легионы в Италии под командой Генрика Домбровского (1755–1818). С 1797 г. Польские легионы использовались на территории Италии, а когда Наполеон стал первым консулом, он в 1799 г. подверг их реорганизации. В 1802 г. часть поляков-легионеров была отправлена на Гаити для подавления восстания

Туссена-Лювертюра, обратно вернулось только 500 чел. В 1798 г. Павел I распорядился освободить из плена Т. Костюшко [31, с. 90–93].

В июля 1807 г. по Тильзитскому миру было создано Княжество Варшавское, в котором в 1808 г. был введен Кодекс Наполеона. Герцегство Варшавское имело население ок. 4,3 млн. жителей (79 % – поляки) [31, с. 95]. После поражения наполеоновской Франции судьба польских земель была определена державами победительницами на Венском конгрессе. 27 ноября 1815 г. Александр I утвердил Конституцию Польского королевства. Интересно, что проблема единства Польши и польской политической нации осознавалась еще во времена Венского конгресса, решением которого «объявлялась полная свобода судоходства, торговли и передвижения в границах 1772 г.». Впрочем, «это обещание европейских законодателей в значительной степени осталось лишь на бумаге». [31, с. 95–98] 29 ноября 1830 г. в Варшаве началось восстание против царской власти. Подавление этого восстания и общая политика царизма, направленная на то, чтобы избежать последствий революционной ситуации 1848 г. в Европе, в конечном итоге только обостряло существовавшие противоречия, загоняло проблему вглубь вместо ее разрешения.

Таким образом, сначала инкорпорация значительной части земель Речи Посполитой в состав Российской империи в начале XIX в. сначала создали предпосылки для добровольной и принудительной миграции, которая изучается вышеназванными авторами.

Однако во всех этих работах авторы опираются преимущественно на письменные источники, причем, по большей части такие, которые сохранились в государственных архивах, среди делопроизводственных документов. Если же речь идет о частных источниках, то это опять же дневники, письма, мемуары.

В нашем же случае, мы имеем дело с несколько нестандартным источником. Он тоже относится к письменным, но, во-первых, сохраняется в частных руках, а, во-вторых, имеет достаточно специфический характер. Речь пойдет о фотографическом альбоме.

Альбом хранится в одной московской семье и содержит несколько десятков фотографий (илл. 10). Часть из этих фотографий приводится на иллюстрациях, прилагаемых к данной статье. Часть фотографий подписана на обороте. Мы приводим факсимиле не всех подписей, отобразив только те, что сделаны на польском языке. Подписи на русском языке мы приведем в тексте. Не опубликована нами так же одна подписанная по-польски фотография, на которой изображен мужчина, которого мы затруднились отнести к обычному кругу семьи. Подпись на обороте этой фотографии также не публикуется.

Кроме альбома, в той же московской семье хранится фотографическая карточка (илл. 1), которая на обороте подписана (илл. 2). Эта подпись и является «ключом» ко всему альбому. Она позволяет понять, кто изображен на фотографиях, сделать предположения об их родственных отношениях, предположить, кто являлся хозяином альбома.

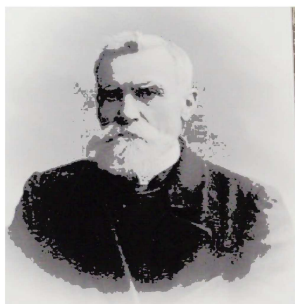

1

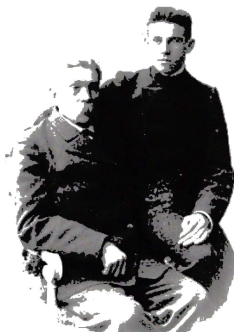
1. Фотография Викилиньских, Ялта 1882 (третий справа- Якуб Викилинский (1840-1882)
3. Бронислав Игнаци Островский
4. Б.И.В. Островский и Б.Неджевич
7. Юзефа Викилинская (р. 1872), в 1888 г.
8. Витольд Островский в 1888 г.
9. Валерия Викилинская в 1895 г.
10. Титульный лист альбома
2. Надпись на обороте фотографии 1.
5. Надпись на обороте фотографии 3.
6. Надпись на обороте фотографии 4.

*Jakob Wikilinski zmarł 1882 r 24 listopada
na 42 r. zostany na syber do Tomskiej gody
1863 r. za powstanie.*

2

3

4

Bronisław Ignacy Ostrowski

5

*B. W. I. Ostrowski
na posmiętku wspólnie z matką
był lat 14/11 901 B. Niedzwiedz*

6

7

8

9

10

Кроме того, на страницах альбома карандашом сделаны женской рукой пометки, возможно, принадлежащие предпоследней (на настоящий момент) владелице альбома. Они относятся к русской семье Черных и в настоящей работе не рассматриваются по ограничениям тематического характера.

Итак, рассмотрим подписанные фотографии альбома, начиная с той, что хранится отдельно. На этой отдельной фотографии (илл. 1) изображена семейная пара с шестью детьми. Двое из детей – мальчики, четверо – девочки. Старшие дети (девочки) стоят по сторонам от родителей, которые сидят в центре. Средние (мальчик и девочка) стоят перед ними. Младшие дети – так же мальчик и девочка – сидят в центре у ног матери. Рука матери лежит на плече самого младшего из мальчиков. Родители находятся в центре композиции – отец слева, мать – справа. На обороте фотографии две надписи на польском языке. В верхней части написано, кто изображен на фотографии: Якуб Викилиньский умер 1882 г., 24 ноября, в 42 г. Сослан в Сибирь, в Томскую губ. в 1863 г. за восстание. (Jakób Wikliński zmarł 1882 r. 24 listopada na 42 r. Zesłany na Sybir do Tomskij Gub. 1863 r. za powstanie.). В нижней части фотографии также по-польски сделана надпись о том, где была сделана фотография: Ялта, 1880. Хорошо видно, что надпись сделана неровным почерком. Возможно - женским. Возможно, что кто-то из родственников покойного Я. Викилиньского сделал ее уже в пожилом возрасте, «для памяти».

Фотография в Ялте в 1880 г. была сделана за два года до смерти отца семейства. Якубу Викилиньскому на этой фотографии около 40 лет. Если предположить, что все дети родились в Сибири, то получается, что старшим девочкам на снимке не больше 17 лет. Подобная гипотеза кажется вполне убедительной, также как и почти десятилетний разрыв между самыми младшими и самыми старшими детьми.

Благодаря надписям на оборотах фотографий, мы можем установить точный возраст по крайней мере одной из сестер Викилинских: Юзефы (илл. 7). На обороте фотографии неровная надпись по-русски: «На память дорогой маме от старшей дочери Юзефы Викилинской. Снималась в 16 лет. 31 января 1888 г.». Кто именно Юзефа на семейном снимке, сказать затруднительно (ср. илл. 7 и 1). Если исходить из возраста, то девочке 1872 г. рождения должно было быть в 1880 г. восемь лет. Похожа на восьмилетнюю самая крайняя девочка справа? Мы затрудняемся сказать. Также затрудняемся объяснить тот факт, что девочка, у которой в 1880 г. явно были более старшие сестры, в 1888 г. называет себя «старшей дочерью».

Тем временем, на «исторической сцене» альбома появляются новые персонажи (илл. 3). Суровый мужчина с седой бородой, возможно, сам подписал свою имя и фамилию на обороте данной фотографической карточки: Бронислав Игнацы Островский (Bronisław Ignacy Ostrowski) (см. илл. 5).

Есть в альбоме фотография и другого Островского – Витольда. Согласно надписи на обороте фотографии, выполненной на русском языке, она сделана в декабре того же 1888 г., когда сделана фотография Юзефы Викилиньской: «Снято в 1888 г. В.О. Адели Феликсовне Домбровской от Витольда

Островского 12.IV.1889». К сожалению, мы не можем установить, кем была А.Ф.Домбровская, которой в декабре 1889 г. была подарена эта фотокарточка и почему она оказалась в этом альбоме. Возможно, что, проживающий ныне в Томске, Владимир Валентинович Домбровский¹ имеет какое-то отношение к этой семье. Я совершенно уверен, что к ней имеет отношение Феликс Домбровский «муж., 26 лет на 1868 г., мещанин Августовской губ., условия ссылки не известны, с 1864 г. находился в Томске, токарь, семьи не имеет, холост. ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. д. 8960»².

Связь между семьями Островских и Викилиньских выявляется благодаря еще одной фотографии (илл. 9), которая также имеет надпись на обороте на русском же языке: «На добрую память сестре и зятю Островскому от Валерии Викилиньской, 1895 год, 5-го марта». Возможно, что женщина с фотографии 9 – это маленькая девочка, сидящая у ног матери на фотографии 1. Так ли это, или нет, мы не знаем. Важной информацией оказывается, что одна из сестер Викилиньских вышла замуж за одного из Островских – возможно, Витольда – и фотография Б.И. Островского хранится в альбоме как фотография тестя.

Еще одна фотография Б.И. Островского датируется 14 (27) декабря 1905 г. (илл. 4). наших палеографических навыков не хватает для полноценного прочтения надписи на обороте, поэтому наше чтение содержит неуверенные чтения, отмеченные знаком []: Б.И.В.Островскому на пам[ять] о совместно [прожитых] годах. 14/XII 905 Б. Неджевич (B.J. W. Ostrowskiemu na pam[ięc] wspólnie [przeżytych] lat. 14/XII 905 B. Niedzwicz).

Таким образом, альбом содержит фотографии нескольких родственных польских и русских семей, проживавших в окрестностях Томска в конце XIX – начале XX в. Из других документов, хранящихся в этой семье, нам известно, что к семье Островских принадлежала Аделаида Витольдовна Островская, родившаяся в 1900 г. Осенью 1918 г. она вышла замуж за Федора Божко-Божинского, еще одного представителя польской диаспоры в Томске. Возможно, что у нее был брат 1903 г. рождения, Витольд Витольдович, который дожил в Томске по крайней мере до 1937 г.³

Литература

1. Глушковский П. Научная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апр. 2013 г.) / П. Глушковский, И. С. Трояк, Е. Н. Туманик // Гуманитарные науки в Сибири, 2013. № 3. С.117–119
2. Дегальцева Е.А. Вклад ссыльных поляков в социокультурное развитие Сибири во второй половине XIX в. / Е. А. Дегальцева // Гуманитарные науки в Сибири, 2000, N 2. С. 64–68.
3. Жиров А.А. Поляки в условиях Тарского Прииртышья в XIX – начале

---

¹ <http://www.fpmk.tsu.ru/study/staff/employees/dombrovsky/>

² <http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-ZapSib.html>

³ <http://lists.memo.ru/d25/f269.htm>

XX вв. // Славянские чтения: Духов. культура и история рус. народа: Материалы докл. науч.-практ. конф. Омск, 1995. Вып. 4, ч. 2. С. 173–175.

4. Ищенко М.И. Поляки в Сибири / М. И. Ищенко // Краеведческий бюллетень. 1998, № 1. С. 157–159.

5. Нам И.В. Поляки в Сибири на историческом переломе (1917 – середина 1918 гг.) / И.В. Нам // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Правоведение. История, 1998. № 3. С. 49–51.

6. Островский Л.К. Метрические книги католических церквей как источник по истории польской диаспоры в Западной Сибири [1893–1905 гг.] / Л. К. Островский // Актуальные проблемы строительной отрасли. Проблемы экономического развития России. Проблемы социально-политического развития России: тез. докл. II Всерос. конф. (66 науч.-техн. конф. НГАСУ (Сибстрин). Новосибирск, 2009. С. 151.

7. Островский Л.К. Польские военные формирования в Сибири (1918–1920 гг.) / Л. К. Островский // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. : Бахрушин. чтения 2005 г.. Новосибирск, 2005. С.104–113

8. Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири (1890–1920-е гг.) / Л.К. Островский // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 12–13 апр. 1999 г. Новосибирск, 1999. С.83–85.

9. Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Л. К. Островский // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40.

10. Островский Л.К. Польские крестьяне-переселенцы в Сибири в конце XIX – первой трети XX в. / Л. К. Островский // Массовая депортация польских граждан в новейшей истории сибирской Полонии: Материалы науч. конф. Новосибирск, 9 дек. 2000 г. Новосибирск, 2000. С. 41–44.

11. Островский Л.К. Польские предприниматели в Сибири (1890–1917 годы) / Л. К. Островский // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология, 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 112–117.

12. Островский Л.К. Польские предприниматели в Сибири на рубеже XIX и XX веков / Л. К. Островский // Государство и общество Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 2008. С. 121–127.

13. Островский Л.К. Польское население городов Сибири (1890–1920-е гг.) / Л. К. Островский // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 240–242.

14. Островский Л.К. Польское население Сибири в 1906–1939 гг. / Л.К. Островский // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманит. фак. НГУ. Новосибирск, 1997. С. 107–109.

15. Островский Л.К. Поляки в Сибири (1917–1920 гг.) / Л. К. Островский // Труды НГАСУ [Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета]. Новосибирск, 1999. Т. 2. № 4. С. 134–140.

16. Островский Л.К. Поляки в Сибири в первой трети XX века /

Л.К. Островский // Сибирь в XVI–XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 188–193.

17. Островский Л.К. Численность, состав и размещение поляков в Сибири (1890-е – 1930-е гг.) / Л. К. Островский // Гуманитарные науки в Сибири, 2002. № 2. С. 75–79.

18. Пяткова С.Г. Ссылка поляков в Сибирь в 1860-е годы // Наука и образование XXI века: Сб. тез. докл. Второй окр. конф. молодых ученых Ханты-Манс. авт. окр. Сургут, 2001. Ч. 1. С. 101–104.

19. Туманик Е.Н. Адаптация в Западной Сибири ссыльных поляков (первая треть XIX в.) / Е. Н. Туманик // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Новосибирск, 2006. С. 66–75.

20. Туманик Е.Н. Гектор Бильдзюкевич: государственный чиновник и исследователь Восточной Сибири середины XIX века / Е. Н. Туманик // Вклад польских ученых в изучение Восточной Сибири и озера Байкал : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск – пос. Лиственничное – пос. Мишиха, 23–26 июня 2011 г.). Иркутск, 2011. С.153–166.

21. Туманик Е.Н. Международная научная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 года) / Е. Н. Туманик // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2013. Т. 12, вып. 8. С.192–194.

22. Туманик Е.Н. Новые материалы к биографии писателя Аполлона Ордынского (1830–1915) / Е. Н. Туманик // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. (Томск, 3–5 июня 2012 г.). Томск, 2012. С. 200–204.

23. Туманик Е.Н. Персонологические исследования в изучении ключевых проблем сибирско-польской истории XIX в. / Е. Н. Туманик // SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых: сб. науч. тр. по итогам пол.-рус. науч. семинаров (Варшава – Пултуск, 1–15 сент. 2012 г.; Новосибирск, 8–22 окт. 2012 г.). Новосибирск, 2013. С. 149–156.

24. Туманик Е.Н. Сведения о Восточной Сибири и ее Приморской области в «Живописном альбоме» Гектора Бильдзюкевича [50-е гг. XIX в.] / Е.Н. Туманик // Сибирский плавильный котел: Социал.-демогр. процессы в Сред. Азии XVI – нач. XX века. Новосибирск, 2004. С. 137–153.

25. Туманик Е.Н. Сибирский писатель и этнограф Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915): новые материалы к творческой биографии / Е.Н. Туманик // Гуманитарные науки в Сибири, 2013. № 3. С. 15–18.

26. Туманик Е.Н. Становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX в.: предпринимательская инициатива Юзефа Адамовского / Е.Н. Туманик // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 120–127.

27. Туманик Е.Н. Хроника повседневности и проблемы коммуникативного взаимодействия власти и общества по материалам прошений поляков Томской губернии за 1860–1861 гг. / Е. Н. Туманик // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города

XVII–XIX веков. Новосибирск, 2008. С. 107–147.

28. Туманик Е.Н. Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX века / Е. Н. Туманик; отв. ред.: М. В. Шиловский, М.: Волос, 2011

29. Ханевич В.А. Поляки в истории и культуре Томска // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи: (Нац.-культ. панорама Том. обл.). Томск, 2000. С. 53–60.

30. Шостакович Б.С. К вопросу о взаимоотношениях поляков в Сибири с Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным [60-е гг. XIX в.] // Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева. (30 окт. 1992 г.): Тез. докл. и выступлений. Иркутск, 1992. С. 11–13.

31. Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Дьяков В.А. (отв. ред.). М.: Наука, 1993.

32. Наленч Д. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. / Пер. с пол. М.: Политиздат, 1990.

УДК 006.90 (086.6)

Минина Наталья Алексеевна,
Новосибирский государственный краеведческий музей,
minina_n@ngs.ru

Первая мировая война: коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея

Аннотация: Новосибирский краеведческий музей основан в 1920 г. Тематическая коллекция по Первой мировой войне собиралась на протяжении всей истории музея и насчитывает более двухсот предметов. В основном коллекция сформировалась в советское время, когда не было государственного заказа на целенаправленное комплектование артефактов войны, поэтому коллекция собрана случайным, спонтанным образом. Коллекция не подвергалась научной обработке, у большинства предметов нет легенды, большой блок предметов относится к «старым» поступлениям музея, происхождение которых неизвестно. Эти особенности затрудняют работу с коллекцией, безусловно, снижают её информативность. Но в то же время коллекция разнообразна, и при известных усилиях возможно качественное использование в выставочной и образовательной деятельности.

Коллекция музея представлена вещественными артефактами войны (краеведческая часть) и предметами архивного фонда (документы, фотографии, почтовые открытки). Краеведческая часть немногочисленна, но наиболее аттрактивна, это: фалеристика (военные награды, знаки, жетоны), оружие, металлы, одежда. Уникальными являются некоторые предметы формы и обмундирования периода войны, причем в музее была лишь форма противника, и только в настоящее время фонды пополнились военным мундиром Российской императорской армии. Многочисленностью предметов отличается архивный фонд коллекции, и прежде всего фотофонд: музей хранит комплекты фотографий двух крупных армейских подразделений: 5-го Сибирского стрелкового полка и 4-го Сибирского стрелкового корпуса. Это подлинная фотохроника войны, достаточно редкая для регионального уровня. В коллекции также содержатся разнообразные документы и российские периодические издания военного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война; Тематическая коллекция; Новосибирский краеведческий музей; комплектование; архивный фонд; фалеристика; оружие; боевые награды; Георгиевский крест; Русская императорская армия; Фотохроника; военнопленные.

Тематическая коллекция музея по Первой мировой войне подтверждает известный тезис, что в нашей стране эта война – забытая: коллекция является ровесницей музея, но никогда не изучалась и не экспонировалась, за исключением отдельных предметов. Лишь через сто лет, благодаря юбилейным мероприятиям, музеем проведена систематизация собранной

коллекции. Выявлено немало интересных, даже уникальных предметов, относящихся к различным музейным коллекциям, таким как оружие, металлы, фалеристика, одежда и ткани, фотографии, документы и фамильный фонд.

В процессе обработки коллекции выяснилось, что ее формирование неразрывно связано с историей самого Краеведческого музея, который, как любая организация «со стажем», переживал периоды взлетов и падений. Собранные до Великой Отечественной войны предметы получили название «старых», отличительная черта которых заключается в отсутствии сведений о поступлении предмета и его предыдущей истории. Большинство предметов коллекции по Первой мировой войне, а именно самой интересной ее части – краеведческой – происходят как раз из «старых» поступлений. Это: оружие (холодное и огнестрельное), шанцевый инструмент, предметы формы, фалеристика (боевые награды, жетоны и знаки). Восстановить историю данных предметов не представляется возможным, но мы предполагаем, что это одни из первых экспонатов музея.

Первая мировая война неожиданным образом пересекается с началом музейного дела в нашем городе. Общеизвестно, что Краеведческий музей основан в 1920 г., но в стороне остается тот факт, что местное отделение «Общества изучения Сибири и улучшения её быта» еще в конце 1914 г. приняло решение об открытии библиотеки-музея для «систематического изображения современной действительности» [1, с. 91]. Активистами Общества были весьма известные в городе люди: Н.П. Литвинов, Г.И. Жерновков, причем последний в 1920 году был председателем совета «Музея производительных сил Сибири»¹. Также отметим, что с самого начала войны проводилась масштабная государственная кампания по ее увековечиванию. В нашем городе она выразилась в двух заметных акциях: в строительстве «Музея Европейской войны и Дома инвалидов» по проекту А.Д. Крячкова (достроен как Дом Красной Армии) и в устройстве братского кладбища для участников войны, скончавшихся в госпиталях города. Очевидно, что энтузиасты создания музея не могли обойти тему идущей войны, и наверняка ее свидетельства собирались по горячим следам. В 1920 г. газета «Дело революции» в репортаже об открытии первого в городе музея писала: «...что раньше собиралось годами, ныне представлено в несколько месяцев...», тем самым косвенно подтверждая наши доводы, что основа музейного собрания создавалась задолго до официального открытия². Возможно, мы заблуждаемся в своих предположениях. Но в любом случае сейчас, по прошествии ста лет, предметы из «старых» поступлений – наиболее ценные в коллекции по Первой мировой войне. Прежде всего, это военная форма.

Форма времен Первой мировой войны в музейных собраниях России вообще является редкостью, причем форма Российской императорской армии

¹ НГКМ. Фамильный фонд Г.И. Жерновкова

² Голос Сибири. 8 августа 1920 г. № 165.

по известным причинам составляет даже большую редкость, чем форма противников. В Краеведческом музее хранятся подлинные предметы формы германской армии – немецкие каски (Pickelhaube), которые воспринимаются как символ германского милитаризма начала XX века и офицерский мундир Прусского Померанского гусарского Блюхера фон Вальштатта полка № 5¹. Их история, как уже было замечено, неизвестна, но предполагается, что мундир, как и каски, могли принадлежать военнопленным германской армии, попавшим в Сибирь или конкретно в Новониколаевск (в 1915 г. в городе был устроен концлагерь для размещения 8 тысяч пленных). Мундир мог быть и военным трофеем новониколаевского 41-го Сибирского стрелкового полка, который зимой 1914–1915 гг. воевал в Восточной Пруссии с XII германской армией, в составе которой был данный гусарский полк.

К старым поступлениям относится оружие времен Первой мировой войны – холодное и огнестрельное, остатки боеприпасов. Оружие не так многочисленно: из огнестрельного – винтовки Мосина, несколько револьверов системы Нагана. Холодное оружие представлено отечественными и зарубежными образцами. Это шашки (казачьи, драгунские офицерские и солдатские), пики. Некоторые предметы из коллекции оружия являются случайными находками. Например, секач английского производства, который в мирное время был садовым инструментом, а на фронте использовался в окопах в качестве холодного оружия, был найден в Новосибирске при рытье погребов в районе реки Ельцовки.

Фалеристика времен войны представлена в музее только отечественными образцами – боевыми наградами, знаками отличия, памятными жетонами. Это Георгиевские кресты всех степеней и Георгиевские медали «За храбрость», причем есть образцы Георгиевских медалей не только царского времени, но и периода Временного правительства. Из небоевых – медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» и знак ордена Анны III степени. Заслуживают внимание воинские знаки Русской императорской армии: ополченский знак с девизом «За Веру, Царя, Отечество», призовой знак «За отличную стрельбу» и единственный в коллекции полковой знак 42-го Сибирского стрелкового полка, располагавшегося в Томске. В целях увековечивания памяти об идущей войне в России в большом количестве изготавливались жетоны «В память Великой войны» в различных вариациях, а позже – «Верховный Главнокомандующий генерал Брусилов». Стоит отметить достаточно редкий жетон «Орел с самолетом и Андреевским флагом», который вручался пожертвовавшему 100 рублей на воздушный флот. Жетон был учрежден в 1912 г. Особым Комитетом по усилению военного флота на добровольные пожертвования – организацией, которая построила первые авиашколы в Гатчине и Севастополе.

---

¹ НГКМ. 20026/4 (осн.фонд), 19248 (осн.фонд).

В коллекции единственный знак об окончании военного училища, но тем приятнее, что принадлежал он новониколаевцу, выпускнику 1916 г. Иркутского военного училища Тихомирову Александру, сыну известного в нашем городе инженера Н.М. Тихомирова.

Среди наград есть и находки. Например, Георгиевский крест 3 степени был найден в 1988 г. на болоте за Юго-Западным жилмассивом Новосибирска. Крест, как выяснилось, был пожалован за личный подвиг в бою против неприятеля 9 марта 1915 г. Тамбовцеву Егору Анастасовичу, подпрапорщику лейб-гвардии Волынского полка.

Таким образом, имеющаяся в коллекции фалеристика позволяет познакомиться с отечественной наградной системой и знаками времен Первой мировой войны, но, к сожалению, неизвестны имена награжденных и реальные истории их боевых подвигов. Исключением являются два комплекта военных наград, принадлежавших А.А. Неганову и П.Ф. Хрибкову – жителям Новосибирской области, активным борцам за Советскую власть в годы гражданской войны. Нужно заметить, что немалую часть данной коллекции составляют предметы, принадлежавшие участникам гражданской войны, которые в прошлом были фронтовиками Первой мировой. В экспозиционной и выставочной работе такие предметы использовались, но в основном в контексте других событий – революции и гражданской войны, юбилеев героев.

Вторая часть коллекции, представленная архивным фондом, отличается сравнительной целостностью и содержательностью. В архивную часть входят документы, фотографии, фотоальбомы, почтовые открытки – практически все они поступили в музей после Великой Отечественной войны, в 1950–1990 гг. и продолжают поступать до сих пор. В подавляющем большинстве это дары населения, которые передавались в музей вместе с семейными реликвиями.

Эмоциональным средством в любой музейной экспозиции является фотография; в нашей коллекции фотографии периода Первой мировой войны многочисленны и представлены разными жанрами. Как правило, в музейных собраниях из военных фотографий наиболее распространены «парадные» салонные фотопортреты. Но наибольшую ценность представляют репортажные фото, запечатлевшие не только парадно-героическую сторону, но и повседневный быт солдата с «окопной правдой» и всеми ужасами войны. Музею в этом смысле очень повезло: в фондах хранятся фотолетописи двух крупных армейских подразделений русской армии – 5-го Сибирского стрелкового полка и 4-го Сибирского стрелкового корпуса. В комплекте фотографий 5-го Сибирского полка более пятидесяти фотографий: портретные, сюжетные, видовые, сравнительно много фотографий погибших, в том числе от газов. Автором фотоснимков является житель Новониколаевска И.П. Циклинский, профессионально владевший фотоделом.

Два фотоальбома 4-го Сибирского стрелкового корпуса содержат 108 фотографий, ценных тем, что все они прекрасного качества, с развернутой аннотацией: место, событие, дата, что позволяет проследить боевой путь

корпуса. В силу своей редкости для собраний региональных музеев в этих альбомах привлекают фотографии военной техники: аэростаты, грузовые автомобили, прожекторные установки, артиллерийские орудия. Среди портретных фотографий интересны снимки военнопленных – немцев, австро-венгров и турок, а также союзников России – румын и сербов.

Кроме того, в 1957 г. музею был подарен фотоальбом «Новониколаевск в 1917 году» его автором фотографом Д. П. Багаевым, бывшим служащим 21 сибирского стрелкового запасного полка. В альбоме нет фронтовых фотографий, но виды тылового Новониколаевска, а тем более армейские соединения на улицах нашего города в дни войны и Февральской революции, безусловно, интересны. Стоит отметить, что в данной музейной коллекции вообще очень мало местного материала, связанного непосредственно с городом или территорией современной Новосибирской области: отсутствуют какие-либо материалы о полках, дислоцировавшихся в нашем городе, крайне скупо представлены новониколаевцы-участники войны.

Ценные архивные предметы коллекции выявлены в фамильном фонде музея. Фамильный фонд – это персональные комплексы, которые с 1950 гг. целенаправленно собирались музеем по профессиональному и событийному признакам [2, с. 90]. Среди 665 персоналий более 20 заявлены как участники Первой мировой войны. Но, как выяснилось, участие в войне – лишь страница жизни героев гражданской войны, советских и партийных руководителей, участников Великой Отечественной войны, сотрудников НКВД, делегатов различных съездов – и в материалах фондов, как правило, их участие в «Великой войне» не отражено. Исключением является фамильный фонд П.Е. Щетинкина, содержащий фронтовые фотографии, подробную биографию, составленную его дочерью, а также некоторые артефакты войны. С другой стороны, во многих персональных комплексах содержатся весьма любопытные документы и фотографии, которые раскрывают неизвестные страницы жизни этих людей во время войны. Например, на линии фронта работал хирургом Красного Креста известный врач, профессор В.М. Мыш – позже он рассказал об этом эпизоде своей жизни в рукописной автобиографии, но совершенно умолчал об этом периоде в официальном жизнеописании, опубликованном в 1945 г.¹ Служила военным врачом РОКК и его ученица Е.С. Чикунова. Кроме этого, материалы фамильных фондов говорят о работе в военных госпиталях врача и активного члена различных общественных организаций, новониколаевца Е.М. Сафонова и новосибирца, врача-венеролога Г.А. Истомина².

Часть фамильного фонда целенаправленно комплектовалась из архива УФСБ по Новосибирской области, в результате чего в музей поступили уникальные документы одного из первых русских авиаторов

---

¹ НГКМ. Мыш В.М. Мой путь врача-специалиста. 1945. 9556 (осн. фонд); фамильный фонд В.М. Мыш.

² НГКМ. Фамильные фонды: Е.С. Чикуновой; семьи Сафоновых; Г.А. Истомина.

Б.С. Масленникова. Масленников в 1911 г. открыл первую в России частную летную школу «Орел» в Москве, а в годы войны занимался подготовкой русских летчиков. Из того же источника поступили фотографии и документы участника войны, военного врача, доктора медицины Н.П. Шаврова, основателя факультета фармакологии НГМУ¹.

Еще один блок архивной части коллекции – открытые письма, которые во время войны становятся средством пропаганды. Открытки разнообразные – художественные, документальные, благотворительные. Особенное внимание привлекают патриотические открытки московского издания фабрики А.Ф. Постнова, выполненные в жанре военной сатиры: лубочный рисунок в сопровождении сатирического стишка карикатурно изображает противника и, наоборот, прославляет ратный подвиг, силу и смекалку русского солдата. Например, на одной из открыток – известный герой войны казак Козьма Крючков, насадивший на пику дюжину германцев... Примечательно, что эта мажорная «ура-патриотическая» серия была выпущена в начале войны. Открытки последующих лет, входящих в коллекцию, носят в основном благотворительный характер.

Документы периода войны разнообразны: это личные документы солдат – увольнительные свидетельства, записные книжки, письма с фронта родным и любимым (в единичных экземплярах), должностные свидетельства; карты западного и русского фронтов; билеты военных займов, а также пропагандистские документы – листовки, объявления, воззвания. В основном эти материалы поступали в комплексе мемориальных предметов от родственников бывших участников войны. Такие документы знакомят с идеалами и порядками царской армии и позволяют почувствовать «дух» того времени. Например, «записная книжка для нижних чинов» – аналог красноармейской книжки – предварялась и завершалась молитвой и содержала пояснение понятий, которые следовало знать каждому солдату: «...Присяга есть клятва, данная Богу, служить Верою и Правдой Государю, Наследнику Престола и отечеству, хотя бы пришлось и умереть за них... Знамя есть полковая святыня, под которою собираются все верные присяге воины, чтобы защитить до смерти Православную веру, Царя и Отечество. Знамя – Царское благословение полку... Всякий воин (солдат) есть слуга Государя и Отечества и защитник от врагов внешних и внутренних... Солдатом называется и первый генерал, и последний рядовой...» Большинство документов пропагандистского характера, входящих в коллекцию, имеют противоположное содержание и направлены как раз на расшатывание вековых традиций армии, например, в 1917 г. «Солдатская марсельеза» призывала: «Отречемся от гнусного долга, от преступной присяги своей, вспомним, братья, мы заповедь Бога: не клянись головою твоей...»².

¹ НГКМ. Семейные фонды: Б.С. Масленникова; Н.П. Шаврова.

² НГКМ. Песни и стихотворения свободы. – Вологда, 1917. 16971/36 (осн. фонд).

Заслуживает внимания фонд периодических изданий. Конечно, музей не может соперничать с библиотеками, которые обладают более полными коллекциями. Тем не менее, хранящиеся в музее некоторые издания периода Первой мировой войны на региональном уровне могут быть редкостью. В основном в музее отложились центральные издания, номера которых частично или полностью посвящены войне: несколько выпусков альманаха «Великая война в образах и картинах», иллюстрированные журналы: «Искры», «Родина», «Огонек», «Солнце России», «Новый Сатирикон». Из местных изданий – несколько номеров газет «Алтайское Дело» и «Голос Сибири».

В настоящее время музей продолжает комплектование предметами, которые закрывают известные «лакуны» данной коллекции. Недавно музей пополнил свои фонды мундиром унтер-офицера стрелкового полка Русской императорской армии образца 1907 г., а такая неизвестная страница той войны, как пребывание военнопленных в нашем городе, отражена в недавно приобретенных открытках военнопленных, отправленных из Новониколаевска.

Итак, несмотря на свою относительную немногочисленность, коллекция Новосибирского краеведческого музея позволяет создавать полноценные выставочные проекты на основе подлинных предметов, в том числе уникальных. Сейчас задачей музея, призванного популяризировать культурно-историческое наследие, является в широком смысле публикация данной коллекции. В 2013 г. музеем совместно с Министерством культуры Новосибирской области разработан специальный проект «1914» – виртуальная выставка музейных предметов Первой мировой войны, которая разместится на сайте Краеведческого музея. В этом проекте будет представлена не только коллекция НГКМ, но и коллекции музеев Новосибирской области. Проект «1914» включает в себя также экспонирование подлинных предметов коллекции, и в текущем году ее часть была представлена на одноименных выставках в музеях области – в Ордынском и Бердском историко-краеведческих музеях. Наиболее полный показ коллекции осуществится в стенах самого Новосибирского краеведческого музея на выставке, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны.

Литература

1. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893–1993: [хроника] / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1993. – 471 с.
2. Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея/отв. ред. Шаповалов А.В. – Новосибирск: Сибпринт, 2011. – 402 с.

УДК 94(47)

**Павлова Наталья Иннокентьевна,
Гайер Ирина Николаевна,**
Музейный комплекс г. Куйбышева
(г. Куйбышев Новосибирской области),
m1056@mail.ru

Сыны земли Каинской на фронтах Первой мировой

Аннотация: В статье перечисляются фамилии и даны краткие биографические сведения участников Первой мировой войны – уроженцев Каинского уезда Томской губернии (ныне Куйбышевский, Венгеровский, Кыштовский районы Новосибирский области) и частично Тарского и Татарского уездов Тобольской губернии (ныне Омская область). Данные материалы хранятся в фондах Музейного комплекса г. Куйбышева. Научной основой статьи являются воспоминания сторожилов г. Куйбышева (до 1935 г. – Каинск), собранные директором дома-музея В.В. Куйбышева 1953–1981 гг. А.В. Обласовой, воспоминания участников гражданской войны и установления Советской власти на территории Каинского уезда, собранные самим участником гражданской войны в Сибири, кадровым военным М.И. Ступаковым.

Главная задачи статьи – восстановить поименный список участников Первой мировой войны – жителей Каинского уезда на основе вышеобозначенных материалов и исследовательской работы сотрудников Музейного комплекса г. Куйбышева. Это первая попытка обобщить краеведческие материалы по данной теме.

Работа является частью проекта «Первая мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки участников Первой мировой войны, уроженцев Каинского уезда Томской губернии». В данном проекте учитываются нижние чины, пришедшие с фронта живыми, а не погибшие, списки которых размещены на сайте Российской государственной библиотеки в свободном доступе.

Авторам удалось найти и уточнить по материалам краеведческого и мемориального дома-музея В.В.Куйбышева Куйбышевского района и воспоминаниям и личным архивам граждан г. Куйбышева и района 91 фамилию участников Первой мировой войны – уроженцев Каинского уезда Томской губернии. Для участников Первой мировой войны, впоследствии участвовавших в революционном движении по установлению советской власти в Каинском уезде Томской губернии, представлена краткая биография.

Поисковая работа продолжается. Данные материалы востребованы для выставочной деятельности музеями, библиотеками, учебными заведениями, Салоном памяти Куйбышевского района.

Ключевые слова: Первая мировая война, Каинский уезд, участники Первой мировой, М.И. Ступаков, А.В. Обласова.

В фондах Музейного комплекса г. Куйбышева хранятся фотографии и биографические сведения участников Первой мировой войны – наших земляков. Данные материалы собраны директором дома-музея В.В. Куйбышева в 1953–1981 гг. А.В. Обласовой и участником гражданской войны в Сибири, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кадровым военным М.И. Ступаковым, которые положены в основу данной статьи. М.И. Ступаков в своей книге рассказывает о бывших фронтовиках Первой мировой войны как об участниках гражданской войны на территории северных волостей Каинского уезда Томской губернии (ныне Куйбышевский, Венгеровский, Кыштовский районы Новосибирской области) и частично Тарского и Татарского уездов Тобольской губернии (ныне Омская область) [1, с. 5–12, 15–21, 58, 66–67].

Судьба каждого из них – это часть судьбы общенародной. И в то же время она индивидуальна, неповторима. Главный источник, использованный при подготовке данной статьи – воспоминания местных жителей, записанные с 1957 по 2014 г. и хранящиеся в фондах музея¹. Они были дополнены материалами хранящихся в музее местных газет².

Кучумов Василий Дмитриевич. Родился в 1892 г. в д. Монино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). Призван в царскую армию в 1913 г. В годы Первой мировой войны в чине офицера командовал разведкой. За храбрость в боях награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в фельдфебели. После Февральской революции был избран председателем солдатского комитета, преследовался при Временном правительстве за большевистские взгляды, участвовал в его свержении в Петрограде. По возвращении с фронта домой избран в состав первого волостного большевистского Совета. После разгрома колчаковщины командовал отрядом ЧОН, участвовал в подавлении ишимского кулацкого мятежа 1921 г., был зам. председателя коммуны «Солнце труда», председателем колхоза и сельсовета. Погиб в 1942 г. на фронте Великой Отечественной войны.

Золоторенко Фома Иванович. Родился в 1890 г. в д. Монино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области) в семье ссыльного. За мужество и храбрость Фома Иванович был произведен в старшие унтер-офицеры, награжден именованным оружием, царской

---

¹ Воспоминания Б.Г. Розенфельд о братьях Фурман (28.12.1957 г.); Воспоминания М. Васильева о А.В. Горовоце (23.06.1957 г.); Воспоминания А.Н. Угодиной о братьях Золоторенко (20.10.1972 г.); Воспоминания Зырянова о А.Е. Копьеве (26.09.1962 г.); Воспоминания В.Я. Кострулевич о Л.М. Кострулевиче (13.12.1957 г.); Воспоминания М.Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино (12.11.2013 г.); Воспоминания Е.В. Розан о Н.Н. Малахове, С.К. Думбове, И.А. Томзикове (20.08.2014 г.).

² Памяти т. Пугача // Коммуна (газета). 1930, март, № 31.

медалью, 3-мя Георгиевскими крестами и представлен к четвертому «Георгию». На фронте сблизился с большевиками. После Февральской революции солдаты выбрали его командиром полка. За отказ вести полк в наступление по приказу Керенского Золоторенко арестован, лишен всех наград и предан военному трибуналу. От расстрела его спасла Октябрьская революция. Вернувшись домой, избирается делегатом на волостной съезд Советов. В июне 1919 г. организовал партизанский отряд. 19 сентября 1919 г. был пойман белогвардейцами, жестоко истерзан и живым закопан в яму 20 сентября 1919 г. близ с. Шипицино.

Золоторенко Иван Иванович. Младший унтер-офицер. Служил в г. Харбине в 618-й дружине. После демобилизации вернулся в родную деревню Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). Вел активную работу против эсеров. В 1919 г. вместе с братом Фомой Золотаренко организовал партизанский отряд, который и возглавил после смерти брата. Умер в 1927 г. от туберкулеза легких.

Васильев Макарий Савватеевич (1896–1967). Сын моряка, участвовавшего в первой русской революции и находившегося при царском режиме под надзором полиции. Васильев рано познакомился с нелегальной литературой. С 1915 г. он находился на фронте в чине старшего унтер-офицера. После ранения служил в Омске, где вступил в ряды РСДРП(б) и был избран председателем солдатского комитета. Омская партийная организация направила его для организации советских местных органов власти в деревне, в Шипицинскую волость.

Поповцев Вонифатий Антонович. Родился в 1892 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области) в семье крестьянина-середняка. Участник Первой мировой войны (618-я Харбинская ополченская дружина). После Февральской революции 1917 г. избирается председателем солдатского комитета дружины, участвует в организации восстания против генерала Хорвата. В марте 1917 г. вступает в партию большевиков и ведет активную борьбу за Советы. После возвращения с фронта в составе партизанского отряда воюет против колчаковцев. Член Ревкома Шипицинской волости. Умер в марте 1920 г. от тифа в д. Минино.

Поповцев Зиновий Леонтьевич. Родился в 1897 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1916 г. призван в царскую армию, направлен на фронт. В 1917 г. вернулся домой. Во время восстания против колчаковцев одним из первых вступил в партизанский отряд Золоторенко Ф.И. В ночь с 20 на 21 сентября 1919 г. его зверски изуродовали белогвардейцы и еще живым закопали в яму недалеко от с. Шипицино.

Горовацан Антон Викторович. Родился в 1897 г. Окончил Режецкую гимназию. Семья Горовацан переселилась в Сибирь и проживала в деревне Тимофеевке Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский

район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, был писарем штаба. Октябрьскую революцию встретил в Псковской тюрьме, куда был посажен за пропаганду против Временного правительства. В Пскове он вступил в партию большевиков. В августе 1917 г. вернулся в д. Тимофеевку. Во время восстания против Колчака в июне 1919 г. избран начальником партизанского штаба севера Каинского уезда. 10 августа 1919 г. был повешен в с. Шипицино.

Горовацан Эдуард Викторович. Родился в Латвии в 1892 г. Вместе с родителями переехал в Сибирь в д. Тимофеевку Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1916–1917 гг. находился в царской армии, член солдатского комитета. Член РКП(б) с 1920 г., боец ЧОН, административный и партийный работник. В годы Великой Отечественной войны – начальник политотдела дивизии. Погиб на фронте в 1943 г.

Поротников Георгий Иванович (1894–1936). Родился в с. Шипицино Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области), в семье среднего крестьянина. В мае 1915 г. призван в армию, окончил учебную команду в 26-м Сибирском стрелковом запасном полку и осенью 1915 г. был отправлен на фронт, где командовал пулеметным взводом в 16-м стрелковом полку на Северо-Западном фронте. После Февральской революции избран в состав солдатского комитета, а затем был делегатом на армейский съезд от своего полка, за участие в котором отстранен от должности командира взвода и откомандирован в другую дивизию той же армии. За выступление против наступления, объявленного Керенским в июне 1917 г., арестован и осужден военно-полевым судом в дисциплинарный батальон, из которого бежал и скрывался в Риге. Там он познакомился с рабочими Рижских вагоноремонтных мастерских и вступил в РСДРП (б). В январе 1918 г. вернулся в с. Шипицино.

Макаров Владимир Михайлович (1889–1926). Родился в семье политического ссыльного в д. Ключевой Усть-Тартасской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1915 г. выпускник Московского коммерческого института. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. за антиправительственную пропаганду молодого прапорщика выслали из пределов действующей армии. В начале 1918 г. он становится инструктором Центрального революционного штаба московского военного округа как член ЦИК рабочих и солдатских депутатов Западного фронта. После возвращения с фронта домой избран членом 1-го Спасского Совета. С июня 1919 г. – командир партизанской армии (в армию входило несколько партизанских отрядов).

Венгеров Михаил Трофимович. Родился в 1895 году в селе Спасском (ныне с. Венгерово Новосибирской области) в семье высланного из Херсонской губернии бедняка. Призван в армию в 1915 г. Февральскую революцию встретил в Петрограде. Участвовал в свержении Временного правительства. В Петрограде вступил в партию большевиков. По возвращении домой –

комиссар партизанского отряда на севере Каинского уезда. 26 июля 1919 года расстрелян белогвардейцами на берегу реки Тартасс в с. Спасское.

Показанов Павел Осипович. Родился в 1893 г. в с. Кама Каминской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области), в семье крестьянина-середняка. В 1914 г. призван в царскую армию в артиллерию, окончил учебную команду, удостоен звания младшего унтер-офицера и направлен на фронт. За храбрость в боях во время войны награжден всеми 4-мя степенями Георгиевских крестов и удостоен звания прапорщика. После ранения в 1916 г. попал в госпиталь в г. Петроград, а после излечения назначен в артиллерийский полк Петроградского гарнизона. После Февральской революции 1917 г. избирается председателем солдатского полкового комитета, вступил в ряды РСДРП(б). В Октябрьскую революцию Павел Осипович участвует в разоружении Михайловского юнкерского училища. После Октябрьской революции командирован в г. Омск и назначен военным комендантом города (станции) Омск, но в связи с болезнью был демобилизован и прибыл к себе на Родину. Принимал участие в установлении Советской власти в Каинском уезде. 28 июля 1919 г. расстрелян белогвардейцами в числе 10 человек близ с. Кама в роще.

Артемьев Петр Максимович (1893–1919). Родился в г. Каинске в бедной семье. На фронте, после Февральской революции избран председателем солдатского комитета, а в апреле 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). Осенью 1917 г. вернулся с фронта и вел активную работу по организации Советской власти в Каинске и уезде.

Пиотровский Павел Карлович (1895–1918). Родился в г. Новониколаевске. Окончил гимназию, в дальнейшем получил юридическое образование. На фронте вступил в партию социал-демократов в 1917 г. В 1918 г. губкомом партии г. Новониколаевска командирован в город Каинск для усиления парторганизации в городе и организации Советской власти в уезде.

Фурман Моисей Исаевич (1897–1919). Родился в г. Каинске. Окончил городскую школу и работал наборщиком в типографии. После возвращения с фронта участвовал в гражданской войне на территории Каинского уезда, член 1-го большевистского Совета Каинского уезда.

Копьев Алексей Егорович (1887–1920). Родился в д. Алексеевка Верхне-Красноярской волости Каинского уезда (ныне Северный район Новосибирской области). В годы Первой мировой войны служил на крейсере «Аврора». После Февральской революции был председателем судового комитета. В ряды РСДРП(б) вступил в 1917 г. В дни Октябрьской революции участвовал в штурме Зимнего дворца в г. Петрограде. В начале 1918 г. его направляют на продовольственную работу в Каинский уезд.

Чубыкин Иван Савватеевич (1883–1921). Родился в семье крестьянина-бедняка в д. Межовке Биазинской волости Каинского уезда (ныне Кыштовский район Новосибирской области). В 1915 г. призван в армию в 617-ю ополченскую дружину в г. Омск. В 1916 г. отправлен на Кавказский фронт. Там он знакомится с революционно настроенными солдатами и

становится сочувствующим большевикам. В 1917–1918 гг. после возвращения с фронта Чубыкин принимает активное участие в борьбе за установление Советской власти в Каинском уезде.

Шиманович Иван Михайлович (1896–1919). Родился в г. Барабинске в семье служащего. Окончил гимназию и работал телеграфистом. В 1915 г. призван в царскую армию, окончил школу прапорщиков и направлен на фронт. После Февральской революции избран в солдатский комитет. После Октябрьской революции вернулся домой и принимал активное участие в борьбе с белочехами.

Добрыгин Павел Родионович (1892–1919). Родился в с. Кама Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области) в семье крестьянина-середняка. В 1913 г. призван в царскую армию в кавалерию. В 1914 г. направлен на Западный фронт, председатель солдатского комитета, член РСДРП(б). После возвращения с фронта избран в I-й Каминский волостной Совдеп. Активный участник гражданской войны на территории Каинского уезда.

Закриевский Макар Степанович (1884–1918). Родился на Украине. Выслан в Сибирь. Во время Первой мировой войны находился на фронте в чине старшего унтер-офицера, затем прапорщиком. После Февральской революции – председатель полкового солдатского комитета, член РСДРП(б). После возвращения с фронта, в начале 1918 г. избран председателем Совдепа Татарского уезда Томской губернии. Во время мятежа чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. назначен командующим фронтом Красной гвардии.

Копейкин Трофим Мартынович (1889–1919). Родился в г. Минске, сирота, воспитывался у портного еврея. В царскую армию призван в 1910 г. В 1913 г. демобилизован. В 1914 г. призван вновь. После Февральской революции – председатель солдатского комитета, член РСДРП(б). После возвращения с фронта принимает участие в установлении Советской власти в Каинском уезде.

Достовалов Яков Васильевич. Родился в с. Балман (предположительно в 1879 г.). Участник Русско-японской и Первой мировой войны. Унтер-офицер царской армии. Полный Георгиевский кавалер. В 1918 г. вернулся с фронта, работал в колхозе. 1941–1942 гг. – председатель сельсовета. Умер в 1968 г.

Гетман Евгений Федорович (1886–1962). Переселенец из Полтавской губернии. С 1910 г. по 1913 г. служил в Петрограде, затем воевал на фронте. За мужество награжден двумя Георгиевскими крестами. Вернулся домой в чине старшего унтер-офицера убежденным сторонником партии большевиков.

Скультецкий Василий Станиславович (1884–1966). Призван в 1914 г. из с. Тюленево (Ново-Плотниково) Верх-Ичинской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Воевал на Румынском фронте в 1916–1917 гг. Был в плену в Румынии.

Семенов Павел Дмитриевич (17.08.1890 – 09.01.1938). Родился в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский

район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Со слов родственников, в годы Первой мировой войны видел В.И. Ленина и слушал его выступления, распространял листовки и прокламации среди солдат. Арестован 14 сентября 1937 г. 9 января 1938 г. расстрелян (кулак-эксплуататор, ст. 58-7-10). Реабилитирован 15 мая 1959 г.

Семенов Алексей Дмитриевич (1880–1963). Родился в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Был в плену, трижды бежал.

Зубков Григорий Иванович. Родился в 1894 г. в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Участник Первой и Второй мировых войн. В Первую мировую был в плену. Пропал без вести в Великую Отечественную войну в 1943 г.

Абросимов Петр Иванович (1896–1919), Акулов Яков Иванович (1895–1919), Алехин Мирон Ефимович – служил в Харбине в 618-й пешей Томской дружине, Артикулов, Бабарькин Егор Игнатъевич, Баранов Николай Иванович, Бейлин Георгий (в биографии, записанной А.В. Обласовой – Александр) Константинович, Безотеческий Петр, Бирюков Сергей Григорьевич, Бирюков Михаил Григорьевич, Бобров Антон Кириллович, Бойченко Семен Андреевич (1896–1919), Ваганов Дмитрий Филиппович, Винокуров Александр Кузьмич, Винокуров Максим, Герасенко Федор Леонтьевич (1895–1919), Гершалов Никифор, Гуроль Николай Петрович (1895–1918), Давыдов Петр Иванович, Епанчинцев Илья Прокопьевич, Ерошенко Лев Терентьевич, Железчиков Перфил Николаевич – георгиевский кавалер, Коробейников Алексей, Кострулевич Леонтий Минеевич (1894–1918), Куницкий Устин Францевич, Лавров Максим Захарович, Леушин Даниил Семенович, Лобанов Александр Ефимович, Малков Николай Гаврилович, Мальцев Демид Никифорович (1895–1919), Марков Игнатий Павлович, Медведев Иван Иванович, Никитин Павел Кондратьевич, Носков Николай Михайлович (1889–1919), Ожерельев Василий Киприянович (1894–1944), Папшев Яков Матвеевич (1894–1918), Поляченко Амплей Илларионович (1895–1919), Посохин Петр Михайлович, Пугач Иван Савельевич (1893–1930), Пуртов Артемий Кириллович (1890–1919), Пушкарев Александр Леонтьевич, Руденков Даниил Митрофанович (1895–1919), Рыбин Никон Петрович, Рыбин Иван Петрович, Смышляев Иван Васильевич (1895–1949), Смышляев Василий Васильевич (1880–1944), Суслов Михаил Яковлевич (1892–1920), Суходолов Николай Васильевич, Татаркин Егор Сысоевич, Тюрин Павел Леонтьевич (1887–1919), Тюрин Дмитрий Леонтьевич (1889–1919), Урюпин Ефим Елисеевич (1897–1919), Ушаков Аким Иванович, Цепелев Прокопий Матвеевич, Цимбалюк Александр Афанасьевич, Чепкой Илья Максимович (1896–1919).

Это далеко не полный список участников Первой мировой войны – наших земляков. Данная работа будет продолжена краеведами, историками, сотрудниками музеев. Пройдут годы, новые десятилетия и фамилии наших земляков будут бесценным свидетельством Первой мировой войны.

Литература

1. Ступаков М.И. За правое дело. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАРБ	Государственный архив Республики Бурятия
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГАЧО	Государственный архив Читинской области
ИАОО	Исторический архив Омской области
НАРС(Я)	Национальный Архив Республики Саха (Якутия)
НГКМ	Новосибирский государственный краеведческий музей
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Summaries

Kann, Sergey Konstantinovich,

Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); skann@yandex.ru

Military and Political Aspects of Construction of the Trans-Siberian Railway (Late XIX – Early XX Century)

The article substantiates the priority of military-political tasks connected with preparation and initial implementation of the Trans-Siberian railway project during the late XIX – early XX century. It determines their correlation with other social and economic tasks along with analysis of various Imperial governmental bodies (Communications, Finance, Military) participation in the project. The first projects of Siberian railways in the 1830s had obvious commercial and industrial focus. However, later the nation-wide objectives came to the fore. The article discusses the transition from the concept of mixed water-rail sections to creation of a continuous rail line. Sharp deterioration of international relations in the Far East during the second half of the 1880s led to the project development of the separate rail sections, and then "unbreakable" Siberian Railway. At this stage, the leading role in the design of the Trans-Siberian was played by the Military Department. Growing tension between the Department of Communications and the Military Department was gradually eliminated, and after the nomination of S.Yu. Vitte as Minister of Finance (1892) a detailed plan for the practical implementation of the project was developed. The article shows that the essential elements of the plan (scheme of work split in three phases, construction of large iron bridges across the Ob and Yenisei, and so on) were determined by military and strategic priorities. Vitte developed the plan of "auxiliary enterprises of the Siberian Railway" intended to create a financial, economic and commercial conditions for payback from the future railway, without which it was impossible to count on the achievement of the military and political goals. As a result, Russia managed to successfully complete the Trans-Siberian project and to create conditions for its further development, despite the significant lack of resources and largely forced limitation of the free action.

Keywords: Trans-Siberian railway, Transsib, development of the project, railway construction, military and political aspects, Far East, preparing for the Russian-Japanese War, Posyet K.N., Vitte S.Yu., Kulomzin A.N., Committee of the Siberian railroad.

Kirillov, Alexey Konstantinovich,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University; alkir.nsk@gmail.com

"An Octopus still": Russia in Manchuria on the Eve of the Russian-Japanese War of 1904–1905 in the Mirror of the British Cartographic Cartoons

The article introduces for scientific circulation the cartographic cartoons of the late XIX – early XX centuries previously unused in the analysis of the history of Russian foreign policy. The author uses cartoons in order to study the evolution of European attitudes to Russia depending on the twist and turns of its foreign policy. For a detailed analysis the two cartoons (classics of the genre) are taken. They were drawn by an English artist Frederick Rose, the author of the famous "Octopus map" of Europe in 1877. In 1899 and 1900 he published two cartoon maps with strikingly dissimilar images of Russia. In the first case, Russia was depicted as a human being, in the second case it was represented in the form of octopus expressing the author's critical attitude to the Russian actions in Manchuria. Even in the map of 1899 showing the author's benevolent attitude to Russia there was a perception of Manchuria as a region that irrevocably came under Russian rule. Meanwhile, from the perspective of international law, Russia only enjoyed certain privileges in Manchuria, not inconsistent with the sovereignty of China and not falling under the concept of aggression. Russian historiography tends to describe as aggressive only those aspects of the Far Eastern policy that were associated with the group of "bezobrazovtsy" – the opponents to S.Yu. Witte. Study of European cartography cartoons reveals that long before the resignation of S.Yu. Witte (1903), and to the entry of Russian troops in Manchuria during the Boxer Uprising (1902) the Russian Far Eastern policy was perceived by Europeans as expansion threatening their interests. This helps to clarify ideas about the prerequisites for a war. Along with the victory of aggressive groups in the Russian domestic political struggle one should consider among the prerequisites a heightened perception of the actions of any active Russian foreign observers.

Keywords: Russian-Japanese war, cartography cartoon, "Octopus map", Fred.W. Rose, CER, Port Arthur, Dalianwan, "John Bull and his friends", "Angling in troubled waters".

Vorobieva, Evelyn Alexandrovna,

Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University;
tinva@yandex.ru

Lieutenant Gunji's mission to Kamchatka: Japan and Kamchatka during the Russian-Japanese War of 1904–1905

The article deals with the events in Kamchatka during the Russian-Japanese war of 1904-1905. It reveals details of one of the war's episodes – the Japanese Navy lieutenant Sechu Gunji's expedition to the village of Yavino, that was perceived by the Russians as a Japanese attempt to capture Kamchatka. As long as Sechu Gunji put up in the village of Yavino a pole with an inscription that Kamchatka belonged to Japan from that time onwards, and distributed leaflets of relevant content, it allowed the Russian authorities to accuse Japan of trying to occupy Kamchatka and, in general, of having large-scale aggressive plans regarding the Russian Far East. However, the small size of lieutenant Gunji's contingent, absence of any official support (for example, from the Japanese Navy) and the number of other factors give reason to doubt it.

The article presents a unique biographical information about lieutenant Gunji that was given to the author by Sechu Gunji's granddaughter (Mrs Haruhi Funakava). This information allowed to reconsider the lieutenant Gunji's "expedition". According to Mrs Haruhi Funakava, Gunji as a hereditary samurai could not act otherwise than in accordance with the spirit of Bushido. Negotiations on the matter of Kamchatka's recognition as a Japanese land were considered by the lieutenant Gunji as part of his duty to the fatherland, but he also showed true humanity and respect for the people of Kamchatka.

Keywords: history of Russia, history of the Far East, history of Kamchatka, Kamchatka Commercial and Industrial Society, Russian-Japanese relations, the Russian-Japanese War of 1904-1905, defense of Kamchatka, social consciousness, Yavino events, lieutenant Sechu Gunji.

Degaltseva, Ekaterina Alexandrovna,

Professor of Humanities, Biysk Technological Institute;
katerina3310@yandex.ru.

A.N.Pepelyaev: Formative Years of Biography at the Fronts of the First World War

This article considers formative years of General A.N. Pepelyaev's biography during the World War I in the context of military-historical anthropology. Having used diverse sources the author traced how the military officer A.N. Pepelyaev's way of thinking formed at different stages: during his training in Cadet Corps, at the military school and at the fronts of the World War I. His ideological position and participation in the civil war were mediated by these biographical links. Thus, A.N. Pepelyaev by the end of the World War I had a specific socio-psychological look, a particular way of thinking and behavior, a special type of personality shaped by war. A.N. Pepelyaev didn't become a successful and shrewd politician but made a brilliant military career that underwent an unexpected twist in the dramatic events of our history. The author determined certain qualities necessary for the achievement of these objectives: maintenance of strict discipline, group cohesion, emotional stability in combat and extreme situations.

Keywords: A.N. Pepelyaev, World War I, revolution of 1917, Civil war, military-historical anthropology, military psychology.

Shumilova, Elina Yevgenievna,

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); e-shumilova@yandex.ru

Germans as Perceived by Urban Citizens of Western Siberia in 1914–1917

The paper deals with the problem of West-Siberian urban citizens' perception of German citizens who lived in the Russian Empire before the World War I, as well as of Russian citizens of German nationality and German prisoners of war. Based on the analysis of archival sources and research, the author evaluates the impact of official propaganda on the behavior of citizens. During the war, a secret circular was sent to all corners of the Russian Empire prohibiting to take to school children

and teachers of German nationality. The influence of ideology went as far as not to recommend the teachers of German for the position of supervising teachers. However, in Siberia there was no strong hostility to the Russian citizens of German nationality. This is evidenced, for example, by the satires in the Siberian city newspapers, which ridiculed the prohibition to teach German at schools or listen to German music. The attitudes of local officials to the Austrians and Germans were adequate, some of them even stood up for the people, whose property was confiscated by order of the central authorities. It is concluded that the perception of the Germans in the cities of Western Siberia was generally loyal. Mass consciousness didn't perceive the German people as responsible for unleashing the war, and such perception prevented from creating an image of the bloodthirsty enemy. Urban strata were inclined to perceive the Germans as victims who were forced to take part in the war by order of the authorities.

Keywords: World War I, everyday life, the city of West Siberia, perception, prisoners of war, Germans.

Baksht, Dmitriy Alekseevich,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev;
baksht@mail.ru

The Gendarme Repressions Against Ethnic and Religious Groups in Eastern Siberia (1914–1917)

The main cases of gendarmery's repressions against the "disloyal groups" of population in Eastern Siberia are discussed in the article. It shows the impact of World War I and the imperial army on the civil administration in the rear areas; differences in gendarmery's attitudes to various ethnic and religious groups. Due to the small number of ethnic Germans-immigrants in the population of the Irkutsk Governorate-General, there were no cases of "espionage" among them. However, the author revealed cases of persecution of firms with significant German capital and German staff: the case against the "Singer" and "Siberian Commercial Bank". It was found that the repressive actions against them were initiated from the central bodies of the front administration.

The official harassment of Muslim organizations or associations hasn't been recorded in Eastern Siberia except for the case of Irkutsk Pan-Islamists among the Tatars (1916) inspired by counterintelligence. However, the longest investigations were connected with the Trans-Baikal and Krasnoyarsk Baptists organizations (1915–1917). The guiding role of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs (MVD) is shown in this paper. The author studies various approaches to implementation of repressive requirements: formalism and desire to submit the case to the prosecutor's office in Krasnoyarsk, as well as attempts to award tough sentences in Chita.

The process of persecution of the Jewish population was closely intertwined with the official and domestic anti-Semitism. For the most part this group was accused of "revolutionary" and "disloyal" activities. The complexity of the problem of attitudes towards Zionism was manifested in the case of the Krasnoyarsk Zionists

organization (1914–1916) that ended with a full justification. The paper shows that the political police suffered from the lack of awareness about the "Chinese question".

The factors that reduced the level of state violence against ethnic and religious minorities in the region are discussed: confrontation between various governmental bodies, the subjective positions of the Governor-General and officers of the gendarmery.

Keywords: the gendarmery, World War I, Eastern Siberia, nationalism, the police.

Khomenko, Denis Yurievich,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev;
khomenko_denis@mail.ru.

Anti-Jewish Sentiment in the Yeniseysk Province during The First World war

In the article the author analyzes changes in the Russian population's attitudes towards the Jews in the Yeniseysk province during The First World war. Siberia was characterized by the tolerant attitudes towards the Jews in the XIX - early XX century. Crimes committed against Jews (robberies, plunders, ect.), were not of anti-Semitic nature. In the spring of 1916 in the Yeniseysk province there was a difficult socio-economic situation due to the increasing food prices. The author gives examples of expression of discontent by the population, sometimes it was anti-Jewish (Krasnoyarsk pogrom on May 7, 1916, etc.). The author concludes that these events were caused by socio-economic factors, not by the ethnic ones. However there were facts proving that these events had been planned and prepared by a certain group of people who tried to stir up anti-Semitic attitudes. Due to the lack of relevant materials it is impossible to identify the forces that stood behind those people and clarify their aims. The article is based on the materials from the central and local archives.

Keywords: the Yenisey region, The First World war, Anti-Semitism, anti-Jewish pogrom, socio-economic situation, crime, blackmail.

Kalmina, Lilia Vladimirovna,

Doctor of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); kalminal@gmail.com

Wars of the Early XX Century as Catalyst of Economic Development of Transbaikalia

At the turn of the XIX - XX centuries the Tsarist Government had already recognized the necessity of Russian Eastern regions' advanced economic development for the solution of foreign-policy tasks. However the economy of Trans-Baikal Region that was supposed to serve as basis for the future military activities against China, was of a clearly feudal character lagging far behind the other Siberian territories. At first even the Transsiberian Railway did not

significantly change the Trans-Baikal economic market, though its construction was, nevertheless, the main modernization achievement for the regional economics.

The military factor was conducive to successful Transbaikalian industrial development. Unsuccessful Russo-Japanese war once again demonstrated Russian eastern regions' vulnerability. Trans-Baikal Region previously regarded as the Russian Empire's raw material supply began to develop as industrial region: extraction of minerals became more intensive, processing industry having obtained its shape.

Chinese revolution and Mongolian independence were the events of great importance for Russia and promised to strengthen Russian economic rating in the Mongolian market. Russian Government began to develop transport infrastructure plans for the region. Construction of Khiachta Railway in Mongolia via Urga to Peking and its connection with the Trans-Baikal Region in Verkhneudinsk were intended to strengthen Russian influence in Mongolia and to remove China as economic rival.

Since the beginning of the World War I facing the threat of Western industrial regions' loss the Tsarist Government realized the evident advantages of Asian markets. Russia began to develop Trans-Baikal Region as economic base to establish Russian economic and political influence in Central Asia.

Keywords: economic development, trading-industrial base, transport construction, strategic importance, foreign policy target, Transsiberian Railway, Mongolian market, Chinese competition, Russo-Japanese war, World War I.

Kushnareva, Margarita Dmitrievna,

Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University;
rita270880@mail.ru

Fur Trade in the North-East of Siberia and State policy during the First World War

The article describes the basic directions of state policy in the sphere of fur trade during the First World War. A key issue analyzed in this paper is the work of the Meeting at the Nizhniy Novgorod Fair Committee, chaired by a member of the State Duma A. Salazkin, which discussed a series of questions concerning the development of the foreign fur trade, fur reserves and organizations in the territory of the Barguzinsky uyezd of the Irkutsk province. Of scientific interest is the information about G. G. Doppelmaier's expedition, organized by the Ministry of Agriculture to determine the effectiveness of the reserve. The paper presents the previously unpublished historical data – the results of expedition as they were described in the report of G. G. Doppelmaier. According to the expedition report, the representatives of indigenous population from the reserve were among the participant of the Congress of fishermen where they expressed the view that the reserve did not help to protect sables. Some fishermen believed that reproduction of sables could be provided by keeping terms and using proper methods of hunting. The second part of the study presents data about turnover of large firms from the north-

eastern Siberia that sold furs in the foreign markets. Trading houses «Heirs of A. I. Gromova», «Heirs of A. M. Kushnarev», «G. V. Nikiforov», «Kokovin and Basov» during the First World War entered the new international markets of the United States and Great Britain to sell large quantities of high-quality Siberian furs. In addition to transactions with furs the large firms of north-eastern Siberia during the war were engaged in supplying food to the province's population, as well as purchasing and supplying raw materials for the needs of the army. The state's interest in the development of fur trade by the large firms of north-eastern Siberia was conditioned by the fact that the treasury received regular assignments highly needed in view of the military budget deficits. The author notes that in addition to their commercial activities the merchants were actively involved in charity for the needs of the army.

Keywords: fur trade, public policy, law, trapping, large firms, north-eastern Siberia, war, nature reserve, lots of fur, the circulation of capital.

Plekhanova, Anna Maximovna,

Doctor of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); plekhanova.am@mail.ru

Impact of the First World War and the Civil War on the Demographic Processes among the Buryat Population

The unfavorable demographic situation among the Buryats – indigenous ethnic group of the Transbaikal region and Irkutsk province, resulting from the implementation of the land management policy by the Tsarist government was clearly manifested at the beginning of the XX century. During World War I this situation worsened. The mobilization of the most efficient part of population as a result of the Tsar's decree “On the requisition of inorodtsy” led to a further decline of the Buryat economy and, consequently, reduced fertility.

Based on the archival sources and published literature the author reveals the demographic consequences of World War I and the Civil War. The most noticeable demographic losses among the Buryat population included the slowdown in the natural population growth, increase of mortality, reduction of fertility, increase of morbidity, impairment of gender ratio in favor of women, increase of uncontrolled emigration in Mongolia.

After the Civil War the main source of the Buryat population growth was natural reproduction, which was still marked by high fertility and high mortality, particularly among children.

The article proves that the war is not only a powerful factor influencing the mechanism of demographic changes, but it is often the reason for the demographic crisis.

Keywords: World War I, Civil War, the buryats, requisition of foreigners, demographic processes, emigration, demographic crisis, population, fertility, mortality, age and gender structure of population.

Komleva, Evgeniya Vladislavovna,

Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); feodal@history.nsc.ru

Siberian Merchantry in the Periods of War Conflicts (XIX – early XX century)

On the basis of reference editions on the history of Siberian and Far East merchantry the article considers the merchants' role in repelling the threat to the country's security and overcoming the consequences caused by Russia's participation in the military conflicts and long wars in the XIX - early XX century. The different types of merchant charity in the war periods are analyzed. It is stated that merchants made the largest donations in the region, and the stronger was a military threat, the more cases of charity were observed and the greater were their amounts. The role of government in stimulation of private charity is noted. The author describes activities of merchants in different charity organizations created on the initiative of authorities' or the most active part of local population for the sake of helping the soldiers and members of their families. Creation of such organizations along with the general growth of charity movement in the second half of the XIX century made it possible not only for men but also for women to participate actively in the community life. The paper analyzes the merchants' role in the work of different structures established for coordination of army supply during the First World War, and also their role in the committees providing help to refugees. Cases of merchants' personal participation in combat operations have been revealed. The special attention is given to the war's impact on merchant trade and enterprise. It is shown that in the war periods a part of merchants suffered losses due to the decrease in consumer demand and the government's economic policy, however many other entrepreneurs succeeded to fit the new conditions and to increase considerably their incomes supplying the army with munitions, clothes and food.

Keywords: Siberia, merchantry, war conflicts, charity, trade and enterprise.

Afanasyev, Pavel Alexeevich,

Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical Academy (Barnaul); pavel_afanasev@mail.ru

The Cabinet of His Imperial Majesty and the Altai District in the First World War

The article characterizes the policy of the Cabinet of His Imperial Majesty in regard to the Altai district during the First World War. The author shows that by the beginning of the war at the head office E.N. Volkov had developed an enthusiastic view of the situation in the Cabinet segment of the region. Having reorganized the land use system by the summer of 1914 the Altai district's authorities approached a long-awaited milestone allowing them to focus all efforts exclusively on the Cabinet economy. According to the author, the way the Cabinet's prospects were perceived at the beginning of the war determined the policy of the Cabinet managers in the Altai. The difficulties caused by the war did not lead to any significant corrections to the planned development of the district. The basic idea of

the article is that during the First World War the quality of governance tended to decrease. The author notes that during the war disagreements between E.N. Volkov and the Chief of the district V.P. Mikhailov became even stronger. The head of the region did not support the enthusiastic expectations of his boss, more soberly assessing the situation in the district. The author comes to conclusion that by 1916 managerial controversy had only sharpened divergence of views about the Altai region's actual state and prospects of its development. Ye.N.Volkov's assessment of situation in the Altai district was based on the idea of its progressive development. Such perception was fully expressed during his trip to the Altai in the autumn of 1916. However, the discrepancy between plans and its current goals led only to an external well-being. In the end, the author believes that stated managerial trends that developed in the relations between the Cabinet and the Altai district, were among the factors of the Cabinet economy's rapid degradation that occurred during the first revolutionary months of 1917.

Keywords: Cabinet of His Imperial Majesty, the Altai district, E.N. Volkov, V.P. Mikhailov, managing.

Tishkina, Ksenia Alexeevna,

Altai State University,
ksetishkina@mail.ru

The Role of E.L. Zubashev in Organization of Departments of the Siberian society For Feeding the Sick and Wounded Soldiers in 1914.

Russia's entry into the First World War was accompanied by patriotic enthusiasm of population. Across the country various charitable institutions were created. Their activities were aimed at supporting soldiers at the front line. One of such organizations was the Siberian society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers (1914–1918). The organization originated in September 1914 on the initiative of Siberians living in Petrograd. In 1915 across the Russian Empire there were 34 departments of the Siberian Society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers. The purpose of the members of the society was to establish field hospitals and so-called medical-nutritional units to help the wounded soldiers. In the rear areas its employees were to give full support to demobilized soldiers. Members of the Siberian Society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers collected money and clothing donations; registered petitions for pensions; helped the sick soldiers who were returning home; drew up lists of killed, wounded or missing soldiers of Siberian origin. Productive work of this organization was provided by enthusiasm of its employees.

One of the active members of the Siberian Society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers was Yefim Lukyanovich Zubashev (1860-1928) - social and political activist of Russia at the beginning of XX century. From 1899 to 1907. he served as director of the Tomsk Institute of Technology. Since 1912 - Member of the State Council of the Siberian exchange committees. In November 1914, as authorized by the Siberian Society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers, Yefim Lukyanovich Zubashev was sent to the Tomsk province to coordinate the

efforts of the local community for the establishment of regional departments of the organization. Thanks to the work E.L. Zubasheva by the end of 1914 in Tomsk province seven departments of the Siberian society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers had been formed.

Keywords: charity, patriotic, the First World War, Tomsk province, Siberian society for Feeding the Sick and Wounded Soldiers.

Matkhanova, Natalya Petrovna,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); istochnik_history@mail.ru

The Printing Bureau of the Tatyana's Committee and Collecting the Refugees' Memoirs

The paper considers the work of the Printing Bureau of the Tatyana's Committee (Committee on Providing the Temporary Assistance to the Victims of the War Disasters). The author used circulars of the Committee, reports of its Special Department and the shorthand transcript of the Second Congress of its local offices' representatives, as well as letters of P.G. Vasenko to S.F. Platonov. Chairman of the Printing Bureau, historian P.G. Vasenko and the Bureau's manager, journalist L.N. Vitvitskiy were in charge of its two main lines of activities, such as 1) the collection and creation of sources on the history of refugee movements, and 2) the identification and collection of printed materials on refugees and informing the public about the activities of the Tatyana's Committee. Formally the Printing Bureau was established in November 1916, however Vasenko's report and his letter to Platonov contained information about the actual start of the Bureau's work already in 1915. Along with high rank officials many well-known historians worked in the the Bureau and in Historiographical Commission of the Tatyana's committee. These bodies' official task was writing the history of refugees movement, collecting and partial publication of sources. In 1916-1917 the Committee's "Proceedings" began to publish stories of such refugees. Historians, primarily Vasenko, developed a program for recording their memoirs. This program with guidance on its use was sent to the local offices of the Committee. In their speeches at the Congress in April 1917, S.F. Platonov and P.G. Vasenko stressed the importance of recording the memories of many "uncultured people" as an important source for future researchers of the history of the First World war. It was no mere chance that the two medievalists, specialists in the history of the Time of Troubles, expressed such views. Their approach allows us to consider them as the predecessors of the "oral history" that developed much later. Study of the activities of the Printing Bureau and Historiographical Commission of the Tatyana's Committee is important for understanding the possibilities of professional historians' self-realization during the war.

Keywords: The First World War, refugees, Tatyana's Committee, Printing Bureau, collecting memoirs, S.F. Platonov, P.G. Vasenko, oral history

Sokolovskii, Ivan Rostislavovich,

Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); sokolowski@yandex.ru

Military Conflicts of the XIX–XX Centuries and the Poles at Tomsk: History of a Photo Album

Since the late XVIII century and mainly in the XIX–XX centuries the lands inhabited by Poles had been put into the orbit of the Russian Empire. In 1772 Russia, Austria and Prussia partitioned the Polish-Lithuanian Commonwealth for the first time. The revolutionary events in France predetermined a negative reaction of Eastern European monarchies to the changes in Poland. Insoluble contradictions between the various parties, foreign intervention led to a prolonged crisis of 1790–1795 which was resolved in the second and third partitions of Poland between its neighbors. However, the loss of political sovereignty did not lead to the loss of political consciousness of the representatives of the Polish nation, all the more so as after victories over Austria the French Emperor Napoleon Bonaparte in 1807 restored the semi-autonomous Duchy of Warsaw. It existed until 1815, later was incorporated into the Russian Empire as the Kingdom of Poland. The contradictions between tsarism and the Polish population were insoluble within the Russian political mechanism of those times and led to armed uprisings of 1830 and 1863.

The answer to these revolts was the forced migration of the socially active part of population into the eastern regions of the Russian Empire, to Siberia. Part of the population moved to Siberia voluntarily. In the XIX century Poles formed in the Western Siberia a large group which is currently well-studied by the Siberian scientists. However, some unique documents fell into the author's hands: a separate photograph and a whole photographic album. The separate photograph and five photos from the album have inscriptions on the back side allowing us to determine the names and fates of a number of Poles who lived in Tomsk since 1863. They were Jakub Wikilinski (1840–1882), Jozefa Wikilinska (b. 1872), Valeria Wikilinska, Bronislaw Ostrowski (d. After 1905), Witold Ostrowski. They were all relatives of Adelaida Witoldovna Ostrowska who married Fedor Bozhko-Bozhinski in 1918.

Keywords: Poles at Siberia, photo album, Wikilinski, Ostrowski, exiled rebels of the 1863.

Minina, Natalia Alexeevna,

Novosibirsk State Museum of History and Nature
minina_n@ngs.ru

The First World War: a Collection of the Novosibirsk State Museum.

Novosibirsk State Museum was founded in 1920. The thematic collection of the First World War has been amassed throughout the history of the museum and contains over two hundred items. The collection was started during the Soviet era which actually led to a number of interesting artifacts. Initially it was not focused on the war artifacts due to the absence of the relevant state demand. This lack of state direction allowed the museum to assemble a wide variety of artifacts that are

not directly connected with any particular subject. Moreover, the collection does not follow traditional museum practices in that many of the museum's artifacts do not have a full history or information associated with it. All this makes it difficult to work with the collection, reduces its usefulness to scholars and researchers, but with the correct investigation, the artifacts can be used in exhibitions and other educational activities.

The museum's collection contains authentic artifacts from the war period including rifles and helmets. The museum also holds other significant items including various medals, badges and military awards given to Russian soldiers. The museum had some unique pieces of uniform from both the Russian Imperial Army and the Germany Army. Beyond the authentic items such as rifles and uniforms, the museum also contains documents, photographs and postcards within the museum's archival collection. The real treasures of the Novosibirsk State Museum are the photograph collections of the 5th Siberian Rifle Regiment and the 4th Siberian Rifle Corps. The photographs of the Siberian units during the First World War represent a truly unique chronicle of the war and many of the photographs that were shot on the regional scene are a true rarity. Beyond the photographs, the archival collection also includes various Russian wartime periodicals.

Keywords: World War I; thematic collections; Novosibirsk State Museum of History and Nature; acquisition; archival collections; phaleristics; armory; military decorations and awards; Saint George's Cross; Imperial Russian Army; photographic archive; war prisoner.

Pavlova, Natalia Innokentievna,

Gayer, Irina Nikolayevna,

Museum Complex of Kuybyshev (Novosibirsk region, Kuybyshev);
m1056@mail.ru

Sons of the Kainsk Land at the Fronts of the First World War

The article lists surnames and short biographical data on the veterans of the First World War – the authors' fellow countrymen, natives of Kainsk district of Tomsk province (now Kuibyshevskiy, Vengerovskiy, Kustovskiy districts of the Novosibirsk region) and partly Tara and Tatar districts of the Tobolsk province (now Omsk region).

These materials are stored in the fonds of Kuybyshev Museum complex. The article is based on the memories of Kuibyshev (before 1935 – Kainsk) residents, collected by V.A. Oblasova, the director of the House-Museum of V.V. Kuybyshev in 1953–1981, as well as memories of participants of the civil war in Siberia and establishment of Soviet power in the area of Kainsk uyezd, collected by the participant of the civil war, career soldier M.I. Stupakov.

The main task of this article is to restore the full list of participants of the First world war - residents of the Kainsk uyezd, on the basis of the above-mentioned materials and research conducted at the Museum complex. This is the first attempt to generalize the study materials on this topic.

The presented results are a part of the project «World War I, 1914-1918. Alphabetic lists of participants of World War I, natives of the Kainsk district of the Tomsk province». Surnames of the lower ranks who remained alive and came back from the front are listed in this project. However it doesn't include the data about the dead, whose lists can be freely accessed on the website of the Russian State Library.

Based on the materials of Local Lore And Memorial House-Museum of V.V.Kuibyshev (Kuibyshevsky district) and on the memoirs and personal archives of Kuibyshev citizens the authors managed to find and specify 91 surnames of participants of World War I – natives of the Kainsk district of the Tomsk province. For those of them who later took part in revolutionary movement and establishment of the Soviet power in the Kainsk district of the Tomsk province the short biographical data is submitted.

The search is being continued. These materials are demanded for exhibition activity by the museums, libraries, educational institutions, Salon of memory of Kuibyshev district.

Keywords: First World War, Kainsk district, participants of the First World War, M.I. Stupakov, V.A. Oblasova.

Сибирь и войны XIX – XX веков:

Сб. мат. всерос. науч. конф.

Отв. ред. М.В. Шиловский.

Новосибирск, 2014.

Адрес редколлегии:

istorik.novosib@gmail.com

Печатается в авторской редакции

Редактор английских текстов: Д.А. Ананьев

Вёрстка: А.К. Кириллов

Формат 70 x 100 1/16. Объём 8,6 уч.-изд.л.
